

6

Русская речь

1975

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 6, 1975 ноябрь — декабрь

В номере:

250 лет Академии наук СССР

В. И. Кодухов. Русский язык в Академии наук СССР 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 150-летию со дня восстания декабристов

В. В. Одинцов. Политическое красноречие декабристов 11

Е. П. Мстиславская. «Свобода, изобретение и новизна...» 20

Е. П. Ходакова. Народно-разговорная лексика в произведениях декабристов 25

Н. Г. Деревнина-Ларионова. Слово в поэзии А. И. Одоевского 32

Н. И. Неженец. Стих Сурикова 39

Л. А. Гладышева. Оптимистическая трагедия 45

КУЛЬТУРА РЕЧИ

А. Н. Кожин. Ораторское искусство М. И. Калинина 50

Р. И. Аванесов. Беседы о русском произношении 54

Л. Н. Кузнецова. Культура речи в передачах для детей 56

ГРАММАТИКА, СТИЛИСТИКА

Н. С. Авилова. Часть — падать — упадать 61

В. Н. Белоусов. Трудности в образовании форм повелительного наклонения 64

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Г. М. Левина. Кукушка, какушка, загоска	70
Е. Н. Этерлей. Загадочная кушава	74
Т. А. Мудрая. Таркйч	79
Н. И. Тарабасова. Слова с корнем <i>волн-</i>	82

ПО КАРТЕ РОДИНЫ

И. Г. Добродомов. Булгарские следы на карте	87
---	----

ХРОНИКА

Обсуждение Словаря трудностей	92
---	----

ШКОЛА

Н. А. Ипполитова. Глагол в системе частей речи	95
--	----

СОВЕДУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Л. И. Скворцов. <i>Р. А. Будагов</i> . Человек и его язык	102
М. Н. Преображенская. «Русский язык в современном мире»	104
Ю. А. Бельчиков. <i>С. И. Ожегов</i> . Лексикология. Лексикография. Культура речи	107

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

БАМ; Гололёд и гололедица; Разморозить; Какого рода «джерси», «такси», «виски»? Конфронтация; Бить баклуши	110
--	-----

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1975 год	122
---	-----

Практикум по стилистике	127
-----------------------------------	-----

*На обложке: Восставший лейб-гвардии
Московский полк на Сенатской площади.
Рисунок Б. Захарова*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

250 лет
Академии наук СССР

РУССКИЙ ЯЗЫК В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Русский язык всегда находился в центре научного исследования, нормализации и распространения во все периоды существования Академии наук в нашей стране — начиная от «Российской грамматики» (1755) М. В. Ломоносова и кончая современными работами Института русского языка АН СССР.

Советские языковеды-русисты, опираясь на опыт отечественного языкознания и осваивая лучшие достижения мировой лингвистической и филологической мысли, достигли таких высот, которые позволили русистике прочно занять почетное место среди наук о конкретных языках.

Большинство работ советских русистов посвящено изучению современного русского литературного языка. Современный язык изучался с точки зрения его системы, которая охватывает звуковой строй, морфологическую структуру, синтаксис и словарный состав языка, с точки зрения его стилей и стилистических качеств, места и роли в диалектном многообразии, исторической обусловленности, современной литературной нормы и самой системы языка. По-новому, глубоко и интересно была поставлена и исследована проблема «Русский язык и советское общество».

Русское слово как основная единица языка получило многоаспектное освещение. В морфологии особое внимание было обращено на классификацию слов по частям речи, на грамматические категории, морфемный состав и морфологическую структуру слова, словосочетание и предложение.

В 1925 году были опубликованы: «Русский язык» М. Н. Петерсона и «Очерк современного русского литературного языка» А. А. Шахматова. В этих работах излагались два подхода к морфологии — формальный и семантический. Они были проанализиро-

ваны в статье Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке», опубликованной в сборнике «Русская речь» (вып. II, 1928). Если сторонники первого направления стремились строго различать формальное и семантическое в слове, шли от формы к содержанию, то сторонники второго направления, признавая единство формы и содержания, ведущим в морфологической категории считали ее семантическую структуру. Морфология стала пониматься как учение о словоизменении, словообразовании и частях речи.

Для дальнейшего развития морфологических исследований необходимо было привлечение богатого фактического материала и теоретическое осмысление лингвистической традиции.

В 1927—1931 годах выходит в свет книга С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке» (вып. I—II), в которой автор, показывая многообразие и изменчивость форм падежа и числа, призывал будущих исследователей создавать теории на большом фактическом материале, учитывая изменчивость самой литературной нормы, ее связь с народно-разговорной речью и традициями, заложенными в прошлом.

В 1938 году был издан в двух выпусках «Современный русский язык» В. В. Виноградова, а в 1947 году вышел в свет уже переработанный вариант — «Русский язык. Грамматическое учение о слове». Подводя итоги предшествующему развитию отечественной и зарубежной грамматической мысли в области морфологического строя современного русского языка, автор создает синтетическую, многоаспектную морфологию.

Синтаксическая теория советского времени развивалась в борьбе тех же двух концепций, что и морфология, — формальной и семантической. Так, в 1923 году появился «Очерк синтаксиса русского языка» М. Н. Петерсона. Е. С. Истрина подготовила к печати «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова. Эти работы и определили направление синтаксических исследований.

Предметом синтаксиса становится, с одной стороны, словосочетание, функционирование форм слова и частей речи в словосочетании и предложении, а с другой стороны — предложение как особая, позиционная единица языка, обращенная к формам мысли и к формам языка.

Дискуссия тридцатых годов, вызванная необходимостью составления стабильного школьного учебника и вузовских пособий по современному русскому языку, восстановила второстепенные члены предложения и сложное предложение в том варианте, как они были представлены в логико-грамматическом синтаксисе.

Позднее в трудах Н. С. Поспелова было разработано учение о сложном предложении как особой целостной единице языка и предложена структурно-семантическая классификация сложных предложений. Термин «сложное синтаксическое целое» стал обозначать текстовую единицу, состоящую из ряда самостоятельных предложений. Такая текстовая синтаксическая единица монологического и диалогического типа, названная Л. А. Булаховским сверхфразовым единством, стала предметом специального изучения.

Развитие школьного дела, языковое строительство ставило перед языковедами все новые и новые задачи. Было осознано, что деятельность языковедов. (в том числе и русистов) состоит не только в научном исследовании русского языка и в разработке лингвистической теории, но и в кодификации литературной нормы и содействии поднятию культуры русской речи. Поэтому первый директор Института русского языка АН СССР академик С. П. Обнорский первоочередными задачами советских русистов считал составление словаря и создание кодекса орфографических и орфоэпических норм русского литературного языка.

В 1952—1954 годах была опубликована академическая «Грамматика русского языка», первый том — под редакцией В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова, второй том (две части) — под редакцией В. В. Виноградова и Е. С. Истриной. Это была первая общедоступная нормативно-стилистическая грамматика современного русского литературного языка, опирающаяся на наиболее установившуюся грамматическую концепцию.

Выход в свет академической «Грамматики русского языка» активизировал исследование различных сторон грамматического строя русского языка. Появляется большое количество монографий, посвященных разным вопросам грамматики, особенно словообразованию и синтаксису; изучаются стили литературного языка, язык художественной литературы, разговорная речь. Накопление фактического материала и его теоретическое осмысление сопровождается уточнением методики научного исследования и описанием, что и отражает вышедшая в свет в 1970 году «Грамматика современного русского литературного языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой.

Нормативно-стилистическое описание русского литературного произношения осуществлено Л. В. Щербой и М. И. Матусевич в разделе «Фонетика» «Грамматики русского языка». Почти одновременно вышла книга Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (1950); в 1955 году издан (под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова) словарь-справочник «Русское литературное ударение и произношение». Публикуются статьи и книги по теоретической фонологии, проведены многие экспериментально-

фонетические исследования звуков речи и их сочетаний, слога, ударения и интонации.

10 декабря 1918 года Совет Народных Комиссаров издал специальный декрет, утвердивший новое правописание. Эта реформа упростила русское письмо; однако она не устранила многих спорных вопросов орфографии, дублетных и колеблющихся написаний. Необходимо было составить свод орфографических правил. С этой целью была создана Правительственная орфографическая комиссия, которая работала под руководством С. П. Обнорского, а позднее — В. В. Виноградова. Подготовленный комиссией свод правил был утвержден АН СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР, а в 1956 году опубликованы «Правила русской орфографии и пунктуации» и «Орфографический словарь русского языка».

Как реформа орфографии, так и составление нормативного словаря проводились по заданию Советского правительства. В. И. Ленин обратил внимание Народного комиссара просвещения А. В. Луначарского на необходимость издания «хорошего словаря русского языка», «словаря слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 51). Первый четырехтомный «Толковый словарь русского языка» был составлен группой московских и ленинградских филологов под редакцией профессора Д. Н. Ушакова (1934—1940). В 1949 году был издан однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (10-е издание — 1973 год). В 1957—1961 годах вышел в свет четырехтомный «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, в 1948—1965 годах — семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка», удостоенный Ленинской премии. Этот словарь содержит уникальную коллекцию образцов русского словоупотребления, извлеченную из художественной, общественно-политической, научно-популярной, мемуарной, эпистолярной литературы и других источников. (Картотека словаря насчитывает около 6,5 млн. единиц.) Отражая речевую культуру русского народа более чем за сто лет и давая нормативно-стилистическую оценку каждого факта, «Словарь современного русского литературного языка» является не только пособием по культуре речи, но и справочником при чтении произведений русской литературы XIX—XX веков.

Второе основное направление в науке о русском языке — историческое. Оно является также многоаспектным. Спираясь на достижения отечественного языкознания, прежде всего на работы

А. А. Потебни, А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, советские историки языка описали основные памятники прошлого, выявили структурные особенности языка на разных этапах его развития, установили основные законы, определившие развитие русского языка и современное его функционирование.

Хотя исторической фонетике и морфологии уделялось должное внимание (необходимо назвать прежде всего работы В. В. Иванова и П. С. Кузнецова), особенно интенсивно разрабатывались исторический синтаксис и лексикология. Синтаксис летописей был исследован Е. Ф. Карским и Е. С. Истриной, синтаксис древнерусских грамот — В. И. Борковским (две монографии опубликованы в 1949 и 1958 годах). Е. Т. Черкасова проследила историю союзов русского языка. В 1956 году вышли «Очерки по историческому синтаксису русского языка» Т. П. Ломтева. Предметом пристального внимания стал не только древнерусский язык XI—XIV веков, но и язык XVII—XVIII и даже XIX веков. В 1964 году вышли в свет (под редакцией В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой) многотомные «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века». Под руководством и при непосредственном участии академика В. И. Борковского в 1968—1972 годах подготовлен и опубликован многотомный «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков».

Историческая лексикология русского языка как особая отрасль знаний впервые была представлена книгой Ф. П. Филина «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (1949). Автор не только исследовал лексику летописей, но и определил предмет и методику исторической лексикологии. Б. А. Ларин исследовал и опубликовал «Парижский словарь Московитов» (1948) и «Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса» (1959). В 1956 году появился «Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период» П. Я. Черных. Из монографий по истории словарного состава русского языка следует упомянуть книги: «Русская лексикография эпохи Средневековья» (1963) Л. С. Ковтун, «История военной лексики в русском языке XI—XVI вв.» (1970) Ф. П. Сороколетова, «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века» (1972) Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной; «Формирование языка русской науки» (1964) и «Формирование терминологии физики в России» (1966) Л. Л. Кутиной, «Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века» (1964) В. В. Веселитского, «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века» (1965) Ю. С. Сорокина. Несомненно крупным достижением исторической лексикологии русского языка будет издание словарей древнерусского языка и языка XVIII века.

Получил русский язык и сравнительно-историческое освещение в связи с разработкой проблем праславянского языка, сравнительно-исторической грамматики славянских и восточнославянских языков, а также их происхождения. Проблема происхождения русского языка рассматривалась как с точки зрения эволюции системы общеславянского языка, так и с точки зрения истории славянских народов, этнической и социально-экономической обусловленности истории близкородственных языков. Решению этой проблемы способствовали работы А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Л. П. Якубинского, Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова, Л. А. Булаховского, В. В. Мартынова, О. Н. Трубачева. Особо надо упомянуть две книги Ф. П. Филина — «Образование языка восточных славян» (1962) и «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972).

Новой научной дисциплиной, возникшей в недрах русистики, является история литературного языка. Функционирование литературного языка в национальный и донациональный период, соотношение литературного языка с художественной литературой, деловой письменностью, языком науки, с народно-разговорной речью, с устной и письменной формами языка, роль мастеров культуры в развитии и совершенствовании литературного языка — все это и многое другое стало предметом новой лингвистической дисциплины. Ее основополагающими трудами являются: «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков» (1934) В. В. Виноградова, «Русский литературный язык первой половины XIX века» (I—II, 1941—1948) Л. А. Булаховского, «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946) С. П. Обнорского. Созданы учебные пособия для вузов по этой дисциплине, например, «История русского литературного языка» (1969) А. И. Горшкова.

Издан «Словарь языка Пушкина», издается «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», большое количество работ посвящено языку Пушкина, Горького, Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, Федина, Леонова, Шолохова и многих других писателей, поэтов и драматургов.

Особое внимание уделено изучению языка В. И. Ленина. Институт русского языка АН СССР в настоящее время работает над созданием словаря произведений В. И. Ленина.

Исследование языка художественных произведений и отдельных авторов соприкасается с работами по стилистике и культуре речи. Теория стилистики и культуры речи опирается на исследо-

вание языка советского общества и тесно связана с языковым строительством и выработкой практических рекомендаций.

Третье основное направление русистики — это изучение русских народных говоров. В этой области собран богатейший фактический материал, созданы обобщающие труды — «Русская диалектология» (1924) Е. Ф. Карского, «Очерки русской диалектологии» (1949) Р. И. Аванесова, «Русская диалектология» (1964) под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, «Русская диалектология» (1973) под редакцией П. С. Кузнецова.

Из монографий по русской диалектологии следует назвать книги: «Диалектологический очерк Сибири» (1921) А. М. Селищева, «Именное склонение в современном русском языке» (1927—1931) и «Очерки по морфологии русского глагола» (1953) С. П. Обнорского, «Очерки языка русских крестьян» (1936) Н. М. Каринского, «Исследование о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии» (1936) Ф. П. Филина, «Воронежские диалекты» (1947) Н. П. Гринковой, «Очерки по синтаксису русских народных говоров» (1953) А. Б. Шапиро, «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» (1959) В. Г. Орловой, «Южновеликорусское наречие в XVII столетии» (1963) С. И. Коткова.

Большая работа была проведена АН СССР по созданию диалектологического атласа русского языка. В 1936 году был опубликован «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка», составленный В. И. Чернышевым, С. А. Ереминым, Б. А. Лариным и Ф. П. Филиным. На собранном материале М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин составили пробный «Лингвистический атлас района озера Селигер» (1949). В 1944 году в Вологде была созвана Всесоюзная конференция диалектологов, где была принята «Программа собирания сведений...», которая содержала также инструкции для собирателей. К сбору материалов были привлечены преподаватели, аспиранты и студенты русских отделений и факультетов педагогических институтов и университетов. Сейчас сбор материала по всем томам закончен, материалы обрабатываются и картографируются. В 1957 году был напечатан «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», подготовленный коллективом авторов под руководством Р. И. Аванесова.

Работа над Атласом оживила диалектологические исследования по всей стране; появились описания отдельных говоров, областные словари; с 1965 года начата публикация сводного «Словаря русских народных говоров» (сейчас набирается десятый выпуск); над словарем работали и работают сотрудники Словарного сектора ИРЯ АН СССР.

Высокий научный уровень исследований в области русского языка оказал большое и благотворное влияние на развитие лингвистической теории у нас в стране и за рубежом. Академик В. В. Виноградов справедливо назвал науку о русском языке «главной лингвистической лабораторией, в которой активно и перспективно разрабатываются общие вопросы фонетики, грамматики, семасиологии и лексикологии» (В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955).

Русистам АН СССР удалось многое сделать в совершенствовании образования и воспитания студентов и учащихся. Первые вузовские учебники по современному русскому языку написаны В. А. Богородицким, М. Н. Петерсоном, Л. А. Булаховским. Вышли в свет под редакцией В. В. Виноградова учебники современного языка для университетов и педагогических училищ. Вузовские учебники по исторической грамматике русского языка написали Н. Н. Дурново, Е. С. Истрина, Л. А. Булаховский, Ф. П. Филин, Л. П. Якубинский, В. В. Иванов, а «Историческая грамматика русского языка» В. И. Борковского и П. С. Кузнецова является сейчас основным учебником по этой дисциплине. В начале 30-х годов ЦК ВКП(б) поставил задачу разработать школьные программы и стабильные учебники. В создании такого учебника по русскому языку большая роль принадлежит С. Г. Бархударову, А. Б. Шапиро, Л. В. Щербе. Авторами статей журнала «Русский язык в школе» были почти все ведущие русисты страны.

Наконец, нельзя не отметить участия Института русского языка АН СССР в распространении знаний о русском языке и повышении речевой культуры самых широких слоев населения. Более десяти лет в издательстве «Наука» существует научно-популярная серия по русскому языку и языкознанию; авторами книг этой серии являются в основном сотрудники Института русского языка.

Сейчас советская русистика находится в расцвете сил; она готова к решению еще более значительных задач, чем те, которые решены в течение тридцати лет, прошедших со дня организации Института русского языка Академии наук СССР.

В. И. КОДУХОВ
Ленинград

*К 150-летию
со дня восстания
декабристов*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ ДЕКАБРИСТОВ

11 августа 1819 года в Киеве происходило торжественное собрание Библейского общества. В первых рядах сидели именитые сановники, духовные особы, почетные представители других сословий. С речью выступил вновь избранный вице-президент Михаил Федорович Орлов, один из героев Отечественной войны. Страстная речь, произнесенная вице-президентом Библейского общества, вызвала недоумение и протесты одних, восторги — других. О чем же говорил этот молодой генерал? Оратор обрушился на реакционеров, гонителей просвещения, «гасителей» всего передового, прогрессивного: «Защитники невежества», говорил М. Ф. Орлов, всегда «преследовали всех благомыслящих людей России», и теперь «они употребляют все усилия, чтобы обратить его (отечество) к прежнему невежеству и оградить непроницаемой стеной от набегов науки и художеств» (Сборник императорского русского исторического общества, т. 78, СПб., 1891). Удивительно, как в обстановке политических преследований и усердного полицейского надзора можно было бросать в лицо тем же мракобесам столь смелые обвинения: «Сии политические старожеры руководствуются самыми странными правилами: они думают, что вселенная создана для них од-

них, что они составляют особенный род, избранный самим Промыслом для угнетения других, что люди разделяются на две части: одна, назначенная для рабского челобития, другая — для гордого умствования в начальстве. В сем уверении они стяжают для себя все дары небесные, все сокровища земные, все превосходство и нравственное и естественное, а народу предоставляют умышленно одни труды и нетерпение...». И здесь же социально-политическое обобщение: «... от сих правил родились все уничтожительные системы правления» (там же).

29 августа П. А. Вяземский писал из Варшавы А. И. Тургеневу: «Читал ли ты библейскую речь Орлова? Как приняли ее у вас? Это не мне чета, а меня цензура в тисках держит. Я ее читал с отменным удовольствием: много неправильности в слоге, но всегда сила, всегда живопись, везде отпечаток ума бодрого и души плотной...». П. А. Вяземский удивляется смелости М. Орлова, недоумевает, как вообще можно было такое говорить публично: «Я никак не понимаю, что дали ему киевские черно-книжники читать это». Вместе с тем он восхищается ораторским мастерством Орлова: «Как ловко отделался он от церковного пустословия: текстов, Моисеев, духовных гладов и прочаго, и прочаго. Ну, батюшка, оратор!». И добавляет: «Я в восхищении от этой речи и все еще в надежде, что она так с рук ему не сойдет. А если нет, то я сейчас прошусь в Библейское общество: в нем только и есть спасение» (Остафьевский архив, т. I, СПб., 1899).

Какой же смысл выступать с революционной проповедью перед реакционными церковниками? Ответ находим в «Записках» декабриста И. Д. Якушкина, который характеризовал М. Орлова как «человека высшего разряда по своим умственным способностям и другим превосходным качествам»: «В Киеве Орлов устроил едва ли не первые в России училища взаимного обучения для кантонистов. В Библейском обществе он произнес либеральную речь, которая ходила тогда у всех по рукам, и вообще приобрел себе в это время еще большую известность, нежели какой пользовался прежде» (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1, 1951). В письме П. А. Вяземскому 28 февраля 1820 года на вопрос, напечатана ли его речь, М. Ф. Орлов отвечал: «Нет, она в типографическую службу принятой быть не может... А бродит партикулярно из рук в руки. И то не худо» (Литературное наследство, т. 60, кн. I).

М. Ф. Орлов

Передовая русская мысль искала трибуну для своего выражения и находила ее иногда неожиданно. Сам факт подобного политического красноречия был неожиданностью.

Когда-то Д. И. Фонвизин спрашивал: «... отчего имеем мы так мало ораторов?». И отвечал: «Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться». И все же есть немало признаков, которые «довольно доказывают, какого рода и силы было бы российское витийство, если бы имели мы где рассуждать о Законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих» (Об ораторском искусстве, М., 1973).

Декабристы искали и находили подобные случаи для пропаганды своих взглядов. Известно, какие горячие споры вели они между собой, но до нас дошло очень мало текстов их публичных выступлений. Тем ценнее то, чем мы располагаем, тем большего внимания заслуживают их речи.

Перед М. Ф. Орловым стояла трудная задача: высказать мысли о свободе, говоря о задачах общества, которое вовсе не занималось политическими вопросами. Он, конеч-

но, не мог открыто излагать идеи Союза Благоденствия. Он должен был осуждение мракобесов, рассуждения о прогрессе, о просвещении связать с деятельностью Библейского общества. Естественно, что при этом на первый план выдвигаются проблемы композиции, проблемы структурной организации речи. Как же построил свое выступление М. Ф. Орлов? Предупредив слушателей о том, что он не будет говорить о «спасительной цели» общества, предоставив «сей высокий предмет красноречию священных ораторов», М. Ф. Орлов подчеркнул: «Я буду говорить наипаче для тех людей, кои образованы положительными познаниями, ищут во всяком предмете не вообразительной красоты, но существенной пользы».

Такое предупреждение указывало на то, что оратор намерен говорить не только и даже не столько для собравшихся, через их головы он обращался к иной аудитории. Сами словосочетания *положительные познания, существенная польза* в таком контексте, в такой речевой ситуации приобретали особый смысл. Это был один из приемов, который позволял декабристам обходить цензурные рога. Сама внешняя неопределенность выражения оказывалась исключительно удобной формой для сообщения вольнолюбивых мыслей.

Позже слово *польза* употребляется М. Ф. Орловым и в широком, и в узком смысле. За вступлением следует не только общая характеристика деятельности Библейского общества, но указывается, что оно может сделать для науки, для просвещения народа; набрасывается впечатляющая картина того, как Россия вырывалась из невежества, как «Петр Великий дал нашим умам постоянное склонение к образованию, породил науки и художества в обществе...». Затем развертывается острая критика «политических староверов».

Этот раздел заметно отличается от остальных, выделяясь на общем фоне не только содержательно, но и стилистически. Любопытное признание самого М. Ф. Орлова мы находим в его письме П. А. Вяземскому (1812): «Посылаю к тебе речь мою в Киевском Библейском обществе. Есть части изрядные, кои писаны были мною... Ты легко отгадаешь по сему, что я говорю о картине наших гасителей и противников просвещения. Хотя сия часть слишком длинна в сравнении с прочими, но я для нее сочинил всю речь и, следовательно, чувствуя погрешность, не хотел переменить» (Литературное наследство, т. 60, кн. I).

Это, действительно, центральная (и по расположению, и по смыслу) часть выступления. Это как бы маленькая самостоятельная законченная речь, речь-вставка, речь в речи. Самостоятельна она не только в содержательном, но и в структурном отношении. Структурную самостоятельность ей придают свое вступление, свое развитие главной мысли и свое заключение.

Показательно, что именно здесь мы видим оговорку, которая обычно бывает во вступлении: указание на собственное неумение, слабость и т. п.: «Воспитанный на бранном поле и чуждый хитростей красноречия, я мало умею повелевать вниманию и порождать уверение в сердцах. Вся сила моего слова заключится в справедливости моей мысли» (там же). Нередко подобное предупреждение оказывается эффективным приемом убеждающей речи, когда оратор по тем или иным причинам хочет скрыть искусственность, продуманность, подготовленность неожиданного поворота. Так маскируется рассчитанная точность главного удара. В данном случае именно здесь с блеском и раскрывается ораторское искусство М. Ф. Орлова.

Ведущая мысль высказывается не сразу. Оратор проводит эмоциональную и логическую подготовку слушателей. Он как будто нерешительно сообщает: то, что он осмеливается предложить почтенным слушателям, внушено «чистым стремлением к добру», «пламенной любовью к отечеству». Мысль еще не названа, а эмоционально-экспрессивное напряжение вокруг нее огромно: «Хотя мысль, на которую прошу вас, почтенные слушатели, обратить внимание, касаясь народного воспитания, тесно сопряжена с общим благополучием, хотя все благомыслящие писатели, все любители человечества занимались предпочтительно сим великим предметом, хотя она в другом виде была первым средством и последнею целию Петра Великого, хотя с тех пор все наследники его старались водворить просвещение в отечестве нашем, однако ж, может быть, закоснелые предрассудки восстанут против моего предложения».

Этого напряжения автор достигает, широко используя синтаксический параллелизм (четырёхкратный повтор уступительного придаточного предложения с союзом *хотя*), средства лексико-семантического усиления (повтор, игра антонимов — «первым средством и последнею целию», выразительные определения и другие). Все это оформлено как эффектное противопоставление, причем на

одном полюсе «общее благополучие», «все благомыслящие писатели», «все любители человечества», Петр Великий и все его наследники, а на другом — «закоснелые предрассудки». Выделив, обособив их, оратор переходит в наступление широким фронтом. Начинается с обобщения:

«Они везде отличаются одними и теми же нравственными чертами. Любители не древности, но старины, не добродетелей, но только обычаев отцов наших, хулители всех новых изобретений, враги света и стражи тьмы, они суть настоящие отрасли варварства средних веков». Затем дается развернутая картина действий реакционеров в разных странах: «Во Франции они противятся свободомыслию и введению представительного правления; в Германии они защищают остатки феодальных прав; в Испании они торжествуют и каждый из них приносит радостно свое скудное полено для сооружения костров инквизиции; в Италии... в Турции... Наконец, история наша полна их покушений против возрождения России».

Эта часть отличается от остальных самими принципами риторической организации текста. Меняется тон изложения: из однообразно-торжественного он становится страстным, эмоциональным. Это особенно бросается в глаза, когда мы начинаем сравнивать рассматриваемую часть с предшествующей. Кажется, что вначале говорил совершенно другой человек: «Им одним подобает собирать вокруг кафедры своей толпы народа, алчащаго слова Божия; толковать намерения Всевышнего и представить, как христианский закон, возникший среди развалин древнего просвещения и разлития страстей, приклонил к устройству государственному буйствующих варваров, наводнивших Европу, возобновил забытую нравственность, возжег потухший пламенник наук и воцарил тишину и добродетель там, где царствовали ужас и порок» (там же).

Перед нами обычный церковно-торжественный стиль: риторический синтаксис, высокая, даже архаическая лексика (*приклонить, разлитие, алчущий, возжечь, воцарить*), типично церковная фразеология (*алкать слова Божия, разлитие страстей, возжечь потухший пламенник наук, воцарить тишину и добродетель* и другие). И в дальнейшем мы встречаем обычные книжные формы: *сопряженный, благомыслящий, громогласный, бдящий*; высокую лексику (*дерзновение, потщиться, чадо*). Речь насыщена метафорическими и перифрастическими обозначениями, ставшими давно устойчивыми, условными формулами цер-

ковного красноречия: *исполнение великого подвига, развернуть перед народами непреложную книгу вечной правды, сеять семена раздоров, оглашать честолюбивые умствования*. Этот обезличенный, стандартный стиль резко меняется. «Лик», «образ» вице-президента исчезает, пропадает высокая, архаическая лексика, исчезают перифразы, метафоры. Слова — самые простые, те, которые точно обозначают предмет: *нравственные черты, представительное правление, варварство средних веков* и т. п. Если раньше в центре изложения были сами по себе стилистически яркие средства, то теперь основное внимание переносится на стилистическое использование самых обычных слов и выражений, на их риторическую организацию. Прежде от оратора требовалось лишь воспроизведение готового. Сейчас же необходимо было творчество. Эмоционального напряжения, пафоса, который здесь проявился полно, М. Ф. Орлов достигает благодаря ряду выразительных сопоставлений и противопоставлений. Принцип контраста организует все изложение. Это не только антонимическое противопоставление *свет — тьма*. Эффект тем значительнее, что противопоставляются слова близкие по смыслу — синонимы или почти синонимы: «любители не древности, но старины»; «не добродетелей, но только обычаев отцов наших». Затем следует быстрый перечень ряда внешне различных действий (*противятся, защищают, торжествуют*), объединенных общим смыслом: «противодействие прогрессу». При этом выразительным становится каждое слово. Так, в данном контексте символический смысл приобретает слово *полено* («каждый из них приносит радостно свое скудное полено для сооружения костров инквизиции»). Это тоже символизация, но совершенно иного рода. «Сеять семена» — это библейский символ, символ вообще, а *полено* в общем употреблении не несет ничего символического; символом оно становится неожиданно, отсюда его выразительность.

Приведенные примеры хорошо показывают, как реализуется контраст: сначала называются факты, признаки. Стройность, законченность всего построения, логичность и естественность развития мысли позволяют говорить о большом ораторском даровании М. Ф. Орлова.

Значительный интерес у передовых людей вызвали в 1821 году парижские лекции В. К. Кюхельбекера о русском языке и литературе. Царское правительство привлекли, конечно, не филологические проблемы, а резкие выпады поэта против «деспотизма и варварства».

Чего стоят хотя бы заключительные слова одной из лекций:

«Сердце мое обливается кровью, и голос изменяет мне, когда я оплакиваю это несчастье моей родины... Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве. Русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу народа-захватчика и разрушителя» (Литературное наследство, т. 60).

Лекции были прочитаны на французском языке, поэтому мы не можем дать их собственно лингвистический анализ, но конструктивные принципы, приемы развертывания основной мысли близки здесь тому, что мы видели в речи Орлова. Свободолюбивые идеи не кажутся оторванными от остального, напротив, они логично сочетаются, выводятся, подтверждаются всем материалом.

Один из современников писал о Кюхельбекере, явно не сочувствуя поэту: «Ему нельзя отказать ни в гении, ни в таланте,— но весь его дух получил ложное направление... он следовал только своим фантазиям и идеям о свободе. Их распространять и передавать другим было главной целью его деятельности... В Париже он публично выступал как оратор, вначале под предлогом лекций по русской литературе, чтобы заполучить себе слушателей, а потом заговорил с энтузиазмом о свободе и о духе революции...» (там же).

Наконец, несколько слов еще об одной речи. Текст ее находится в следственном деле М. П. Бестужева-Рюмина. Декабрист сам изложил ее «с полной откровенностью». Вот начало речи, как ее записал Бестужев-Рюмин:

«Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения Народов от угнетающего их рабства и неужели Русские ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечествен-

ной — Русские исторгшие Европу из под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма, и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества?» (Восстание декабристов, т. 9. М., 1950).

Легко увидеть строгую логику рассуждения: народы освободились от Наполеона, теперь настало время освободиться от рабства; русские освободили Европу, с тем большей ревностью освободят они свое отечество. Это соотношение двух моментов: освобождение от Наполеона — освобождение от рабства, — и составляет основу всего выступления. Эта мысль проводится от начала речи к ее концу: «Скоро оно (Общество. — В. О.)... освободит Россию и быть может целую Европу». Логическая стройность речи сочетается с выразительностью языковой. Оратор использует различные средства эмоционального усиления. Сравним: *век славы, угнетающее рабство, блистательные подвиги, благородная ревность*, а также особенности построения: простой и синонимический повтор, подхват, риторический вопрос. И так на протяжении всей речи строгая логика в сочетании с эмоциональным оформлением, пафосом действует особенно сильно, убеждающе. Показательно, что и кончается речь не просто эмоциональным всплеском. Убеждение в торжестве великого дела логично выводится, дается именно как вывод: «Порывы всех Народов удерживает Русская армия — коль скоро она провозгласит свободу — все Народы восторжествуют. — Великое дело свершится, и нас провозгласят Героями века».

Строгость и торжественность заключению придают высокие слова: *восторжествовать, свершиться, провозгласить*, особенно в таких сочетаниях, как «восторжествуют — Народы», «свершится — великое дело», «провозгласят — Героями века».

Эти немногие примеры убедительно свидетельствуют о том, какого высокого развития достигло ораторское искусство декабристов.

В. В. ОДИНЦОВ

«СВОБОДА, ИЗОБРЕТЕНИЕ И НОВОСТЬ...»

Литературное имя Кюхельбекера воскресил Ю. Н. Тынянов сто лет спустя после его смерти. Он разыскал и издал его рукописное наследие: стихотворения, поэмы, драмы. Впервые перед взором читателя прошла в высшей степени драматическая судьба поэта, полная лишений, но озаренная светом подлинного творчества и подвижничества. Первая тетрадь стихотворений «Песни отшельника» находится в рукописном отделе Пушкинского Дома в Ленинграде, вторая — в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. В сборнике сосредоточена поздняя лирика Кюхельбекера, философские сонеты, элегии, послания, лирические стихотворения и т. п. Поэтический словарь, ключевые, то есть опорные по смыслу в строке и в стихотворении слова, стилистическая композиция книги свидетельствуют об изменениях, произошедших в поэтическом словоупотреблении Кюхельбекера (в сравнении с его лирикой 10-х — 20-х годов). «Усталость» (1845) — одно из последних стихотворений поэта, словно предназначенное завершить сборник стихов, но в него не вошедшее. Заметим, что написано оно было тогда, когда поэт ослеп и работу над книгой продолжать не мог:

Мне нужно забвенье, нужна тишина:
Я в волны нырну непробудного сна,
Вы, порванной арфы мятежные звуки,
Умолкните, думы, и чувства, и муки...

Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
Узнал слепоты нерассветную тьму
И совести грозной узнал укоризны,
И жаль мне невольницы милой отчизны.
Мне нужно забвенье, нужна тишина.

На первый взгляд может показаться, что тема и ключевые слова *забвенье, тишина, мятежные, звуки, изгнанье, отчизна* и перифразы *чаша полна* (желчи, яду), *выпить чашу до дна, непробудный сон, гробовой покой* в стихотворении «Усталость» связаны с элегической традицией 1810—1820-х годов.

В стихотворении «Усталость», как и вообще в поздней лирике, Кюхельбекер избегает цветистых описаний и обращается к прямому выражению чувства или состояния: «Мне нужно забвенье, нужна тишина». В связи с этим особое место в поэтическом словаре занимают отглагольные существительные: *утешенье, терпенье, наитье, страданье, содроганье*. Часто именно данные слова стоят в сильной позиции на границе стихового ряда (строки) или на границе его внутреннего раздела (до или после паузы). Тогда они резко обособляются синтаксически, выделяются ритмом. Побочные значения при этом становятся наиболее ощутимы. Их смысл, равно как и слов *забвенье* и *тишина*, раскрывается по мере дальнейшего чтения стихотворения.

Изменения в поэтическом словоупотреблении были связаны с поисками новых форм лирической композиции и направлены на смысловое заострение темы. Начатые Пушкиным, продолженные Лермонтовым, позднее Тютчевым, А. Григорьевым и другими поэтами 30-х — 50-х годов, они коснулись и лирики Кюхельбекера.

Смысл и роль традиционных перифраз в элегии «Усталость» переосмыслены. В них нет прежних поэтических символов и образных ассоциаций, а есть реальные жизненные обстоятельства, которыми вызвано настроение уныния: «чаша житейская желчи полна», «узнал я изгнанье, ... слепоты нерассветную тьму». Употребление аналогичных перифраз глубоко мотивировано сюжетом стихотворения. Не отказываясь от поэтизмов, Кюхельбекер идет по пути их обновления.

Поэтический словарь живет перевоплощением слова, но мера и характер его различны. В первых десятилетиях XIX века слова *пророк, длань, око, виждь* были достоинством религиозной поэзии. Поэты-декабристы расширили границы содержания слов «библейского» стиля, создали торжественный стиль гражданской оды:

Равно бесстрашен и жесток,
Свой слух затворит заклинанью,
Предаст злодея поруганью
Святой, неистовый пророк.
Проклятие

Кюхельбекер в своем творчестве дал наиболее расширительное толкование архаической и библейской лексики. Вводя такую лексику в элегию, он пытался тем самым уйти от романтических штампов, придать особенно возвышенный характер изображаемым чувствам. Однако ни архаическая лексика, ни многостопный безрифменный стих не вывели элегию за грань традиции («Длань своею нравной Судьбы простерта над всею вселенной! Ей, непреклонной, ничто слезы печальной любви» — Разлука), а скорее приблизили ее к еще более древней античной элегии. Сказавшаяся еще в лицейские годы архаическая ориентация Кюхельбекера в его позднем творчестве получила своеобразное преломление.

Старославянские и древнерусские слова и названия Кюхельбекер последовательно использует в балладах и поэмах на исторический сюжет: «Хоругвям нет числа, нет сметы чолкам» (Святополк). Поэт распространяет принципы романтического историзма и на понятие стиля, пользуется ими как выразительной и этнографически достоверной деталью. В 30-х — 60-х годах эта задача по-разному решалась в исторических поэмах Ф. Глинки, А. И. Одоевского, драмах Л. Мея и Хомякова, романах Загоскина, Лажечникова, А. К. Толстого и других.

Традиции «библейского» декабристского стиля и идея стилизованного жанра дальнейшее развитие получили в лиро-эпических и героико-исторических поэмах времени тюрьмы и ссылки:

Сребром сверкая, медью пламенея,
Подъемля труб воинственный глагол,
Когорты тянутся, подобье змей...

Семь спящих отроков

Хотя исторически эти опыты Кюхельбекера оправданы и несомненно интересны, но обилие старославянизмов и библеизмов затрудняет их восприятие.

Рядом с ними часто стоят слова контрастной эмоциональной окраски из разговорно-бытовой речи: *работа, напасть, вопль, журьба*:

И грязный труд, и вопль глухой нужды,
И визг детей, и стук тупой работы
Перекричали песнь златой мечты.

Разочарование

Нарочитая простота, прозаичность и овеществление поэтической речи свойственны его поэзии позднего пе-

риода. Столкновение противоречащих по окраске слов в одной строке или в стихотворении не производит впечатления неоправданной разноголосицы. Вбирая элементы других стилей, «библейский» стиль поэта изменяет свое назначение и выходит далеко за рамки символической (гражданской) и религиозной тематики:

Тебя ли вижу из окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье божией десницы?
Луна

Библеизмы используются поэтом и при описании душевных движений и при решении этических и философских тем: «Святыне верен я и ныне, И мне ли идолам кадить?» (Мое предназначение).

Поиски Кюхельбекера в этом направлении были типичны для переходной эпохи 40-х — 50-х годов. Это было время становления индивидуальных стилей, которые пришли на смену жанровым стилям (балладному, романсному, элегическому и другим) с устойчивой ключевой лексикой и поэтическими формулами, кочевавшими из одной элегии в другую, от одного автора к другому.

Единство ключевой лексики и ее смысловой насыщенности позволяет воспринимать позднюю лирику как единый монолог. Эту особенность ощущал и Кюхельбекер. Найденное Кюхельбекером движение словесной темы определяет порядок стихотворений и в сборнике «Песни отшельника» в целом.

Каждое стихотворение оказывается связанным с предыдущим и последующим, третьим, пятнадцатым, двадцатым и т. д. Хотя тексты сгруппированы по тематическому признаку, движение словесной темы создает отчетливо выраженный повествовательный, биографический контекст. В его основе — судьба лирического героя, поэта-декабриста. Течение рассказа прерывается своеобразными отступлениями: воспоминаниями, рассуждениями, раскрывающими логику событий, характер лирического героя.

Единство контекста книги возникает и в связи с однотипной формой стихотворений. Это всегда лирический монолог — размышление. Заметим, что монолог предельно драматизирован. Им управляет стихия произносимого слова, что было свойственно и ранней лирике. Но теперь приемы интонирования разнообразны, так как ораторский па-

фос сменяется рассуждением. Восклицания уступают место обращениям, часто осложненным вопросом: «Податель счастья и мученья, Тебя ли я встречаю вновь?» (Любовь); «Не часов ли томный вой?» (Новый год). Нередко все стихотворение строится в форме развернутого вопроса или в вопросно-ответной форме. Повествование приобретает взволнованно-страстный характер.

Смена жанровых стилей индивидуальными принесла новый взгляд на функции стихотворения. В поэзии Кюхельбекера тюрьмы и ссылки оказались слиты воедино философское раздумье и лиризм, ораторский пафос и повествование. Поэтому в ней органично сочетаются поэтизмы, просторечия, прозаизмы и «высокая» библейская, архаическая лексика. Благодаря стилистическому единству и фрагментарности сюжета отдельные самостоятельные и замкнутые в себе стихотворения поэта рассматриваются теперь как частицы единого лирического потока.

Е. П. МСТИСЛАВСКАЯ

*

*В первом номере «Русской речи»
читайте статьи
о великом русском сатирике XIX века
Михаиле Евграфовиче Салтыкове-Щедрине.*

*

НАРОДНО- РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕКАБРИСТОВ

Художественная литература пушкинской поры, как известно, явилась той лабораторией, в которой вырабатывались нормы русского литературного языка, устанавливались границы употребления славянизмов, народно-разговорных слов, а также иноязычных заимствований. Большая заслуга в этом важном вопросе принадлежала прежде всего А. С. Пушкину. Становлению норм русского литературного языка значительно содействовали другие литераторы эпохи, в том числе писатели-декабристы.

В гражданской лирике декабристы развивали патристические и героические мотивы. Это обстоятельство обусловило широкое вовлечение ими книжно-славянских и архаических слов и выражений, основное назначение которых — выражение гражданского пафоса. Применялись такие слова и «для придания произведению колорита времени, колорита древнерусской жизни» (Н. С. Авилова. К изучению языка поэтов-декабристов. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. III. М., 1953).

Художественная практика декабристов свидетельствует об умеренном использовании иноязычных слов, что вполне согласуется с теоретическими высказываниями писателей, выступавших против засорения языка ненужными заимствованиями.

В стихотворных произведениях писателей-декабристов невелик удельный вес народной и разговорной лексики. Устойчивые фольклорные сочетания и эпитеты можно найти, например, у А. И. Одоевского, в стихотворениях

В. К. Кюхельбекера «Лес», «Юрий и Ксения» (*молодец, красная девица, борзый конь, лес дремучий* и другие). Ценным в литературной практике писателей-декабристов было вовлечение в художественные произведения народно-разговорных и просторечных слов, которые на протяжении длительного времени в истории русского языка считались «низкими» и не находили должного отражения в письменности. Во второй половине XVIII — начале XIX веков их приток в литературу заметно увеличивается. Специфически разговорные слова входят в этот период в язык как его важнейшая составная часть. Однако не все из них занимали одинаковое место в литературном языке.

Многие «просторечные» и «простонародные» слова *богач, бедняк (бедняга, бедняжка), нахмуришь, свадьба, впервые, ура* широко функционируют в литературном языке этого времени в самых разнообразных жанрах, что, несомненно, свидетельствует об утрате этими словами следов их «низкого» происхождения и переходе в разряд литературной лексики. Часть таких слов, как *вертеться, калека, недодрога, удариться* (во что), хотя и редка в литературе пушкинской поры, также может быть отнесена к фонду литературной лексики, поскольку эти слова употреблялись в речи автора (в художественном повествовании) без какой-либо стилистической мотивировки: «...наша критика недалеко ушла в основательности и приличии. Она *ударилась* в сатиру, в частности и более в забаву, чем в пользу» (Бестужев-Марлинский. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов).

Кроме того, в литературе первой трети XIX века имеется немало просторечных и простонародных слов стилистически ограниченного употребления. Не включаясь в «большую» литературу и в «серьезное» авторское повествование, они использовались в поэтических контекстах с установкой на разговорность (шутливые и сатирические стихотворения, дружеские послания, эпиграммы), в воспоминаниях, дружеских письмах, дневниковых записях. Употреблялись эти слова и в прозаических, и в отдельных стихотворных произведениях, но только как характерологическое средство. Наличие ряда таких слов в произведениях и переписке выдающихся литераторов пушкинской эпохи способствовало не только выделению их из довольно обширного потока просторечной лексики XVIII века, но и расширению условий их применения в дальнейшем, что

в конечном счете привело к закреплению части этих слов в литературном языке.

Некоторые «просторечные» и «простонародные» слова, очевидно, воспринимавшиеся как резко «грубые» или «низкие», не были приняты писателями первой трети прошлого столетия, а впоследствии совершенно вышли из употребления: *вдругорядь*, *шилльничать*, *гузать*, *жустарить*.

И вот когда одна часть слов простой непринужденной речи переместилась в литературный язык, а другая, наоборот, выпала из употребления, то слой разговорных слов мог бы существенно обеднеть. Мог бы, но обеднения не произошло. Для восстановления утрат просторечный пласт начинает активно втягивать в себя «новые» слова, до этого неизвестные литературному языку. Основным источником при этом явилась диалектная и народно-разговорная речь. Именно из этого канала (на смену старому составу) устремился в разговорную речь поток новых слов; некоторые из них довольно быстро стали достоянием художественной литературы.

Освоению богатств живой разговорной речи во многом способствовали писатели декабристских взглядов.

В стихотворных произведениях декабристов разговорно-просторечные слова редки. Их можно встретить преимущественно в жанре «агитационно-сатирических песен, прямо обращенных к народу и написанных для него» (Н. С. Авилова. Там же). Таковы в песнях, написанных К. Ф. Рылевым совместно с А. А. Бестужевым: *мужик*, *баба* — в переносном употреблении применительно к мужчине, *морочить*, *подмахнуть* и другие: «Нас морочат и волочат По дорогам да судам» (Ах, тошно мне...); «Он [Аракчеев] царя подстрекнет, Царь указ подмахнет» (там же).

В художественной прозе особое пристрастие к словам народно-разговорного источника обнаружил А. А. Бестужев-Марлинский, которому, по справедливому замечанию Л. А. Булаховского, удалось «сыграть заметную роль в истории обновления русской литературной лексики и манеры выражения». Просторечные слова и выражения, народные пословицы и поговорки А. А. Бестужев-Марлинский широко включал как в речь изображаемых лиц, так и в авторское повествование. Например: *шась*, *кузыркать*, *увиваться* (около него), *краснобай*, *головорез*, *за-*

артачиться, землячка, набекрень, накликачь, впоныхах, вприсонках, напропалую, расхорохориться, рехнуться, улепетьивать, втихомолку, мыкаться, надуть (кого) и другие.

Среди просторечных слов, употребляемых писателем, можно выделить такие, которые уже использовались в литературе XVIII века и свободно проникали в разные литературные жанры первой трети XIX века: *авось, бедняжка, впоныхах, заносчивый, (вс)карабкаться, облепить* — ‘обступить во множестве’, *ринуться, талант*. Включая эти и подобные слова в свои произведения, Бестужев-Марлинский способствовал укреплению их в литературном языке как на правах нейтральных средств: *вскарабкаться, заносчивый, талант*, так и с сохранением присущего им налета разговорности: *авось, бедняжка, впоныхах*.

В произведениях Бестужева-Марлинского можно найти и такие народно-разговорные слова, которые не встречались в литературе предыдущего периода: *(за)артачиться* (применительно к человеку), *прикорнуть, напропалую, втихомолку*. Конечно, трудно утверждать, что именно Бестужев-Марлинский первый из писателей ввел эти слова в художественное повествование. Но отсутствие перечисленных слов в словарях XVIII — первой половины XIX веков, а также отсутствие традиции их литературного употребления в начале XIX века дает право высказать подобное предположение.

Итак, некоторые народно-разговорные слова, ранее неизвестные литературе, возможно, только благодаря писателям-декабристам вошли в литературное употребление.

Остановимся несколько подробнее на словах *напропалую* и *втихомолку*.

Слово *напропалую* отсутствует в картотеке Словаря русского языка XVIII века. Оно впервые помещается в Словаре 1847 года. Примеры его употребления мы находим у Бестужева-Марлинского, но не в авторской речи, в рассказе дворецкого: «Вы видели, что он рубился напропалую» (Латник). Вполне может быть, что использование данного слова писателем, имевшим большой успех у читающей публики, ускорило его продвижение в разряд литературных.

В послепушкинский период наречие *напропалую* быстро занимает прочное место в литературном языке. Об

этом красноречиво свидетельствует и частота употребления слова, и относительная регулярность его использования, и широта круга произведений и авторов, которым слово было знакомо. Наречие *напропалую* применялось свободно и широко в письмах, в критико-публицистических статьях, в лирических, прозаических и драматических произведениях: «... казалось, что он весь забылся на быстром скаку и летел себе *напропалую*» (В. Соллогуб. Тарантас); «Александр условился с приятелями выбрать день и повеселиться *напропалую*» (Гончаров. Обыкновенная история); «... но торжественное, трагическое положение, в котором самолюбие его [Грушницкого] играло бы *напропалую*, необходимо должно было возбудить в нем мгновенный и смелый порыв страсти» (Белинский. Герой нашего времени, сочинение М. Ю. Лермонтова). В Большой картотеке Словарного сектора Института языкознания отмечены также употребления этого слова в стихотворении П. А. Вяземского «Тоска по запоздалом»: «И хвастаемся тем, что, обгоняя время, *Напропалую* жнем чуть зреющее семя»; в письме А. И. Герцена М. К. Рейхель от 20 сентября 1855 года: «Три дня погода июньская, — я купаюсь *напропалую* в море».

Быстрое утверждение наречия *напропалую* в литературном языке объясняется, по-видимому, его экспрессивностью.

Обратимся к судьбе слова *втихомолку*. Оно тоже не отмечено в картотеке Словаря русского языка XVIII века. Этому времени были известны другие слова того же корня: *молком* и *тихомолком* (*тихомолкой*), причем последнее имело два значения: ‘тихо, не издавая громких звуков’: «Вы знаете, что языкам по большей части учатся *тихомолкою*, а особливо когда затверживают что-нибудь наизусть» (Болотов. Записки); ‘незаметно для других, смиренно, скрытно; не привлекая к себе внимания’: «Кому не суждено орлом быть или волком, Тому один совет, чтоб избежать беды: Держись всегда своей тропинки *тихомолком*, Плывя близ воздуха, летая близ воды» (Дмитриев. Летучая рыба).

В конце XVIII и первой трети XIX веков заметно ощущается стремление писателей к освобождению разговорной речи от резко сниженных, «простонародных» элементов,

к отграничению лексики литературной от нелитературной. По-видимому, в связи с этим «просторечное» слово *молком* перестает употребляться, а *тихомолком*, включающее в свой состав уходящее слово, сокращается в своем употреблении. Однако в пушкинскую эпоху (как, впрочем, и в дальнейшем) к нему продолжают обращаться писатели: «[Ослу]... все счастливо сходило: Зайдет ли в рожь, в овес иль в огород, — Наестся досыта, и выйдет *тихомолком*» (Крылов.); «Но царевна молодая, *Тихомолком* расцветая, Между тем росла, росла, Поднялась — и расцвела» (Пушкин. Сказка о мертвой царевне); «*Тихомолком* подкрался я к ней в темноте» (Жуковский. Замок Смальгольм).

Обращает на себя внимание, что слово *тихомолком* лишь изредка привлекалось в стилистически нейтральных контекстах, как, например, в элегии Жуковского «Сельское кладбище» или в его же письме Т. Е. Боку от 18 февраля 1818 года. Обычно же его удел — сказка, басня, баллада, шутливые стихотворения и т. п. Ограниченные условия употребления подготавливали почву для устаревания этого слова, хотя в середине и второй половине XIX века оно еще используется в литературе. Например, в рассказе И. Тургенева «Постоялый двор»: «Авдотья действительно не слишком высоко ценила Акимово красноречие и, бывало, по вечерам, когда он принимался рассуждать с проезжими... зевала *тихомолком* или уходила»; в повести И. Кокорева «Сибирка»: «лишь пусть учатся ребята, придя от обедни, а не шмыгают по заборам или не играют *тихомолком* в орлянку»; в «Обыкновенной истории» Гончарова: «Не надо было... быть всюду вместе, ездить с ними даже верхом, и между тем *тихомолком* вызывать, в глазах ее, соперника на бой».

Вместе с тем в литературное употребление входит наречие *втихомолку*. Оно впервые приводится только в Словаре Даля (первое издание выходило в 1863—1866 годах). В пушкинское время это слово употребляется сравнительно редко; оно не отмечено в басенном творчестве Крылова, нет его у Пушкина, Жуковского, Баратынского. Но его можно встретить в повести А. А. Бестужева-Марлинского 30-х годов — в речи читателя-дворянина: «... я уже не раз и не *втихомолку* зевал при ваших частых, сугубых и многократных отступлениях» (Мореход Никитин). В Большой картотеке Словарного сектора Института языкознания имеются некоторые другие примеры употребления данного

слова в 30-е годы XIX века, в частности, в повести В. Ф. Одоевского «Сильфиды»: «Обмануть в покупке, выиграть неправо дело, взять взятку — считается не *втихомолку*, но прямо, открыто делом умного человека».

Проникнув в литературное употребление, наречие *втихомолку* довольно скоро пробивается в литературный язык. В послепушкинский период оно все чаще начинает вводиться в литературные произведения, причем, в самые разнообразные контексты. Его легко найти в стилизации, например, в сказке Ершова «Конек-Горбунок», в воспоминаниях (Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. I; П. А. Вяземский. Старая записная книжка; П. А. Каратыгин. Записки, т. I, гл. III), в художественной литературе — как в речи персонажей: «[Кучумов] Я уж не мальчишка, умею пользоваться счастьем *втихомолку*, много не болтаю» (А. Островский. Бешеные деньги), так и в авторской: «Господин Хлопаков потупился, съежился, пробрался в уголок и начал *втихомолку* набивать себе трубочку...» (Тургенев. Лебедянь); «Зоя только *втихомолку* улыбалась и пожималась, как кошечка» (Тургенев. Накануне); «Гонения, начавшиеся *втихомолку* против меня русским правительством, заставили меня покинуть ее [Женеву]» (Герцен. Былое и думы); «Любила она [Ольга] музыку, но пела чаще *втихомолку*, или Штольцу» (Гончаров. Обломов); «Он [Голядкин] глухо слышал, ... как замечали его каждый шаг, как *втихомолку*, все между собою толковали о чем-то» (Достоевский. Двойник). Привлекается это слово и в критико-публицистических статьях: «Прежний друг его [Чацкого] Софья... лукавит, скользит и наносит ему главный удар *втихомолку*, объявив его, под рукой, вскользь, сумасшедшим» (Гончаров. Мильон терзаний).

Путь, открытый литературному употреблению некоторых народно-разговорных слов, возможно, популярными в первой трети XIX века писателями-декабристами, был значительно расширен в последующую эпоху. Эти слова получили полные права гражданства в составе русского литературного языка.

Е. П. ХОДАКОВА

СЛОВО В ПОЭЗИИ А. И. ОДОЕВСКОГО

А. И. Одоевского отличало необыкновенное чувство слова, позволявшее ему почти всегда безошибочно выбрать нужный эпитет, сравнение, а главное — услышать одно и то же слово в разных контекстах по-разному. Как работал Одоевский над языком своих произведений, хорошо видно из сопоставительного анализа двух его исторических баллад «Зосима» и «Кутья».

Оба стихотворения посвящены теме падения новгородской республики.

В первой части баллады «Зосима» дана картина светлого, радостного пира у посадницы Марфы в Новгороде, на котором произносятся здравицы в честь правительницы. Речь новгородцев, уверенных в своей победе над «могучей Москвой», сменяется во второй части стихотворения мрачным предсказанием старца Зосимы, рисующего будущую картину поверженного Новгорода. В «Кутье» перед нами предстает печальный «пир» новгородских изгнанников.

Такая непосредственная близость обоих произведений обусловила взаимосвязь образных и языковых систем, сходство приемов изображения.

Оба стихотворения пронизывает символика пира. Противопоставление пира светлого и «пированья в гробах» дается автором уже в «Зосиме»:

У Борейкой, у посадницы
Гости сходятся на пир...
Разгулялся пир как пир.

Скоро их замолкнут ликованья,
Сменят пир иные пированья,
Пированья в их гробах.

Характерна одна деталь: во второй части слово *пир* заменяется отглагольным однокоренным существитель-

ным *пированье*. «Пированья в гробах» — это жестокая расправа царя и его приближенных над новгородцами на кровавом пиру:

Группы видел я безглавые,
Топора следы кровавые
Мне виднелись на челах.

Контраст веселого пира и «пированья в гробах» не выдерживается в рамках одной баллады. Само название другого стихотворения «Кутья» говорит о печальном обряде — поминках. У царя Грозного — похмелье после светлого пира у Марфы. Это «пир наоборот», «антипир». Неудивительно поэтому, что мажорно звучащие слова и образы «Зосимы» трансформируются в свою противоположность в стихотворении «Кутья»:

«Зосима»

Гости *сходятся* на пир.
Сели за дубовый стол.
Стол, *накрытый* браной скатертью.
Носят *брашна*.
Очи светлые *заискрились*.
Все встают и *отдают*
Ей поклон с *радушной* важностью.
Речь бежала.
... заводят речь.
душа... *теснится в слово*.
Слово красное.

«Кутья»

Были гости *тайно сованы*.
Тихо сели *вдоль* стола.
Вдоль стола *белодубового*.
На стол поставил он *кутью*.
Помутился светлый взор.
У радушного хозяина
Братья кровные в гостях:
Новгородские изгнанники.
Прошептали песнь.

Песнь отходная.

Тонко чувствуя малейшие оттенки значения слова, Одоевский заставляет его звучать по-иному. В итоге в балладе «Кутья» создается мир иных, чем в «Зосиме», и в то же самое время знакомых уже нам слов и образов.

Посмотрим, как меняется смысл слов *вдоль* и *за* в зависимости от контекста. «Бояре новгородские» на пиру у Марфы Борецкой (Зосима) «сели за дубовый стол», а на поминках у Грозного (Кутья) — «тихо... вдоль стола». Предлоги *за* и *вдоль* в данном случае различно оттеняют смысл одного и того же слова *сесть*. Гости посадницы «салятся за стол» для того, чтобы пировать, веселиться, у Ивана IV — «сидят вдоль стола», один за другим, в струнку, как виновные перед лицом сурового судьи. Эти «подсудимые» беззащитны, не имеют права голоса, поэтому они и сидят «тихо».

А. И. Одоевский

Небезынтересна и такая деталь: гости в балладе «Зосима» садятся за стол, «*накрытый браной скатертью*» (праздничной стол), а новгородские изгнанники располагаются «вдоль стола *белодубового*», непокрытого, необбранного. «Браная — это сделанная из редкой ткани — бранины, или брани — скатерть» («Словарь» 1847 года, т. 1). В «Толковом словаре» В. И. Даля отмечается, что «браная» — это узорочная ткань, которая точется не просто через нитку, а где основа перебирается по узору; браным называется крестьянское цветное (красное) шитье, вышивка по холсту, где нитки берутся счетом.

Стол у Грозного — «белодубовый», простой, непраздничный. Характерно, что слово *дубовый*, то есть «сделанный из дуба», нередко соответствует понятию «простой», «незамысловатый», «неукрашенный».

Изменяя контекст, Одоевский показывает, что гости у посадницы — желанные, поэтому для них и стол накрыт нарядной скатертью. У царя же стол не покрыт, без яств.

А вот другая немаловажная деталь: званые гости «*сходятся на пир*» к Марфе, а нежеланные — «*тайно созываются*» к Грозному. Слово *сходиться* определяется в «Словаре» 1847 года как «собираются, стекаться»; *созвать* — значит, «позвав, пригласив, собрать в одно место». Таким образом, противопоставление *сходятся* — *были созваны* можно представить как *собираются* — *были собраны*, то есть как формы одного глагола. Замена действи-

тельного залога страдательным, настоящего времени прошедшим, наличие возвратной частицы в одном слове *сходятся* и отсутствие ее во втором — все это меняет общий смысл предложений. Гости *сходятся* — значит по своей воле, сами собираются на пир у Марфы (частица *ся* придает глаголу оттенок взаимного действия, а приставка *с* — значение направленности действия к центру, в одно место). «Были гости тайно созданы» означает, что кто-то (да еще тайно!) собрал гостей независимо от того, хотят они того или нет. Такое противопоставление подчеркивает, что пир в Новгороде — это пир по своей воле, радостный, в Москве — поневоле.

Контраст светлого застолья и печальных поминок усиливается приемом отрицательного параллелизма: «Не в палатах разукрашенных, / Не на сладкий царский пир» созывает Грозный гостей; «Не сахарными яствами, / Не пшучим медом солнечным. угощает он изгнанников» (в то время как у новгородской посадницы на столе «золотистый мед / Вон из кубков шумно просится»).

Заметим, что царь *подает* гостям *кутью*, в то время как на пиру у Марфы *носят брашна*. Оба слова *брашно* и *кутья*, обозначающая 'пищу', 'еду', выступают в данном случае как антонимы. И в Словаре 1847 года и в «Словаре языка Пушкина» слово *брашно* (*брашна*) определяется как 'яства, кушанья'; «кутья — это обрядовое кушанье, которое едят на похоронах» (Словарь языка Пушкина, т. 11); «вареная пшеница или рис с медом, приправленные обыкновенно изюмом и приносимые в церковь при поминании усопших» (Словарь 1847 года). Таким образом, в *кутье* Грозного тоже есть мед, но этот мед не сладок для новгородцев; «не на сладкий царский пир» они созданы, а на поминки по своим казненным товарищам и лишению собственной свободы.

Если на веселом пиру у бояр «очи светлые *заискрились*», то на поминках — их «светлый *взор помутился*». Глаголы *заискрились* — *помутиться* в данном контексте явно противопоставлены по смыслу. Сначала у новгородцев «светлые очи» искрятся, излучают сияние, блестят. Они отражают не только душевное спокойствие, но, возможно, и радость. На пиру у Грозного «светлый *взор*» их мутнеет, чувствуется смятение, душевное беспокойство.

Следует заметить, что слова *брашна* и *кутья*, *заискричься* и *помутиться* становятся антонимами в общей системе поэтического языка в обеих балладах.

Удачно обыгрывается поэтом и слово *радушный*. Имея в балладе «Зосима» прямое, буквальное значение, оно в «Кутье» приобретает ироническую окраску, становится противоположным по смыслу. На пиру у Марфы доброжелательно настроенные гости «встают и отдают / Ей поклон с *радушной* важностью». Называя же Ивана IV *радушным* хозяином, Одоевский создает комический эффект. Собрав гостей, Грозный не их веселит, а себя забавляет. Отсюда и выбор возвратного глагола *потешается* и эпитета *злобно*.

Иронически звучит в балладе «Кутья» и слово *гость*. Действительно, как можно назвать новгородцев гостями, если все они пришли по приказу царя, а не по своей воле, пришли не на пир, а на поминки по самим же себе.

Поэт удивительно экономен в данном случае в средствах выразительности. Когда ему нужно передать свое различное отношение к изображаемому, он не ищет нового слова с противоположным значением. Прием иронии позволяет Одоевскому ограничиться одним словом, которое в разных контекстах выступает как ... антоним самому себе.

Оригинальную трансформацию претерпевают не только слова. Словосочетаниям и целым предложениям «Зосимы» соответствуют противоположные по значению выражения в «Кутье».

Одоевский по-разному создает «звуковой образ» двух пиров. На веселом обеде в «Зосиме» у гостей «на устах *душа кипит / И теснится в слово красное*»; «кто моложе — слова ждет, / А заводят *речь* — старейшие»; «*речь бежала* вокруг стола»; на поминках у Грозного новгородцы «*прошептали* песнь отходную». Предложениям «речь бежала», «душа кипит и теснится в слово красное», словосочетаниям: «заводят *речь*», «ждет слова», отдельным словам *речь*, *слово*, создающим в первом стихотворении атмосферу шумного застолья, во втором противопоставлено лишь одно слово — *прошептали*. Надо отметить, что и в этом случае проявляется принцип экономии. Чтобы передать все звучание веселого пира, его многоголосье, поэту понадобилось много

разнообразных слов, предложений. Здесь и деепричастие *зашипя* (о пиве), и глагол *шумит* (о вече), и наречие *шумно* (выливается мед из кубков), и прилагательное *звонкий* (о чаше, издающей звук, подобный звону металла). Ни одно из этих слов и выражений в «Кутье» не употребляется. Здесь пир непривычно тихий, *безмолвный*: молчат и люди и предметы (пиво не шипит, мед не шумит, нет звонких чаш). Единственное, что могут позволить себе новгородские изгнанники на «пиру» у Грозного, — это «прошептать песнь отходную». Здесь один звук — *тихий*. У московского царя — одногласый «пир». Автору понадобился лишь один глагол *прошептать*, чтобы передать атмосферу зловещей тишины на этом пиру.

Совершенно очевиден тот факт, что Одоевский противопоставляет не только веселое многоголосье пира у посадницы печальному одноголосью поминок у Грозного. Противопоставляет он и то, о чем говорят новгородцы у себя дома, тому, что они шепчут на «пиру» в Москве.

Старейшие жители Новгорода в «Зосиме» произносят «слово красное», а в «Кутье» — шепчут «песнь отходную». Речь торжественная, радостная сменяется скорбной песней. Характерна одна деталь: когда «душа кипит», то «теснится в слово красное» (Зосима), а когда душа отходит, отлетает, — ей поют «песнь отходную» (Кутья).

Меняет поэт не только «звуковой фон», но и цветовую картину пира. Эпитеты *седой, черный, золотистый, искристый* и другие — рисуют в «Зосиме» красочную картину богато убранного стола. В «Кутье» краски тускнеют. Из разноцветья новгородского пира на московских поминках остается лишь белая краска. Происхождение этой краски и в той и в другой балладе одно: в «Зосиме» *сидеет* черное пиво, а в «Кутье» изображаются поседевшие головы новгородских изгнанников («Серебро ли — чистый снег / Их окладистые бороды»).

Нельзя не отметить, что в стихотворениях не только отдельные слова, выражения совпадают или соотносятся друг с другом, но и образы имеют точки соприкосновения. Так, образ старца-чернеца Зосимы в первой балладе несомненно являлся для поэта промежуточной ступенью при создании образа Ивана IV во второй. И монах и монарх названы *грозными*: «перстами грозный остановится / —

Побледнеет светлый гость» (Зосима); «Грозный злобно потешается» (Кутья). Слово *грозный* выступает в значении существительного, в балладе «Кутья» — это еще и прозвище.

Чернеца сближает с Грозным и следующее обстоятельство: Зосима поставлен выше окружающих, ему дано видеть картину разгрома новгородской вольницы. Московскому царю, в свою очередь, позволено вершить суд над новгородцами. Он тоже стоит над людьми и даже над законом.

Старец невольно расстраивает веселый пир. От его цепенеющего перста, которым он указывал на пирующих, от его страшного вида «бледнеют светлые гости». Иван Грозный превращает радостное застолье в горестные поминки. Лица его гостей «с давних пор не улыбаются», «помутился» их «светлый взор». «Побледневшие гости» на пиру у посадницы — и «с давних пор не улыбающиеся, с помутившимся взором» лица изгнанников-новгородцев на поминках у царя — это явления одного и того же порядка.

Зосима вносит в радостную атмосферу пира зловещее молчание, которым пронизана сцена поминок у Грозного. Шумное застолье у Марфы внезапно сменяется сценой пантомимой. Зосима молча «на пирующих указывал» и на все вопросы о причинах столь странного поведения за столом не отвечал: «... в ответ чернец задумался И склонил свое чело». Очевидно, сцена молчания Зосимы подготавливает мрачную обстановку на «пиру» у московского царя.

Сравнительный анализ двух исторических баллад Одоевского показывает, что, кроме тематической близости, их связывает и общность поэтического языка и систем образов. Поэт создал несомненно цикл из двух произведений, которые взаимно дополняют и обогащают друг друга.

Следует отметить, что для Одоевского вообще характерна повторяемость отдельных тем, мотивов, образов, которые переходят из одного произведения в другое. Понять эту цикличность поэзии декабриста невозможно без исследования функции слова в системе поэтического языка.

Н. Г. ДЕРЕВНИНА-ЛАРИОНОВА

СТИХ СУРИКОВА

Есть в школьной программе начальных классов стихотворение «Детство», незатейливое, но такое задушевное, что остается оно в нашей памяти на всю жизнь:

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

Это стихотворение принадлежит перу замечательного русского поэта 60—70-х годов XIX века — Ивану Захаровичу Сурикову (цитируется по изданию: «И. З. Суриков и поэты-суриковцы». М.—Л., 1966). На удивительную точность и звучность поэтического слова, эмоциональную насыщенность стиха Сурикова обратил внимание В. И. Ленин. Во время беседы с пролетарскими писателями в 1919 году в Горках, раскрыв сборник стихов Сурикова и указав на стихотворение «Детство», В. И. Ленин заметил: «Нашим поэтам нужно бы научиться так писать о детях и для детей» (П. Ф. Лосев. Песни поэта И. З. Сурикова. Ярославль, 1966).

И. З. Суриков — поэт демократического направления. Мотив сочувствия городской и деревенской бедноте слышится в большинстве его произведений как раннего, так и более позднего периода творчества.

Демократическое содержание определило и выбор образительно-художественных средств языка, специфику самих выражений. В несложных жанровых картинках, точно воспроизводящих жизнь («В поле», «Из бедной жизни»), в бытовых зарисовках-миниатюрах из крестьянского обихода («Косарь», «Нужда»), песенных

стихах, раскрывающих психологию народа в условиях пореформенной действительности («Доля бедняка», «Сиротой я росла...», «Головушка»), преобладают фольклорные образы, интонации, свойственные народным причитаниям, жалобам, сказам.

Устное народное творчество всегда было для поэта одним из благотворных источников не только сюжетов, но и образно-художественных средств. Уже в первых своих поэтических опытах («В зеленом саду соловушка...») Суриков умело применяет параллелизм, основанный на традиционном противопоставлении независимой природы угнетенной человеческой личности:

В зеленом саду соловушка
Звонкой песней заливается;
У меня, у молодешеньки,
Сердце грустью надрывается.

Широко использует поэт постоянные эпитеты, характеризующие внешность героини: *личико румяное*, ее социальную обреченность: *доля несчастливая*, обстановку действия: *зеленый сад*, застывшие метафорические выражения: «лицо... слезами умывается», «сердце грустью надрывается», «соловушка... песней заливается», гиперболизированное в народном духе сравнение («мое личико румяное красной зорькой разгорелось»). Есть в суриковском тексте и слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *молодешенька*, *одншешенька*, *батюшка*, и обиходный метонимический оборот («ко-сою моей русою вся деревня любовалася»). Приближена к стилю устной поэзии также ритмика стиха, основанная на «обязательной» для всех строк «системе ударений» на третьем, седьмом, одиннадцатом (если есть) слогах:

Да сгубил меня мой батюшка,
Выдал замуж за богáтого...

Сохраняя народную песенную основу, Суриков в каждом конкретном случае как бы создавал «литературный вариант» народной песни. Так, в народной среде бытовала песня, построенная на лирическом обращении к «головушке». Она имела несколько тематически близких вариантов:

Голова ль ты моя, головушка,
Голова ль моя молодецкая,
До чего тебе допаталися,
По всему ли свету белому...
Голова ль моя, головушка,
Игривая и шутливая!
У моей бедной головушки
Нет ни батюшки, нет ни матушки...

Ни один из этих вариантов не был положен Суриковым в основу его песни «Головушка», в которой раскрывается тема бедности русского крестьянина. Однако знакомство с русской народной песней, основанной на лирическом обращении к «головушке», помогло Сурикову определить как начало своего произведения, так и его ритм и направление мысли:

Голова ли ты, головушка!
Что на грудь ты наклонилась?
Отчего ты безо времени
Белым инеем покрылася?

Головушка

Первая строка пришла в данную строфу из фольклора; остальные — написаны по образцу народных.

Подобные фольклорно-стилевые опыты, непосредственно связанные с темой народной песни в творчестве Сурикова, в значительной степени способствовали выработке индивидуального стиля поэта, неповторимого видения мира, которое определялось не только идейными позициями автора, но и всей системой его художественных средств.

Наиболее высок «удельный вес» фольклора в произведениях, воссоздающих черты национального русского характера («Казнь Стеньки Разина», «Дед Клим» и другие).

Начальные три строфы стихотворения «Казнь Стеньки Разина» вводят читателя в обстановку действия и подготавливают появление героя.

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Казнь Стеньки Разина

Эти стихи напоминают народные речения лишь инверсионностью сочетаний, конкретизирующих сцену действия: «плаха черная», «место лобное», «площадь Красная».

Лаконизм и динамичность — одна из характерных сторон стиля Сурикова:

Вот толпа заколыхалась,—
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

Всего один фольклорный элемент включил Суриков в приведенные стихи — существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом *дороженька*. Однако этого оказалось уже достаточно,

чтобы внести особый оттенок в их поэтическую атмосферу. В стилевом отношении данная строфа предопределяет последующие. После нее уже естественно звучит народно-поэтическая речь, которая привносится в текст традиционными сравнениями: «кудри черные, как смоль», «рыскал вихорем степным»; сказочно-повествовательным оборотом («с судов больших и малых»); постоянными эпитетами («Дон тихий», «Волга-матушка», «сила казацкая» и т. д.). Среди них особыми функциями наделен эпитет *казацкий*. Поэт впервые употребляет его в строфе, содержащей портретную характеристику героя («голова казацкая»). Но через две строфы он определяет этим же эпитетом войско, которое называет *силою казацкой*, а еще ниже мы читаем *голытьба казацкая, рать казацкая*. Иными словами, эпитет *казацкий* повторяется в стихотворении несколько раз, в то время как слова, которые характеризуются этим эпитетом, каждый раз либо меняются, либо даются в новой, вариативной форме. Легко заметить, что речь Сурикова в «Казни Стеньки Разина» максимально приближена к лексико-стилистическим нормам народной поэзии.

Органически спаяны с книжными элементы фольклорного стиля в стихах, посвященных теме социальной безысходности русского крестьянина и ремесленника в условиях пореформенной действительности. Здесь можно выделить две группы произведений. В одной из них явственно ощущается голос самого поэта, его настроение и миропонимание, обусловленные социальной несправедливостью. Стремясь избежать чрезмерной субъективности в своих стихах, автор в данном случае как бы причисляет себя к определенной общественной среде и говорит одновременно и о себе, и о тех, кого он «представляет». В связи с этим используемые фольклорные элементы в таких произведениях («Что ты, жизнь, мне дала?», «У тебя ума палата...», «Где вы, песни светлой доли...» и ряд других) служат средством обобщения изображаемого настроения или характера, их типизации. Примечательно в данном отношении стихотворение «Что ты, жизнь, мне дала?», где постоянные эпитеты *горячая кровь, горькая слеза, ведьма-судьба, жизнь-млодейка*; краткие прилагательные *наг, бос* сообщают о лирическом герое такие приметы его социально-психологической характеристики, которые свойственны любому труженику-бедняку старой России.

В другой группе стихотворений поэт полностью исключает себя из лирического повествования и создает объективные, обособленные от своего авторского «я» социально-психологические зарисовки из жизни городской и деревенской бедноты («Нужда», «Разгул», «Доля бедняка», «Беззаботный» и другие). Отличитель-

ной особенностью языка и стиля названных стихов является ориентация автора на устную разговорную речь:

Шум и гам в кабаке,
Люд честной гуляет;
Расходился бедняк,
Пляшет, припеваает...

Разгул

Песенно-плясовая атмосфера стиха здесь устанавливается уже в первой строфе благодаря особой синтаксической конструкции, где главную функциональную роль выполняют глаголы. В первой строке сказуемое отсутствует; предложение представляет собой идиоматическое сочетание, типичное для разговорно-бытовой речи («Шум и гам в кабаке»). В трех последующих строках глагольная форма внезапно «оживает» и акцентируется с уточняющим, конкретизирующим нарастанием действия: «Люд честной гуляет; // Расходился бедняк, // Пляшет, припеваает...». Такое построение строфы позволяет выделить из неопределенно-общего *люд честной* конкретно-частное *расходился бедняк*.

Рисуя социально-психологический портрет бедного ремесленника, поэт широко использует в речи своего героя пословицы и поговорки («проживем — наживем», «мышь башку не съела»), метафорические выражения («И без денег дадут//Хату под землю»).

Есть у него стихи, где влияние фольклора исчерпывается одной-двумя лексическими единицами или ограничивается композиционно-сюжетной структурой («За окном скрипит береза...», «В зареве огнистом...», «Зима» и другие). Ни одного фольклорного образа, например, нет в стихотворении «В зареве огнистом...», а между тем оно воспринимается нами так, как если бы все было пронизано поэзией народа. И этот кажущийся колорит фольклорности не случаен. Он создан всей художественной организацией стиха, предельной ясностью поэтического слога, его «песенностью», всей системой поэтических образов:

В зареве огнистом
Облаков гряда,
И на небе чистом
Вечера звезда.
«В зареве огнистом...»

Паузы здесь распределены так, что не нарушается плавность течения речи; каждая стихотворная фраза заполняет собою две строки. Именно такая система фразировки присуща народной песне. Сравните:

Промежду белых берез
Вода протекала, вода протекала;
Нельзя, нельзя воду пить,
Нельзя почерпнути.

Говоря о лексико-стилистических свойствах суриковской поэзии, следует обратить внимание на отсутствие в ней всякой экзотической изобразительности. Суриков использует общеупотребительные эпитеты, метафоры, сравнения и достигает посредством их большой выразительной силы и доступности для широкого демократического читателя: *светлая роса, горькая кручина; темный лес что шапкой принакрылся чудной; жизнь кажется тюрьмой; знать, чиста душа у деда* и т. д.

Традиционные образы нередко переходят из одного стихотворения поэта в другое, создавая тем самым единую идейно-стилевую картину, воспроизводящую народную жизнь прошлой эпохи. Это такие извечные в фольклоре образы-эпитеты, как *горькая кручина, судьба-злодейка, злая нужда, горькая доля* и т. д. Эпитеты, метафоры, сравнения часто окрашивают произведения Сурикова в трагические тона. Однако не следует считать, что мрачные ноты преобладают в поэзии Сурикова. Многие его стихотворения построены по принципу тематической, а соответственно, и стилиевой контрастности. Так, трагической картине смерти: «С неба дождик льет осенний, // Холодом знобит; // У твоей сырой могилы // Сын-бедняк стоит» — противопоставлены в стихотворении «У могилы матери» образы жизни: «Будет солнце надо мною // Жаркое сиять; // Будут звезды золотые // Во всю ночь блистать...».

Вчитываясь в стихи Сурикова, убеждаешься еще в одном: преимущественно бытовая, чувствительная лексика в его словаре: *могилка, злая тоска, грудь сжигает, сердце ноет* — это не отголосок мещанско-слащавой слезливости, а сама жизнь, прочувствованная и выстраданная поэтом. Суровая проза жизни не допускала искусственной расцвеченности стиля, сложных художественных украшений, изысканности формы.

При всей традиционности поэзии Сурикова, его язык, стиль самобытны. Простота, художественная емкость слова — эти и другие отмеченные свойства суриковской поэзии делают ее достойной пристального внимания современного читателя.

Н. И. НЕЖЕНЕЦ

*К 75-летию
со дня рождения
Всеволода Вишневского*

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Среди устойчивых сочетаний слов, рожденных в советскую эпоху, ярко выделяются своей высокой патетикой, подчеркнутой полемичностью и многозначительностью крылатые слова *оптимистическая трагедия*.

Эти слова принадлежат замечательному советскому драматургу Всеволоду Вишневскому. «Оптимистическая трагедия» — так назвал он свою историко-революционную пьесу о гражданской войне, заканчивающуюся гибелью героических персонажей, но, несмотря на это, оставляющую светлое, оптимистическое впечатление.

Почему автор дал именно такое название своей героической пьесе? В «Оптимистической трагедии» Вишневского перед глазами зрителя предстает подлинная трагедия. Разве это не трагедия — гибель прекрасной женщины, в расцвете лет и творческих сил, гибель человека, до последнего дыхания преданного революции? И эта смерть потрясает зрителя.

Но еще больше потрясает другая сторона происходящего на сцене. Молодая, хрупкая, немногословная женщина, оказавшись лицом к лицу с бурлящей, разнузданной, дикой анархической стихией, проявляет изумительную выдержку, волю, энергию, целенаправленность, силу ума, бесстрашие в бою, непоколебимую веру в великое дело. В невероятно трудных условиях она осуществляет задачу, поставленную перед ней партией: в короткий срок из анархо-революционного отряда сформировать регулярный, дисциплинированный полк Красной Армии, привести его в боевую готовность и немедленно выступить на фронт. В этой победе женщины-

комиссара над бушующей матросской вольницей, над колебаниями своих же товарищей, над врагом зритель видит рождение нового, социалистического человека, за которым стоит рождение нового мира, победа революционной идеи, торжество дела партии, и это заряжает зрителя высоким зарядом оптимизма. Следовательно, автор имел все основания и право назвать свою трагедию оптимистической.

Но у заглавия пьесы Вишневского есть и другой аспект — полемический, программный, новаторский. В борьбе за новое, революционное искусство драматург полемизирует с традиционным пониманием трагического: его героиня погибает не в единоборстве с неодолимой силой, не вследствие трагической вины или трагической ошибки — она отдает свою молодую, прекрасную жизнь в борьбе за победу народа, революции, социальной справедливости. Да она и не погибает — ее жизнь как бы растворяется в победном шествии полка, а в последних словах ее звучит чувство исполненного долга: «Реввоенсовету сообщите, что Первый... морской полк сформирован... и разбил противника» (цитируется по изданию: Всеволод Вишневский. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, М., 1954).

Однако следует сказать, что при всей полемичности названия пьесы ее нельзя абсолютно противопоставлять великому трагическому наследию прошлого, так как новаторство Вишневского тесно связано с развитием и продолжением лучших традиций классической трагедии, ее героических и оптимистических тенденций.

Весь этот сложный комплекс воплотился в емком и ярком заглавии трагедии, которое так удачно было найдено автором. Вбрав в себя столь глубокое содержание, выраженное в предельно краткой форме, название пьесы Вишневского стало устойчивым фразеологическим сочетанием современного языка. Этому в огромной степени способствовали замечательные художественные достоинства крылатой фразы — алмазно сверкающая точность в выражении мысли, романтическая приподнятость, впечатляющая яркость контрастного эпитета.

Особенно популярна эта отточенная крылатая формула Вишневского на страницах газеты, где она отвечает насущной потребности публицистической речи давать художественную оценку сложных и, на первый взгляд, противоречивых явлений, исполненных одновременно и высокого трагизма, и жизнеутверждающего оптимизма.

Обобщенно-философский смысл, заложенный в формуле Вишневского, определяет возможность употребления ее применительно к широкому кругу явлений.

Она может выступать как средство образной характеристики исторического события, жестокого, кровавого, трагичного, но в конечном итоге оказавшего революционизирующее воздействие. Так, например, на страницах «Правды» читаем строки репортажа, исполненные подлинного революционного оптимизма: «9 января явилось своеобразной „оптимистической трагедией“ русского революционного движения. Кровь почти шести тысяч убитых и раненых в Петербурге потопила веру в царя, заставила взяться за оружие, привела рабочих на баррикады и поставила вопрос о восстании» («Правда», 22 января 1965).

И в то же время эти же слова могут ярко охарактеризовать глубоко личную, человеческую трагедию, имеющую, однако, счастливый конец, например, встречу матери и сына, потерявших друг друга на дорогах войны: «...хотелось на цыпочках выйти из комнаты и оставить наедине мать и сына с их... как тут скажешь — трагической радостью или оптимистической трагедией» («Литературная газета», 29 января 1969).

Два приведенных примера говорят о том, что значение изучаемого фразеологического образования шире проблем эстетики, что «оптимистические трагедии» заключены в самой действительности.

И все же названный фразеологический оборот значительно активнее употребляется, когда речь идет об оценке произведения искусства. В качестве примера можно привести отзыв поэтессы Юлии Друниной о кинокартине, посвященной героине Отечественной войны Надежде Петрухиной: «Фильм „Крылья“ — трагедия, но трагедия оптимистическая, потому что победителем в ней оказался Человек... Пусть победа досталась дорогой ценой, может быть, даже ценой жизни... Но мне кажется, что каждый, посмотревший эту умную, значительную и волнующую картину, должен будет слышать страстный и гордый голос женщины, которая не могла жить без крыльев: „А ты меня не жалей. Ты лучше мне позабудь!“» («Литературная газета», 18 июня 1966).

Крылатые слова Вишневецкого обладают способностью выступать также в качестве выразительной оценки музыкального произведения, в котором трагедийно-напряженные ноты преодолеваются звуками победного оптимизма. Например, как углубляется наше понимание симфонии Шостаковича и раскрывается ее внутренняя сущность, благодаря удачному и уместному употреблению крылатых слов в статье журналиста «Правды» Владимира Орлова: «А пока дорисовывается в оркестре грандиозная картина симфонического финала. Нарастают звучности, подключаются новые тембры, ширятся диапазоны... Завершается космический старт, выводящий нас на высокую орбиту бытия. Нарастают эмоциональные перегрузки и вжимают нас в концертное кресло. Только б не

дрогнуло лицо, только б не скатилась по щеке очистительная слеза катарсиса, которым разрешаются оптимистические трагедии» («Правда», 14 февраля 1973).

Театральный критик использует слова Вишневского для высокой оценки театрального спектакля, дающего новое, светлое звучание пьесе 20-х годов — «Виринея» Л. Сейфуллиной: «Режиссер переменял тональность пьесы. Народная трагедия во многом прочиталась сегодня оптимистически» («Литературная газета», 4 октября 1967).

В литературно-критических статьях устойчивое словесное сочетание, созданное Вишневским, выступает как высокое определение искусства писателя, при этом его значение может переноситься на другие виды и жанры литературного творчества — романы, повести, поэмы.

Большой интерес в этом плане представляет возвышенная характеристика романа Шолохова «Тихий Дон», данная Константином Фединым: «Но сила правды такова, что горечь жизни, как бы ужасна она ни была, преодолевается волею к счастью, желанием его достичь и радостью достижения. Ведь недаром мы усвоили такое понятие, как „оптимистическая трагедия“, зная хорошо, что это вовсе не пустая игра слов. Принимая во всей глубине чувство трагедийности того или иного факта, показываемого художником, мы закрываем его книгу с впечатлением света. Таков, в частности, великолепный заключительный том „Тихого Дона“» («Правда», 25 мая 1965).

Несмотря на то, что пьеса Вишневского рождена революцией и гражданской войной, ее название может быть перенесено на литературные явления далекого прошлого в качестве оценки классического произведения русской литературы, волнующего сердца людей своей трагичностью и в то же время воодушевляющего их своей оптимистической перспективой. Именно так интерпретирует значение лучшей пьесы Островского народный артист Бабочкин в своей статье «Иду на „Грозу“»: «...Мрачные Кабанихи, Дикой и им подобные думают, что они и есть Гроза. А оказалось, что Гроза-то не они, а Катерина...» «В „Грозе“, — утверждает Добролюбов, — есть даже что-то освежающее и ободряющее». Да, это трагедия, но трагедия оптимистическая, а не безысходная!» («Литературная газета», 2 октября 1974).

Крылатые слова Вишневского прочно вошли в научный язык в качестве устойчивого термина литературоведения, где они употребляются как название исторически модифицированного в советскую эпоху жанра трагедии, сложившегося в литературе социалистического реализма. Не как яркий, выразительный эпитет, а именно как термин, определяющий жанровое своеобразие про-

изведения, выступает рассматриваемый оборот в следующих примерах: «Воронежский драматический театр имени А. Кольцова на гастролях в Москве показал свой новый спектакль „Хроника одного дня“ Э. Пашнева и Г. Дроздова, спектакль, посвященный последним часам жизни и борьбы президента Альенде... „Хроника одного дня“ — трагедия. Но трагедия оптимистическая, особый жанр, открытый именно советским театром, советскими драматургами, осознавшими великий завет: когда человек умирает за правое дело, когда за ним идут люди, когда смерть героя — начало новой жизни поколений, тогда трагедия — оптимистична» («Правда», 24 мая 1974).

Ознакомившись с приведенными выдержками из газетных материалов, нетрудно убедиться в том, что название пьесы Вишневского, став крылатой формулой, обрело широкую социальную сферу применения. Писатель, поэт, художник, народный артист, журналист, театральный критик, одним словом, люди разных профессий в своих выступлениях на страницах газеты применяют слова *оптимистическая трагедия*, вошедшие в состав общеупотребительной фразеологии русского литературного языка.

О широкой распространенности и общеизвестности крылатых слов Вишневского свидетельствует их употребление как в многонациональной советской, так и в передовой зарубежной публицистике. Привлекая своей жизнеутверждающей силой представителей разных народов, они становятся поистине интернациональной формулой. Так, французский критик Жак Анрик назвал свою статью, посвященную творческому методу М. Шолохова, — «Оптимистическая трагедия».

Крылатые слова *оптимистическая трагедия*, исполненные революционной романтики, воскрешают в памяти потомков одну из героических страниц суровой и величественной эпохи гражданской войны. Но, сохраняя дыхание истории, они в то же время живут яркой и многогранной современной жизнью, волнуя сердца своим высоким смыслом и высоким звучанием. Они обогащают современный язык, пополняя собой его фразеологические ресурсы и расширяя его выразительные возможности.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

Ораторское искусство М. И. Калинина

19 ноября 1975 года исполняется 100 лет со дня рождения Михаила Ивановича Калинина, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства.

М. И. Калинин — публицист ленинской школы, видевший в социалистической культуре орудие общественной борьбы за новое отношение к жизни.

М. И. Калинин — страстный пропагандист идей большевистской партии, неутомимый борец за счастье трудового народа — придавал первостепенное значение содержанию и форме публичного выступления.

Слово оратора, пропагандиста — боевое оружие, нацеленное на решение животрепещущих вопросов жизни общества. Мастеру публичного выступления надо быть в гуще событий, надо жить интересами партии и народа. «Газетному работнику, — подчеркивал М. И. Калинин, — необходимо много знать» (Избранные произведения. М., 1960—1962, т. III).

В своих выступлениях нужно бить «по той струне общественного напряжения, которая особенно в данный момент натянута».

Выступление публициста должно правдиво освещать события, вызывать доверие слушателей к выступающему, все выступление должно объединяться единым заданием, быть целенаправленным: «речь надо начинать прямо с существа дела или с чего-либо интересного, что привлечет внимание» (Советы агитатору. Госполитиздат, 1957).

Выступления М. И. Калинина сразу приковывали внимание аудитории именно к тем вопросам, решению которых посвящалось

то или иное собрание, заседание, совещание. Так, речь М. И. Калинина на Всесоюзной конференции по борьбе с засухой 31 октября 1931 года начиналась словами: «Товарищи! Я приветствую эту первую конференцию, в лице которой наше государство широко поставило вопросы борьбы с засухой, борьбы за высокую урожайность».

М. И. Калинин на торжественном собрании в Горной академии (20 сентября 1925 года) призывал не только к овладению наукой, техникой, но и к умению организовывать людей. Поэтому и начал он свое выступление с воспоминаний о встрече со студентами Ленинградского политехнического института: «...В передней произошла давка. Актальный зал всех не мог вместить. Но толпа оказалась без руководителей, и лишь с большим трудом, после некоторых усилий, мне удалось ее успокоить, установить порядок. Мы провели митинг на улице. И вот в столь значительной толпе студентов я не заметил организатора, который сумел бы навести в ней порядок. А между тем, ведь толпа целиком состояла из студентов, которые, казалось бы, по своему положению должны быть организованными.

На эту тему мне сегодня хочется поговорить и с вами».

Речь М. И. Калинина на собрании ударников и технического персонала Челябинского тракторного завода (2 июня 1933 года) началась своеобразным присловьем: «Товарищи, вам много дано, а раз вам много дано, то, разумеется, с вас много спросится. Ваш завод стоит на виду. Я уже не говорю о Советском Союзе. За вашей работой, как за успехами, так и за неполадками, будут следить во всем мире. Будут следить и ваши друзья и ваши противники. Этого не надо забывать всем товарищам с тракторного завода».

Слово агитатора, слово пропагандиста должно увлекать, захватывать аудиторию, должно волновать и склонять на свою сторону слушателя: «...ораторское искусство — это, товарищи, самое трудное искусство... Агитатор-пропагандист должен уметь так выступать, чтобы аудитория жила».

Эффект публичного выступления в значительной мере определяется формой изложения: «Язык для агитатора — это все» (Советы агитатору). Выразительность, образность ораторской речи непременно предполагают и логическую убедительность аргументов лектора.

Одним из средств сближения со слушателями, средством создания доверительности, интимности служит диалогизация выступления (включение «вопросно-ответной» формы).

Публицист должен иметь всестороннее представление о типах русской речи: речи книжной, разговорной, газетной, речи крестьян, рабочих, матросов, учащихся и т. п., чтобы довести со-

держание своего выступления до сознания аудитории. «Наша задача,— подчеркивал М. И. Калинин,— чтобы то, что мы говорим, было воспринято; восприятие же в значительной степени зависит от формы, в которую мы облачаем наши выступления. Чтобы овладеть формой, надо учиться великолепному русскому языку».

Изучение родной речи, как устной, так и письменной,— первостепенная задача агитатора, беседчика, пропагандиста.

М. И. Калинин не раз указывал, что знание русского языка, представляющего собой культурно-историческое достояние советского народа, необходимо всем, особенно молодым людям: «А если ты хочешь еще влиять и на окружающих,— желание вполне законное вступающего в жизнь человека,— то этого можешь достигнуть только тогда, когда будешь уметь облекать свои мысли в яркую, общедоступную речь. Вот почему я считаю знание русского языка крайне необходимым каждому культурному человеку» (О воспитании и обучении. М., 1957).

При освещении общественно-политических событий публицист обязан выразить мысль не шаблонными фразами, а по-своему, чтобы дать более полное и всестороннее представление о том, о чем идет речь: «нужно избегать говорить готовыми формулировками (...) Язык, на котором вы общаетесь с населением, делайте простым, своим, применяя естественный стиль» (О воспитании и обучении).

Простота и общедоступность изложения — необходимые условия действительности выступления: «только тогда будет ясна собственная мысль, когда ты будешь уметь излагать ее в простой и ясной форме».

Ораторы-пропагандисты должны обращаться к массам на литературном, нормированном языке, и этому языку, по словам М. И. Калинина, надо учиться у классиков русской художественной литературы: «...читайте Чехова. Я считаю, что лучше его никто не пишет: коротко, сжато, ясно, прекрасный, настоящий русский живой язык... Прекрасный язык у Гончарова... У нас очень много близких по значению слов, и чтение литературы дает понимание их употребления. Вы будете иметь дело с народом. Вам нужно говорить с ним хорошим языком, чистым, ясным, простым» (Советы агитатору).

Выступления М. И. Калинина перед коллективами рабочих, крестьян, колхозников, работников умственного труда представляли собой образцы публицистического мастерства: в них и биение пульса общественно-политической жизни, и глубоко партийный подход к конкретным явлениям, и ясность мысли, и выразительное, меткое русское слово: «Самые непримиримые враги Советского Союза вынуждены считаться с тем, что против рожна не по-

прещь. Но именно от этого их ненависть к Союзу не уменьшилась, наоборот, увеличивающаяся мощь Советских Республик увеличивает у наших врагов страх перед Союзом ССР, непримиримую вражду к нему».

Все выступления М. И. Калинина перед крестьянами проникнуты духом партийности и доступны по форме. Вот как раскрывается, например, смысл слова *советы* в работах М. И. Калинина: «Советы — это те органы, куда собирается мысль массы, где воля многих людей становится общей».

Отдельный крестьянин, предоставленный самому себе, не имеет никакой силы. Лишь собираясь в Советах, он уже является не отдельным человеком, а представителем масс».

Для разъяснения смысла общественно-политических терминов используются слова, доступные и близкие повседневной речи крестьян: «Самая почетная роль, которая выпала на долю крестьянства, — это быть союзником, сотоварищем пролетариата в великом строительстве социализма».

Слова иноязычного происхождения сопровождаются синонимическими эквивалентами, обнаруживающими их смысл, позволяющими вводить высказывание в русло обиходной речи (*архитектор* — строитель): «В строительстве социализма, по научным исследованиям таких великих учителей социализма, как Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, архитектором, строителем может быть только пролетариат».

К словам иноязычного происхождения даются развернутые разъяснения, раскрывающие на базе понятных слов содержание выражаемого понятия: «...социализм соответствует также и объективным, т. е. правильно понятым, интересам трудового крестьянства».

В речь, адресованную крестьянам, включаются слова и выражения, непосредственно связанные с миром крестьянской жизни (*коренник* — «лошадь в упряжке, в корню, в отличие от «пристяжных»»; *выбиться из нужды* — «преодолеть нужду, нищету» и другие).

Бытовую живописность придают сравнения: «В земском народном училище... на учение набросился, как голодный на еду».

Правдивое, понятное слово М. И. Калинина находило широкий отклик в сердцах миллионов советских людей; оно поднимало широкие массы трудящихся на борьбу за построение социализма, за торжество социалистической культуры, за освобождение нашей родины от немецко-фашистских захватчиков.

Пламенное слово М. И. Калинина — достояние публицистики нашей эпохи; оно близко и дорого всем, кто проявляет интерес к вопросам культуры русской речи.

Профессор А. Н. КЮЖИН

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Продолжение. См.: «Русская речь», 1974,
№ 4—6, 1975, № 1—5

На месте сочетаний *си* и *зи* на стыке приставки и корня или корня и суффикса произносится двойной твердый согласный [ш], обозначим его [ш:]. Слова *сшил*, *бесшумный*, *влезший* произносятся [ш:ыл], бе[ш:]умный, влэ[ш:ый].

Тот же звук произносится на стыке предлога на [с], [з] и следующего слова, начинающегося с [ш]: слова *с шумом*, *без шума* произносятся [ш-ш]умом, бе[ш-ш]ума.

Двойной характер [ш] должен сохраняться также после [л], [р]. Слова *уползший*, *замёрзший* должны произноситься упóл[ш:ый], замёр[ш:ый]. Ср. неодинаковое произношение слов *вбымерзший* и *вбымерший*: вбымер[ш:]ый и вбымер[ш]ый.

На месте сочетаний *зж* и *сж* на стыке приставки и корня произносится двойной твердый согласный [ж]: [ж:]. Например, слова *безжалостный*, *изжбга*, *разжирёл*, *сжёг* произносятся бе[ж:]áлостный, и[ж:]óга, ра[ж:ы]рёл, [ж:ок].

Двойной твердый [ж], то есть [ж:], произносится на стыке предлога, имеющего [с] или [з] на конце, и следующего слова, начинающегося с [ж]. Слова *с жаром*, *с жиром*, *из жара*, *без жира* произносятся: [ж-ж]áром, [ж-жы]ром, и[ж-ж]áра, бе[ж-жы]ра.

Иначе может произноситься сочетание *зж* не на стыке приставки и корня (или предлога и следующего слова), а внутри корня. Имеются в виду такие случаи как *эзжу*, *пбзже*, *поезжай* и другие. В соответствии со старыми московскими нормами, которые стремится сохранить театр, здесь произносится долгий (двойной) мягкий согласный [ж':], например, э[ж':]у, пó[ж':]е, пое[ж':]áй. Тот же долгий мягкий звук произносится на месте сочетания *жж*, ко-

торое встречаем только внутри корня, например, в словах: *вбжжи, дрбжжи, жжжённый, жужжжать*.

Такое произношение в обычной (не сценической) речи сейчас встречается все реже и реже. Все шире сейчас начинает произноситься твердый двойной [ж]. Это произношение в настоящее время уже не может считаться неправильным. Постепенно оно приобретает характер нормы, а старое произношение с мягким двойным [ж':] становится чертой старого московского произношения, которую однако продолжает культивировать театр. Впрочем, современные наблюдения над сценической речью свидетельствуют, что эта черта старого московского произношения и на сцене не выдерживается достаточно последовательно.

Особого замечания требует произношение слова *дождь* в разных падежах и производных словоформах. В соответствии со старыми московскими нормами здесь перед гласными и перед [л'] произносился мягкий двойной [ж']. Слова *дожди, дождишь, дождливый* и другие произносились: до[ж':]й, до[ж':]ик, до[ж':]ливый. В именительном падеже ед. ч. слова *дождь* на конце в результате оглушения произносился соответствующий мягкий согласный — [ш':], то есть [дош':]. Это произношение культивируется и в сценической речи. Однако в живой общественной практике в соответствии с написанием (а написание с *жд* имеет церковнославянское происхождение) сейчас обычно произносят сочетание [жд'], а на конце слова [шт']: до[жд']й, до[жд']ик, до[шт']. Следует сказать, что такое произношение постепенно приобретает характер нормы.

Продолжение следует

*

**В номерах будущего, 1976, года
будут напечатаны материалы
«Словаря русских фамилий»
В. А. Никонова.**

*

КУЛЬТУРА РЕЧИ В ПЕРЕДАЧАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Маленький ребенок, овладевая речью, перенимает от своих воспитателей все особенности их произношения. С трех-четырех лет многие дети становятся телезрителями, с этого же времени, иногда несколько позже, радиослушателями.

В тонкости слуха и в необыкновенной внимательности детей к вопросам произношения нам неоднократно приходилось убеждаться. Так, трех-четырехлетние дети делали замечания орфоэпического характера: «Мама неправильно сказала *кто*, надо *кто*, дядя в детской передаче говорит *держис*», надо *держис*».

Если дети так наблюдательны, то произношение актеров и дикторов должно оказывать, и действительно оказывает, большое влияние на них, так как передачи по радио и телевидению производят на детей сильное впечатление. Вот почему особенно важно, чтобы участники и режиссеры детских передач строго относились к языку вообще и к произношению в частности.

В настоящей статье мы расскажем об орфоэпических ошибках и нежелательных отклонениях от литературных норм, более или менее часто встречающихся в детских телевизионных и радиопередачах. Материал для статьи, записанный на пластинках и магнитофонной пленке, прослушивался совместно с пятилетними детьми, которые замечали многие ошибки в произношении исполнителей.

Наиболее распространенный недостаток, отмеченный в передачах,— неправильное ударение. В мультипликационном фильме «Рикки-Тикки-Тави» отец мангуст учит сына драться с врагами не только зубом, но и *когтем* (литературное произношение *когтем*). В радиопередаче из Ленинграда у журналистки, ведущей

беседу с воспитанниками детского сада, мы слышим: *убрала* (литературная форма *убралá*). Исполнительница роли Братца Кролика в третьей передаче «Сказок Дядюшки Римуса» Джоэля Харриса произносит *нанялся* (литературный вариант *нанялся́*). В «Игре для ребят-трулялят» (запись на пластинке) вместо литературного *долбит* отмечено нелитературное *дблбит* (кору). В сказке В. Одоевского «Городок в табакерке» ведущий произносит *крадётся* (литературное ударение *крадётся́*). У Бармалея в кукольном фильме «Айболит и Бармалей» мы слышим: «Доктора *свёрлят* зубы бормашиной!» (вместо литературного *сверлят*). Актер, озвучивавший роль Карлсона в мультфильме «Малыш и Карлсон», произносит *балуясь* (литературный вариант *балётся*). В мультипликационном фильме «Медвежонок Рим-цым-цы» Лиса говорит: «Пойду наряжусь *грибом*»... (литературное ударение *грибóм*).

Очень не повезло с ударением африканской реке Лимпопо. Название ее артистами, занятыми в инсценировке сказки Р. Киплинга «Слоненок», произносится с ударением на последнем гласном — *Лимпоб́*. Так произносят и сам Слоненок, и Птица Коло-Коло, и артист, читающий авторский текст. То же мы слышим и в кукольном фильме «Айболит и Бармалей». Однако это географическое название дается с ударением на втором гласном (*Лимпопо*) и во втором издании «Большой советской энциклопедии» (изданной в 50-х годах), и в «Словаре ударений для работников радио и телевидения» (М., 1967), и в «Кратком топонимическом словаре» (М., 1966), и в «Энциклопедическом словаре географических названий» (М., 1973).

Рассмотрим теперь орфоэпические ошибки, встречающиеся в произношении отдельных звуков и сочетаний их.

В литературном русском языке согласный *з* на конце слова оглушается и произносится звуком *ж*. Произношение *х* на месте конечного *з* является диалектным. Однако в речи артистов эта диалектная черта часто встречается. Например, в детских передачах звук *х* отмечен у исполнительницы роли Люси в инсценировке сказки Беатрисы Поттер «Ухти-Тухти» (*вдрух* я увидела, *вдрух* сделалась), у ведущего в сказке «Три поросенка» (*друх* на друга). Ветер в сказке Э. Лабуле «Как петушок попал на крышу» просит героя передачи Петушка: «Взмахни разок-другой своим крылом, чтобы я *мох* прийти в себя». У Дядюшки Римуса в радиопередаче «Как Братец Кролик перехитрил Братца Лиса» по «Сказкам Дядюшки Римуса» нами отмечено: «Братец Кролик — да *вдрух* удирать!». Но в данной роли актер использует такое произношение,

по всей вероятности, как речевую краску для создания образа старика негра Дядюшки Римуса, так как в этой же роли у него встречается и произношение звонкого ффрикативного звука γ на месте взрывного g в начале и в середине слова: *γонялись, поγодй, на друγбй день, по дорбγе, не забеγай* вперед.

Следует отметить, что ффрикативный γ нередко встречается и как необоснованное отступление от литературной нормы, то есть как ошибка, и как речевая краска в произношении одних и тех же актеров, принимающих участие в детских передачах.

Встречаются в детских передачах и другие случаи диалектного произношения. Так, в сказке В. Одоевского «Городок в табакерке» у актрисы, исполнявшей роль мальчика Миши, в окончании существительных первого склонения в творительном падеже множественного числа после *к*, то есть *-ками*, отмечаем произношение *-кими*: *табакёркими* назывались раньше коробочки..., *валик с ключочкими*. В сказке «Крошечка-Хаврошечка» у исполнительницы роли тетки Макарьихи также наблюдается эта черта, но имеющая уже стилистическую нагрузку. «Все *Бурёнкими* стали», — говорит злая Макарьиха. Думается, что в передачах для маленьких детей следует очень осторожно использовать диалектизмы для создания речевой характеристики персонажа, так как языковой опыт детей невелик и неправильное произношение может закрепиться в речи ребенка.

Одной из наиболее распространенных ошибок является твердое произношение согласного на конце слова и в повелительном наклонении глаголов на месте мягкого: *провёр^тте* вместо *провёр^ьте*, *остаф^тте* вместо *остаф^ьте*, *кроф^т* вместо *кроф^ь*. В одном из мультипликационных фильмов о Незнайке хор коротышек в «Песенке о кузнечике» поет:

Предстаф^тте себе, *предстаф^тте* себе,
Зелененький он был.

Исполнитель роль Слопенка в инсценировке одноименной сказки Р. Киплинга произнес это слово так же: «*Предстаф^тте*, я убил муху моим новым носом!». «*Повёр^тте*, после первого же дождя я расплачусь с вами», — говорит Вода в сказке Э. Лабуте «Как петушок попал на крышу». А герой этой сказки Петушок Тринадцатый поет: «*Я вноф^т* спешу...».

Встречаются и другие случаи твердого произношения согласного на месте мягкого, например, в «Игре для ребят-трулялят» в слове *седьмой*: Номер *сед^тмой* прекрасный бегун (из загадки).

По орфоэпическим нормам русского языка звонкий согласный на конце слова оглушается. В произношении артистов наблюдаются отступления от этого правила. Так, у артистки, исполняющей роль Птицы Коло-Коло в сказке Р. Киплинга «Слоненок», отмечено: «*Оста́в*^в их в покое» вместо литературного «*остаф*^в...».

Иногда в произношении артистов встречается смягчение конечного твердого согласного под влиянием гласного переднего ряда *e*, *и*, а также перед йотированным гласным, с которого начинается следующее слово. «*Всем*^в им очень некогда», — говорит ежиха Ухти-Тухти. Такое произношение противоречит правилам русского литературного языка: конечный твердый согласный слова в подобных случаях не должен смягчаться.

В речи артистов иногда встречается произношение долгого мягкого звука *ж^вж^в* на месте *ж^вд^в*. Встретилось оно и у ведущего в передаче по сказке В. Одоевского «Городок в табакерке»: *преж^вж^ве* (по правилам орфоэпии следует произносить *преж^вд^ве*).

Слово *дрбжжи* должно звучать с долгим мягким *ж^вж^в* (*дрбжж^ви*). Однако в детских передачах можно встретить неправильное произношение: Обезьянка из телевизионной передачи «Сказки Мишки-ушастика» предлагает Ослику поехать купить *дрожж^вж^вэй*. И это не оговорка: она несколько раз повторяет это слово в разных падежах — *дрожж^вж^вэй*, *дрбжж^вы*.

В соответствии с нормами орфоэпии русского литературного языка сочетание *гч* произносится как *хч*. У исполнительницы роли Жабы в радиопередаче по сказке Г.—Х. Андерсена «Дюймовочка» отмечено произношение *лэчке*.

Нежелательным в речи актеров является произношение *ш^вч^в* на месте *ш^вш^в* (в написании *щ*, *сч*, *зч*). Однако такое звучание у артистов изредка встречается: *вэш^вч^ви*, *закáш^вч^вики* слышим мы у ежихи Ухти-Тухти в одноименной сказке Б. Поттер.

Небрежное отношение к языку детских передач сказывается и на произношении слов иноязычного происхождения. Так, в кукольном фильме «Айболит и Бармалей» название реки Лимпопо произносится различными действующими лицами по-разному. «*ЛимпОпб!*» — восклицает Доктор Айболит. «*ЛимпАпб!*» — вслед за ним кричат Обезьянка и Свинка.

Произношение окончаний прилагательных мужского рода в именительном и винительном падежах *-к^вий*, *-г^вий*, *-х^вий* с мягким заднеязычным согласным (*беленьк^вий*, *стрбг^вий*, *вэтх^вий*) отстояло право считаться литературным и упорно прокладывает себе путь в сценическую речь. Однако оно не вытеснило еще ста-

ромосковского варианта произношения *-к^ъый, -г^ъый, -х^ъый* с твердым заднеязычным. Иногда сама рифма подсказывает, какой вариант следует выбрать. Так, в детской передаче «Приключения Пифа» главный герой ее щенок Пифф поет:

Кто умней любой *собáки*,
Симпатичен и сметлив?
Вам на это скажет *всяк^ъый* —
Это я, веселый Пифф!

Рифмы, как видим, не получилось, так как в этом случае требовалось не традиционное произношение *всяк^ъый*, а более новое *всяк^ьий*, которое рифмовалось бы со словом *собáк^ьи*.

То же можно сказать и о возвратных частицах *-ся, -сь*. Мягкое произношение их уже утвердилось в литературном языке и на сцене, и им не следует пренебрегать, особенно в тех случаях, когда рифма требует этого. Однако Слононок, герой сказки Д. Самойлова «Слононок пошел учиться», прогоняя Кота, говорит:

Попробуй еще раз тут *появись^ь*.
Брысь!

И в этих стихах рифма нарушена.

В одной из детских передач прозвучала сказка в стихах Я. Акима «Лисенок». В исполнении этого стихотворения принимали участие два артиста, но рифма строго соблюдалась обоими: Слова Лисенка:

Видно, ты не хитришь, раз идти не велишь...
Я, конечно, *боюсь*, только правды *добьюсь*.

И слова Волка:

Да никак тут *лиса* ..
Ты откуда *взялся*?
Сам пришел, не проспал,
Мне на завтрак попал.

Как видим, вариантов в произношении возвратных частиц при исполнении этой сказки нет, хотя приведенные отрывки были исполнены разными актерами.

Сказанное выше показывает, что при подготовке детских передач следует уделять большее внимание работе над произношением. Если для взрослой аудитории важно правильное произношение, то для детской оно важно вдвойне. Следует иметь в виду также, что не всякое отступление от орфоэпических норм, используемое в качестве речевой краски, приемлемое в передачах для взрослых, может быть использовано в детских передачах.

Л. Н. КУЗНЕЦОВА

ПАСТЬ— ПАДАТЬ— УПАДАТЬ

В системе русского глагола есть такие глаголы, которые претерпели в своем значении и употреблении значительные изменения. Эти изменения особенно отчетливо прослеживаются тогда, когда они связаны с видовыми вариантами, с различными способами выражения значения совершенного и несовершенного вида. В истории русского литературного языка нового времени, а именно за период с конца XVIII века, мы встречаем немало параллельных, вариантных способов выражения одного и того же видового значения. Интересным примером такого выражения является глагол *пасть* и его однокоренные *падать* и *упадать*.

Основное значение глагола *пасть* в конце XVIII — начале XIX века было «совершать (совершить) падение». В «Словаре Академии Российской» (1789—1794) он имеет толкования: *паду* и *учащат. падаю*: «тяжестию своею стремлюся с высоты в низ; валюся». В этом толковании неясно, в значении какого вида употребляется глагол *пасть*: толкование значения охватывает как *пасть*, так и *падать*. Между тем литературные тексты того времени показывают, что глагол *пасть* мог употребляться и в значении совершенного, и в значении несовершенного вида. Совершенный вид: «От зданья отними столшы, оно падет» (И. Дмитриев. Перевод Сатиры о благородстве); «Оковы тяжкие падут, Темницы рухнут...» (Пушкин. Послание в Сибирь).

Однако наряду с таким употреблением мы находим глагол *пасть* и в несовершенном виде. Обычно это значение поддерживается соседним глаголом в форме несовершенного вида: «В пути знамена их *валяются*, в пути *падут* кошь и меч» (Сумароков. К ста-

туе Петра Великого); «он *вержется, падет* внезапно» (Державин. На восшествие Александра I); очевидно, в значении совершенного вида употреблен глагол *пасть* в поэме Пушкина «Руслан и Людмила»:

Свершились милые надежды,
Любви *готовятся* дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры...

Следовательно, глагол *пасть* выступает в это время в роли двувидового глагола, такого глагола, который может быть употреблен в значении совершенного и несовершенного вида. Это двойственное употребление обычно приводит к стремлению языка уточнить, формально выразить видовое значение. Для такой дифференциации в данном случае послужил издавна существовавший в русском языке глагол несовершенного вида *падать*; ср. приведенный из «Словаря Академии Российской» глагол *падаю* — *паду*: рыбы падают с неба (Карамзин. Бедная Лиза); деревья падают (Карамзин. О случаях и характерах); осенние листья падали с дерев (Пушкин. Дубровский). Этот глагол *падать* и вытесняет из языка *пасть* в значении несовершенного вида.

Для выражения совершенного вида все более употребительным становится глагол *упасть*. В «Словаре Академии Российской» он отмечен в том же значении, что и *пасть* — *упадаю, упал, упаду, упадать, упасть* «валюся, сваливаюся»: *Упало* дерево на землю. В значении совершенного вида глагол *упасть* и закрепился в языке: «Смотри, не упали в реку!..— Отчего ему упасть?.. он остережется» (Тургенев. Бежин луг).

Глагол *упадать*, который дан в «Словаре Академии Российской» в одной статье с *упасть*, всегда употреблялся в несовершенном виде: «Снежные глыбы, *упадая*, могут столкнуть карету» (Фонвизин. Письмо родным, 22 марта 1785); «*упадает* в обморок» (Вас. Майков. Агриопа); «Капли, *упадающие* с кровли» (Болотов. Записки, 2).

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX века несовершенный вид мог быть выражен глаголами *пасть* — *падать* — *упадать*, совершенный — *пасть* и *упасть*.

К сороковым годам XIX века употребительность глагола *упадать* уменьшается, в прямом значении — «совершать падение» — он сохраняется только в поэтической речи: «Он водил по струнам; упали Волоса на безумные очи...» (А. К. Толстой. Он водил по струнам); «...косы черные *Упадают* на плечо» (Фофанов. Ревнивый муж). Сфера употребления этого глагола ограничивается значением «приходить в плохое состояние», «опускаться (в нравственном отношении)», «ослабевать»: «Ценность земли в России

упасть не может» (В. Боткин. Письмо А. А. Фэту, 31 декабря 1860); упадет чиновничество (А. Островский. Доходное место); упадет литература (Писемский. Тысяча душ); упасть духом (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). Сравните приводимый Л. Толстым текст масонского устава: «...Настави заблуждающегося, подними упдающего и не питай никогда злобы или вражды на брата» (Война и мир).

Падать в прямом значении «совершать падение» занимает доминирующее положение в качестве глагола несовершенного вида, *пасть* в несовершенном виде в 40-х годах XIX века уже больше не употребляется. Он превращается окончательно в глагол совершенного вида. Но и в качестве такового в прямом значении «совершить падение», «свалиться» выходит из употребления. Закрепляется он в ограниченном ряде значений, например:

«погибнуть на поле боя»: «...Там русский пал, там печенег...» (Пушкин. Руслан и Людмила); ср. в наше время: «Дивизия лезла на гребень горы... И пал я тогда» (Слуцкий. Памятник).

«сдаться (о городе, военном укреплении и т. д.)»: «Громада кораблей вспылала, И пал впервые Наварин» (Пушкин. Моя родословная); ср. современное: пал Царицын (Федин. Необыкновенное лето); падут Краков и Вена (А. Толстой. Сестры);

«прекратить существование»: «...Монополия Греча и Булгарина пала» (Пушкин. Письмо М. П. Погодину, 11 июля 1832); «Министерство Гизо пало» (Салтыков-Щедрин. За рубежом);

«нравственно опуститься»: «Когда я паду совсем, ты будешь упрекать меня» (Л. Толстой. Семейное счастье); «Мы ослабели, опустились, пали наконец...» (Чехов. Рассказ неизвестного человека); «Низко пасть — значит совершить подлость» (Федин. Первые радости);

о явлениях природы: «Снег пал, иней пал, роса пала и т. п.: солнце зашло за лес. Роса уже пала» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Первый снежок пал» (Мамин-Сибиряк. Охоины брови); «На землю пал спокойный иней» (В. Солоухин. Дорога влажною была...);

о смерти животных: под ним лошадь пала (Тургенев. Чертоуханов и Недопюскин); у мужика пала корова или лошадь (Гончаров. Обрыв).

В устойчивых словосочетаниях: *пасть духом*: «...Как только наступила ночь, я пала духом» (Чехов. Рассказ неизвестного человека); *пасть к ногам, пасть в ноги*: «Мне страстно хотелось пасть к ее ногам» (там же); «Вдова на стуле, увидев царя, обомлела... хотела пасть в ноги» (А. Толстой. Петр I); *беда, гнев пал*: «Беда пала на его голову» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Гнев его пал на Уздечкина» (В. Панова. Кружилиха).

Таким образом, неупорядоченное в конце XVIII — начале XIX века употребление глаголов *пасть* — *падать* — *упасть* сменяется разграничением их сфер употребления. При этом происходит выравнивание их видового соотношения: в прямом значении парными становятся глаголы *падать* (несовершенный) — *упасть* (совершенный). *Упадать* остается глаголом несовершенного вида, а *пасть* — совершенного. Однако эти глаголы получают употребительность, ограниченную определенными значениями.

Кандидат филологических наук
Н. С. АВИЛОВА

ТРУДНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

«...Одна милая, очень молоденькая медицинская сестра в накрахмаленной шапочке во время лечебной процедуры ежедневно находила для нас, больных, новую форму глагола „положить“. „Ложьте руки сюда“, — говорила она, улыбаясь; „залаживайте их так“, — объясняла она на другой день. Ее изобретательности не было предела: „закладáйте“, „ложите“, „залóжьте“, „укладáйте“, „залóживайте“ и так без конца...». Эти строки (Рина Зеленая. Кое-что о разговорной речи... «Новый мир», 1958, № 1) вновь напоминают нам: в языке нет мелочей, любая небрежность ведет к нарушению правильности нашей речи. Формы повелительного наклонения 2-го лица, образованные неправильно, достаточно красноречиво говорят об отсутствии речевой культуры у человека, о его языковой неряшливости.

Писатели давно подметили это и часто используют неправильные формы повелительного наклонения как одно из средств речевой характеристики персонажей: «Дали ее ему, как заведующему — на, езди́й по делам, куда тебе нужно, только береги ее» (В. Овеч-

кин. Гости в Стукачах); «А оленя не трожь, не имеешь права» (Г. Семенов. Серый олень); «Не *вылазь* из своей будки, пока не отсалютуем» (Ф. Таурин. Иначе нельзя). Почему неправильны формы *ездий, плакай, бежи* и многие другие? Можно ли сказать *едь, пользуйся, заходь*? Как правильно: *махай* или *маши, чисти* или *чисть*? На эти и другие вопросы о формах повелительного наклонения мы и попытаемся ответить, а для этого следует заглянуть не только в грамматику современного литературного языка, но и в его историю.

Очень распространенная ошибка — сокращение формы повелительного наклонения: *клей* — *кле́й*, *напой* — *напо́й*, *вѣтащъ* — *вѣ́тащи*, *покажь* — *покаж́и* и т. п. Причина таких сокращений становится понятной, если обратиться к истории языка. В древнерусском языке все глаголы (кроме так называемых нетематических, имевших свои особые формы) образовывали форму повелительного наклонения 2-го лица единственного числа от основы настоящего времени при помощи суффикса *-и*: «И рече (сказал) ему сотона возми камень и удари и (его)» (Лаврентьевская летопись, 986); «и слышавше Ростовци негодоваша (негодовали). рекоша (сказали) юрополку ты поѣди сѣмо (сюда) а Михалку рекоша пожди мало на Москвѣ» (Лаврентьевская летопись, 1175). Впоследствии этот суффикс *-и*, находясь не под ударением, в определенных положениях подвергся редукции (сокращению), а потом и совсем утратился. Лингвисты, исследовавшие древнерусские памятники письменности, отметили первые случаи такой утраты *-и* уже в XIII веке, но еще в текстах XVI, XVII веков (и даже позже) безударный гласный суффикс *-и* мог сохраняться в форме повелительного наклонения (правда, с определенным стилистическим заданием): «Пребуди Петр Великий с нами» (А. Сумароков. Ода. IV); «настави грешных нас» (А. Пушкин. К другу стихотворцу).

В современном литературном языке правила образования форм повелительного наклонения 2-го лица единственного числа отличаются от древнерусских: с помощью суффикса *-и* эти формы образуются только тогда, когда ударение падает на суффикс, например, *говорѣть* — *говори́*, *пойть* — *пой*, *доложить* — *доложи́* и т. д. Безударный же гласный *-и* сохраняется в форме повелительного наклонения лишь в том случае, если перед ним находятся два согласных звука или при наличии приставки *вы-*, перетягивающей ударение на себя: *мѣдли*, *продблжи*, *тащѣ* — *вѣ́тащи*, *несѣ* — *вѣ́неси*, но *брось* — *вѣ́брось*. В остальных случаях форма повелительного наклонения образуется без суффикса *-и* и равна основе настоящего времени: *думай*, *услышь*, *брось* (об особенностях образования форм повелительного наклонения от некоторых глаголов см. «Граматику современного русского литературного языка», М., 1970).

Правила, как видим, не очень сложные, но в просторечии они часто нарушаются. В результате неправильной постановки ударения в глагольных формах суффикс *-и-* утрачивается в форме повелительного наклонения и там, где по нормам литературного языка должен сохраняться: «Мужикъ, мужикъ, *скажь* царю: Лазарь безъ языка говоритъ» (Памятники первых лет русского старообрядчества, СПб., 1914); «Приводили Василя ко царю на лицѣ. *Опохмѣль* меня Владимиръ царой хмѣльною» (Онежские былинны); «За дверью скрипнули половицы, что-то зашуршало, и послышалось требовательное: „А пу *покажь* документ”» (М. Черненко. Следствием установлено). В правильной речи такие сокращения недопустимы; только от некоторых глаголов (с основной настоящего времени на *-ст* или на два согласных, первый из которых *-р*) возможны варианты формы повелительного наклонения, но и в этом случае предпочтительнее формы с *-и-*: *чисти, порти, мбрици*, хотя возможны: *чисть, порть, морць*.

Ошибки другого рода — сохранение *-и* там, где в литературном языке этот звук уже утратился, — немногочисленны: обычно можно услышать только *стой, смейсь, бойсь* вместо правильных *стой, смейся, бойся*.

Формы повелительного наклонения образуются, как мы уже говорили, от основы настоящего времени. Казалось бы, выделить основу настоящего времени глагола несложно: достаточно лишь от формы 3-го лица множественного числа отделить личное окончание. Но именно в результате неправильного выделения основы настоящего времени и появляются чаще всего просторечные формы повелительного наклонения. Причины появления таких неправильных основ настоящего времени различны, но обусловлены все они одним: взаимодействием основ одного и того же глагола или глаголов различных типов. Следует заметить, что неправильные основы настоящего времени наблюдаются не только в формах повелительного наклонения, но и в других глагольных формах, также образующихся от основы настоящего времени.

В русском языке есть глаголы, у которых основа настоящего времени неодинакова в разных формах. Это глаголы с основой на заднеязычные *к* и *г*: *бег-ут, пек-ут, стриг-ут, волок-ут* и другие. Звуки *к* и *г* в основе настоящего времени представлены только в формах 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа, а в остальных формах в основе настоящего времени на месте *к* и *г* выступают шипящие. Поскольку форм с шипящим в основе больше, они оказывают влияние и на формы с *к* и *г* в основе; появляются формы *печу* и *печут, волочу* и *волочут, стрижу, бежу* и повелительные *печи, волочи, стрижи, ляжь, растолчи, бежи*.

О последней форме, встречающейся особенно часто, нужно

сказать подробнее. В памятниках древнерусской письменности форма *бежи* встречается нередко: «Молю тА (тебя) чАдо моє бѣжи въ поустыню» (Синайский патерик XI век); «Ини же глху (говорили) бѣжи Исакиє хотАть тА загрести (схватить)» (Лаврентьевская летопись, 1074). Однако «обвинение» древнерусских книжников в неграмотности в данном случае было бы несправедливым. Дело в том, что в древнерусском языке были глагол *бѣчи* (-ци) с основой настоящего времени *бѣг-* и глагол *бѣжати* (из *bĕgĕti*) с основой настоящего времени *бѣж-*, от которой и образовывалась вполне закономерная форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа *бѣжи*. Глагол *бечь* (из *бѣчи*) не сохранился в современном литературном языке, но оказал влияние на глагол *бежать* (из *бѣжати*): в результате взаимодействия этих глаголов у глагола *бежать* основа настоящего времени в 1-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа оканчивается на заднеязычный -г, а в остальных лицах — на шипящий. Поэтому и форма *бежи*, безусловно правильная для древнерусского языка, не является таковой в современном русском литературном языке.

Неправильные формы повелительного наклонения появляются и в результате взаимовлияния основ настоящего и прошедшего времени одного и того же глагола. Так, у глаголов типа *тереть*, *запереть* основа прошедшего времени *тер-ла*, *запер-ла*, а в основе настоящего времени корневой гласный -е- выпадает: *тр-у*, *запр-у*. В просторечии же этот корневой гласный -е- под влиянием основ прошедшего времени сохраняется и в основе настоящего времени, то есть говорят *теру*, *заперу*, откуда повелительные формы *тери*, *запери*.

Наконец, неправильные формы повелительного наклонения появляются в результате взаимодействия основ глаголов различных типов. В русском языке между двумя основами глагола — настоящего и прошедшего времен — существуют определенные соотношения. Эти соотношения могут быть продуктивными, то есть такими, которые появляются у вновь образующихся глаголов, или непродуктивными. Глаголы с продуктивным соотношением основ (иначе — глаголы продуктивного класса) нередко оказывают влияние на глаголы с непродуктивным соотношением основ (глаголы непродуктивного класса). Так, в русском языке есть многочисленный продуктивный класс глаголов типа *читать*, *думать*, у которых основа прошедшего времени оканчивается на -а (*чита-л*, *дума-л*), а основа настоящего времени отличается от основы прошедшего времени только наличием еще одного звука -j-, обозначаемого в графике -й (*читай-ут*, *думай-ут*). Они оказывают влияние на глаголы непродуктивного класса типа *прятать*, *махать*, *зныкать*, у которых соотношение основ настоящего и прошедшего вре-

мен совсем иное: *прята-л — пряч-ут, маха-л — маш-ут, хныка-л — хныч-ут*. Наличие некоторых похожих форм у этих разнотипных глаголов — инфинитива на *-а-ть* (*читать* и *махать*), прошедшего времени (*читал* и *махал*) — приводит к тому, что в просторечии глаголы непродуктивного класса приобретают такое же соотношение между основами прошедшего и настоящего времени, как и глаголы продуктивного класса. Иначе говоря, появляются формы *плакаю, махаю, хныкаю, полоскаю* и другие, повелительные — *плакай, махай, хныкай, полоскай*, основа настоящего времени которых отличается от основы прошедшего времени только наличием дополнительного звука *-ј-*.

Судьба этих глаголов, подвергшихся влиянию глаголов продуктивного класса, различна: одни употребляются в литературном языке только с новой основой (*елотать — елотай, икать — икай*); другие — как с новой, так и со старой (*маши, хнычь, положи* и вполне допустимые разговорные *махай, хныкай, полоскай*); третьи — только со старой (*плачь, прячь, паши, а плакай, прятаяй и пахай* являются просторечными, в литературном языке недопустимыми).

Влияние глаголов продуктивного класса типа *читать* настолько сильно, что оно распространяется и на довольно многочисленный, продуктивный класс глаголов типа *требовать, пользоваться* с более сложным соотношением основ: *требова-л — требуй-ут, пользова-лся — пользуй-утся*. Те же сходные формы (инфинитива, прошедшего времени) приводят к тому, что в просторечии появляются формы *требоваяю, пользуюясь* и повелительные — *требовай, пользуйся*. И. А. Бунин в рассказе «Мелкопоместные» при передаче крестьянской речи употребил форму *баловай*, а в примечании пояснил: «от слова баловаться».

Влиянием соотношения основ и взаимодействием глаголов различных типов объясняется образование очень широко распространенных неправильных форм повелительного наклонения *лазий, мерий, ездий*.

Глаголам *ехать* и *ездить* с формами повелительного наклонения особенно «повезло». И *ехать* и *ездить* в нашей речи очень употребительны, нередко в повелительной форме, но... чаще всего неправильной. Только от двух этих глаголов образуется ряд просторечных форм повелительного наклонения. О причинах появления неправильных форм *ехай, ездь, ездий* мы уже говорили, но почему неправильна совершенно закономерная форма *едь*, почему вместо нее в литературном языке употребляется образованная от другой основы форма *поезжай*? И уж если мы говорим *поезжай*, то почему нельзя сказать *езжай*?

Действительно, в древнерусских памятниках письменности форма повелительного наклонения глагола *ѣхати* = *ѣди* (в сокра-

щепном виде *ѡдѣ*): «ИзАслав... рекъ брате ѣди к митрополиту» (Лаврентьевская летопись, 1147).

Эта же форма *ѡдѣ* (чаще всего с приставками) встречается и в более поздних памятниках — грамотках XVII и XVIII веков, в исторических песнях русского народа, в былинах записи XVIII и XIX веков, но уже наряду с формой *побѣжай*, часто в одном и том же тексте. Почему же вместо формы *едѣ* стала употребляться форма *поезжай*, чем это было вызвано?

Вероятнее всего эта замена была вызвана тем, что глагол *ехать* — один из немногих изолированных глаголов русского языка, имеющих ряд особенностей в образовании форм. Впрочем, вместо принятой в литературном языке формы *поезжай* как формы повелительного наклонения глагола *ехать* значительно чаще можно услышать употребляемую в этом же значении просторечную форму *езжай*. Эта форма нередко встречается не только в речи персонажей, но и в авторском повествовании.

Форма *езжай* могла быть образована от глагола *езжать*, встречающегося иногда в литературном языке, но употребляющегося только в формах прошедшего времени. Однако более вероятным кажется иное объяснение. Если мы сравним формы повелительного наклонения глаголов *вѣхать* — *вѣзжай*, *выехать* — *выезжай*, *приехать* — *приезжай*, *поехать* — *поезжай* и т. п., то увидим, что в них отчетливо выделяется один общий элемент *-езжай*. Вполне вероятно, что форма *езжай* и кажется формой повелительного наклонения бесприставочного глагола *ехать* (в отличие от формы повелительного наклонения глагола *поехать* — *поезжай*). Если это так, тогда форма *езжай* появилась в результате своеобразного «выравнивания и подгонки» супплетивной, то есть образованной от другой основы, формы повелительного наклонения *поезжай* к глаголу *ехать*.

Мы рассмотрели типы ошибочного образования форм повелительного наклонения в довольно общем виде, уделив большее внимание только особенно часто встречающимся и интересным в историческом плане неправильным формам повелительного наклонения глаголов *бежать* и *ехать*. Думается, что нет необходимости так же подробно рассматривать и остальные случаи неправильного образования форм повелительного наклонения: выделение особенно типичных ошибок уже должно сыграть свою роль в их преодолении.

А сейчас... Сейчас, наверное, можно закончить рассказанную в начале статьи историю о милой медицинской сестре и «коварных» формах повелительного наклонения: «...Когда мы поближе познакомились, я посоветовала ей остановиться на простейшей фразе: „положите руки сюда“. И ей и нам сразу стало легче».

В. Н. БЕЛОУСОВ

КУКУШКА, КАКУШКА, ЗАГОСКА

В русских диалектах довольно часто встречается такое явление, когда их носители не различают или просто не разграничивают некоторые виды и роды птиц. Так, в псковских говорах анта иногда называют журав. Слово *ястреб* может относиться и к луню, и к канюку (Оренб.). Название *ореховка* в разных говорах обозначает разных птиц.

Однако кукушка (*susulus canogis*) — одна из самых известных птиц российских лесов, слишком своеобразна и по повадкам, по образу жизни, и по крику, чтобы ассоциироваться в сознании носителей говоров с какой-нибудь другой. Видимо поэтому большую часть названий *susulus canogis* (а их на территории РСФСР отмечено около 30) можно возвести всего к двум корням: *кик-* и *zegz-*. Исследователи относят оба эти корня к праславянской эпохе.

Академик Л. А. Булаховский, посвятивший ряд работ славянским наименованиям птиц, указывал, что праславянское наименование *kikavica* — одно из самых ясных по своему звукоподражательному происхождению. С ним родственны современное литературное *кукушка*, диалектные *какѹшка*, *кѹкѹшка*, *кокѹшка* и другие. Так, в смоленских говорах известны *какѹша*, *какѹшка*: «В первом садику какѹша какуит, в другом садику салавей щабечить». «Ни какуй, какѹшка, в зеленый дубровы». Сравните: «В зеленом саду горькая какѹшничка жалобнехонько какуит» (Терск),

В псковских говорах проявляется иное чередование в корне: *кикушка* («Кикишка эвон на той ветине сидела, кикивала»). В XVIII веке зарегистрировано *кокуша* в говорах по реке Свирь. У В. И. Даля отмечено *кокуша*, *кокушица*: «Не кокушица во сыром бору куковала». В этом же ряду Л. А. Булаховский отмечает название *кокбшка*, которое в большинстве русских говоров обозначает не кукушку, а курицу. И, наконец, известно еще одно название. Оно отличается от перечисленных суффиксальным оформлением, но сохраняет праславянскую форму корня *кик-* *kukavica* — *кукавка*.

Русские народные говоры сохранили и другой древнейший славянский корень *zegz-*. В XIX—XX веках собиратели народной речи отметили следующие диалектные названия кукушки: *забза* (Новг.), *забзочка* (Смол.), *забзка* (р. Свирь), *забзка* (Пск., Олон.), *забнька* (Пск., Новг.), *забжка*, *забженька* (Олон.), *забшица*, *збзга* (Волог.). Для слов этой группы характерно *з* в корне.

В древнерусском языке (по «Материалам для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского) были известны следующие названия: *зогзица* — кукушка. «Ворони грают, зогзицы кокуют» (Слово о Задонщине). *Зегзица* — кукушка. «Ярославнин глас слышит зегзицею незнаем, рано кычет: полечю, рече, зегзицею по Дунаеве» (Слово о полку Игореве). Академик А. С. Орлов, известный исследователь древнерусского языка и литературы, указывал, что в средневековых текстах *зегзица* есть только в «Слове о полку Игореве» и, очевидно, из «Слова» же заимствовано *зогзица* в «Задонщину», где оно понято как *кукушка*. Существует гипотеза, что в «Слове» название *зегзица* могло обозначать ласточку. У А. Н. Майкова (Полное собрание сочинений, т. IV, СПб., 1914) читаем: «Многие из Вологодской губернии удостоверили меня, что зегзицею там называют черных ласточек, стрижей». Наконец, в «Причитаниях Северного края», собранных г. Барсовым, есть место:

И настанет весна красная,
Разольются быстры реченьки,
Налетят да птички ластушки
Серы — малыя загозочки.

А в современных воронежских говорах бытует *зегзица* в значении «иволга». Однако в основной своей массе перечисленные названия употребляются в русских диалектах XIX—XX веков в значении «кукушка» и распространены на Северо-западе Европейской части СССР.

С иным суффиксальным оформлением корень *zegz-* выступает в словах, собранных на территории Псковской и Смоленской областей на границе с Белоруссией: *зэзюля*, *зэзюля*, *зезюля*, *зезюля*,

зоу́ля, зуу́ля, зюю́ля, зезю́лик. Суффикс *-уля-* встречаем и в древнерусских наименованиях: *зогзуля* — «зогзуля в чюжа гнезда яйца своя мечет» (Мерило Праведное XIV века). *Зегуля* — «есть убо ина птица, нарицаема зегула, есть убо птица та злонравна сущи, егда убо народит яйца, ти инех птиц (в гнезда) яйца своя износит из гнезда, сама же своему гнезду не хранитель есть, но иным птицам отроды своя преметает» (Палея XIV века). Сравните белорусское — *затуля, зезуля, зозуля, зязюля, зязюлька, зязюленька*, украинское — *зозуля, зозуленька, зезуля*. Все эти слова обозначают *кукушку*.

Интересен вопрос о значении наименований типа *зозуля*. Этимология праславянского *zegz-* остается невыясненной. Однако слово *зозуля* в украинском языке и в пограничных русских говорах имеет производные со значением «пестрый», например, украинское *зозулястый* — «пестрый, рябой». Возможно, что это связано с расцветкой оперения кукушки или с расцветкой яиц.

Ряд диалектных названий отражает чередование *ж-з* в корне: *жегозу́ля, жегобшка* (Петрозав., Пудожск.), *жогбшка* (Олон.), которые также восходят к древнерусскому языку. В древнерусском — *жегозуля* (Сильвестра и Антония вопросы и ответы XVI века).

В других славянских языках также известны слова с корнем *zegz-*: польское *gżegżoika*, чешское *žežhule*, словацкое *žežculica* — все в значении «кукушка».

Среди ученых-лингвистов нет единого мнения о распространении наименований с этим корнем в славянских языках, в том числе и русском. Одни считают все наименования равноправными производными от праславянского *žegъza* (М. Фасмер); другие предполагают, что первоначально слово *žegz(ica, ula)* было ограничено областью западно-славянских языков и на восток двигалось как заимствованное (Л. А. Булаховский). Позднее С. И. Котков, анализируя обнаруженные им в документах XVII века фамилии Зогзюлина и Зекзюлина, приходит к выводу, что мнение о заимствовании слова *зегзица* с запада вряд ли обосновано (С. И. Котков. Еще одно древнерусское свидетельство о зегзице. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 10, 1956).

Все эти предположения не выходят за рамки гипотез. Как указывает Ф. П. Филин (Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972), «...древняя письменность содержит очень скудные данные об этих названиях, что лишает нас возможности реконструировать диалектные зоны их распространения».

Кроме рассмотренных двух групп с корнями *кик-* и *zegz-*, в русских говорах бытуют отдельные наименования более позднего происхождения. В них отражены различные качества, присущие

кукушке. Наименования по внешнему признаку (характерной окраске оперения): *рябúха*, *рябúша* (Терск.), *рябúшечка* (Калуж.). Хотя эти названия и отражают объективные признаки, они не являются специфическими для обозначения *cuculus canoris*. Пестрых, рябых птиц много, а поскольку птицам часто дают имена по цвету оперения, то *рябухой*, *рябушечкой* в различных русских говорах оказались названными не только кукушка, но и пестрая домашняя курица, самка тетерева, рябчика. Обычно такое название — не единственное в говоре, существуют и параллельные. Сравните: *рябушка* — *кукушечка* (Терск.). Название, отмечающее одно из самых специфических качеств кукушки — *бездомовница* бытует в Псковской области (наряду с уже указанными *кикушка*, *загоска*, *зезуля* и т. д.).

В названии могут быть отражены качества, не свойственные птице, а приписываемые ей. Так, кукушку иногда называют *вещуньей* (Смол., Тобол.) (Сравните диалектные названия филина — *вещун*, *вóрона* — *вещун*, *сороки* — *вещунья*, *вёщица*). С ней народ связывает множество различных примет и поверий. Древнейшее из них — поверие о кукушке, предвещающей смерть. Оно было распространено у древних славян, балтийцев, германцев. Затем на протяжении веков возникло множество иных примет, связанных с кукушкой. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отмечены некоторые из них: Кукушка кукует, горе вещует; При первой кукушке брякни деньгами, чтоб водились; Сколько раз кого кукушка натошак окукует, столько лет жить; Кукушка летает по деревне — к пожару; Ранняя кукушка, до опушки леса — к голоду; Ранняя кукушка (прежде листа на дереве) — ворама неудача; Кукушка кукует на сухом дереве — к морозу; Кукушка закуковала — пора сеять лен...

Но у В. И. Даля *кукушка* везде носит свое литературное имя, очевидно, хорошо известное во всех говорах наряду с диалектными наименованиями.

Таким образом, в русских народных говорах наиболее известны те названия кукушки, которые происходят от древнеславянских корней *кик-* и *zegz-*. Слова более позднего происхождения *рябуха*, *вещунья* и другие очень малочисленны, встречаются на небольших территориях и обычно употребляются параллельно с другими диалектными наименованиями.

Г. М. ЛЕВИНА
Рисунок В. Толстоногова

ЗАГАДОЧНАЯ КУПАВА

«В годы прежние, времена первоначальные, при бывшем вольном царе при Иване Васильевиче, когда холост был государь царь Иван Васильевич..., берет он царь-государь не у себя в каменной Москве, а берет он в той Золотой Орде у того Темрюка-царя Марью Темрюковну, сестру Матрюкову, купаву Крымскую, царьцу благоверную». Так рассказывает о женитьбе Ивана Грозного одна из былин старинного рукописного сборника, известного под названием «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым» (М.—Л., 1958). О той же крымской купаве, заморской красавице, которая стала женой грозного царя Ивана, поется в песне, записанной в Вологодской губернии и опубликованной в известном песенном собрании П. Киреевского (М., 1911—1929):

Собиралася купавушка,
Собиралася не русская.

Купавой назвал А. Н. Островский одну из героинь своей весенней сказки «Снегурочка» — красавицу-девушку, покинутую Мизгирем, гордую и страстную избранницу любимого Солнцем пастуха Леля.

...Есть слова, похожие на осколки древней амфоры, по которым ученому-археологу нередко удается разгадать целый ряд исторических загадок. Но случается и другое: оборвалась цепочка

где-то в глубине веков, и как ни бейся, не соединить уже в одно целое разрозненные звенья, потому что не хватает исследователю какого-то необходимого звена. А загадочное, нерешенное, еще больше будоражит ум, заставляет интенсивнее работать воображение. Где они, эти недостающие звенья? И кто знает, сколько еще поколений ученых будут биться над очередной загадкой истории?

Нечто подобное случилось и со словом *купава*, которое еще в XIX веке бытовало в Тверской и Псковской губерниях, где *купавой* называли горделивую женщину, красавицу с гордой осанкой и пошлостью, а также женщину нарядную, одетую пышно и красиво. В Тверской губернии горделивую или нарядную женщину именовали еще *купавной*.

Купава, по-видимому, очень древнее слово. Между тем, И. И. Срезневский в своих богатейших «Материалах для Словаря древнерусского языка» (СПб., 1893—1912) его не приводит. До сих пор остается загадочной и его этимология. Заметим, что выдающийся ученый-языковед А. А. Потебня связывал русское *купав*, *купавый* с болгарским (и сербским) *хубав* «красивый». В современном болгарском языке есть целый ряд слов с этим корнем: *хубаво* «красиво», *хубавица* «красавица», *хубавец* «красавец», *хубост* «красота», а также глагол *хубавей* «хорошеть». Возможно, эта догадка А. А. Потебни не лишена оснований: ведь в белорусском языке существует прилагательное *хупавы* «ловкий, притягательный». То же прилагательное *хупавый* известно и русским диалектам (Пск., Смол.), где оно имеет значения «ловкий, проворный» и «добрый, хороший». В фольклоре русского Севера встречается наречие *хупаво* «хорошо, красиво»: «Царица красно снарядилася, хупаво» (Рыбников).

И все-таки заманчивое предположение А. А. Потебни (с точки зрения семантики, болгарское и русское слово действительно кажутся «родственными»), поскольку выражают одно и то же понятие) пока остается лишь гипотезой, так как требует специальных фонетических пояснений.

Народная русская поэзия, особенно былины, знает целый ряд слов, обозначающих красавицу: *купава*, *упава*, *запава* (былинная Запава или Забава Путятишна), наконец, *пава*.

Три павы купавы.
Первая павушка,
Первая купава
В ясном золоте...

Так поется в песне, записанной В. Добровольским в Орловской губернии.

А в Вологодской губернии, на Урале, в Красноярском крае красивую, пригожую женщину называли *красавой*. Это слово

(сравните общенародное *красавица*) так широко распространено в русских говорах, что даже «Словарь русского литературного языка» в 17-и томах включил его в свой состав (правда, сопроводив пометой «областное»).

В былинах нередко встречается и прилагательное *купавый* «красивый, пригожий», употребляемое обычно в краткой форме: *купава*. В XIX веке в Иркутской губернии о белолицем (а потому, очевидно, «пригожем») молодце говорили: «Купав молодец». «На беседе-то сидел купав молодец, молодой Соловей, сын Будимирович», — говорится в былинке из сборника Кирши Данилова. Это прилагательное мы найдем в записях А. Ф. Гильфердинга, у П. Н. Рыбникова, П. Киреевского и даже в сборнике «Онежские былины» издания 1948 года.

Так, в «Онежских былинах» Гильфердинга читаем:

Да еде молодцов а боле тысящи,
Да среди-то силы ездит купав молодец.

А в записях Рыбникова, сделанных в Каргопольском уезде Олонецкой губернии, найдем такие строки:

Ездил-гулял купав молодец,
Премладой Чурила Пленкович.

Купавым называет сказитель русского Дон-Жуана, щеголявшего по Киеву под заморским зонтиком, того самого Чурилу Пленковича, в доме которого девушки окошко продавали, лишь бы увидеть молодого красавца и щеголя.

Заметим, что в украинском языке существует прилагательное *купавий*, имеющее то же значение, что и русское *купавый* «красивый, пригожий». «На нашей на вулице все купали молодці», — поется в одной украинской песне. Параллельно со старинным словом *купавый* в Тверской и Псковской губерниях было известно другое прилагательное, обозначавшее красивого, здорового, видного собой человека, образованное по тому же типу, что и *купавый*, от общенародного корня: *красавый* (точно так же, как сосуществуют в русском языке существительные *купава* и *красава*).

В сборнике «Онежские былины» (1948) приводится еще одно прилагательное с тем же значением: *упав*. Как северное, новгородское слово представлено оно в историческом романе Д. Аверкиева «Вечу не быть» (СПб., 1898), где *упавым* назван, например, библейский Иосиф Прекрасный.

Обратимся теперь к другим значениям слова *купава* и однокоренных с ним слов. Название *купава*, *купавка* очень широко распространено в русской народной ботанической номенклатуре для обозначения различных цветущих растений. Например, во Влади-

мирской губернии *купавкой* называли цветок с пушистым венчиком, а в Сибири — бутон нераспустившегося цветка, особенно белого (например, бутон дикой белой ромашки). О белолицей женщине в Сибири говорили: «Бела, как купавка» (напомним, что в Иркутской губернии белолицего молодца называли *купавым*). Интересно, что в наши дни белую полевую ромашку в Брянской области зовут *пунáвкой*.

Очень часто *купавой*, *купавкой* называют в народе различные водяные или болотные растения, а также те, которые растут по сырым болотистым местам. Так, жители Тверской губернии называли купавкой желтую кубышку *Nuphar luteum* Smith, которую крестьяне Нижегородской губернии знали под названием *пуговка*, а в некоторых местах той же Тверской губернии — под именем *желтой купавки*. В Нижегородской губернии *купавка* — это кувшинка *Nymphaea* L. Кстати, это название встречается и в художественной литературе: «Окаяшки (всякая лесная нечисть) кто в землю, кто в воду, под желтые купавки уйдут» (Л. Леонов. Бурьга).

Известный русский ботаник Н. Анненков указывает, что народное наименование *купавка* известно также применительно к каспийскому лотосу *Nelumbium caspicum* Fisch.

В Томской губернии болотное растение *Caltha palustris* L. из семейства лютиковых (калужница болотная) называли *купавником*. А в Саратовской губернии бытовало название *купавка*, которым обозначали растение *Trollius eugoraicus* L. из того же семейства (купальница европейская). Подчеркнем, что саратовская *купавка* растет на сырых болотистых местах (откуда происходит и систематическое название этого растения: *купальница*). В других местностях *купальницу* называют еще *купáленькой*, а также *пунáвкой* (Тобол.). Любящий тенистые сырые места лютик *Ranunculus polianthemum* был известен в Пермской губернии под названием *купавка*. Кстати, на Украине другая разновидность того же растения *Ranunculus arvensis* L. тоже называется *купавкой*.

Легко заметить, что народные названия *купава*, *купавка* довольно тесно связаны с болотными и водяными растениями. Они нередко называются в народе *купальником*, *купальницей*, *купалушником* и т. д.

Но есть и другая группа растений, носящих те же названия. Почти все они принадлежат к семейству сложноцветных и обладают одной общей особенностью: у них пушистые многолепестковые цветы с закрытой сердцевинкой, лепестки которых как бы собраны вместе, «вкупе». Например, растение *Crepis sibiricus* L., скерда сибирская, с желтыми, как у осота, цветами, носит во Владимирской губернии название *купава*. В Петроградской губернии

в начале нашего века бытовало название *купавка*, которое обозначало всем известный цветок иван-да-марья. Интересно, что растение с подобным строением цветка в народе нередко называют *купалой*, *купалкой*, *купалушником*, хотя растут они обычно по лугам и степям и к воде, к болотистым местам не имеют решительно никакого отношения. Так, в западных губерниях России *купалой* или *купалкой* называли сорное растение *Erigeron acris* L., мелколепестник едкий, которое, по свидетельству Н. Анненкова, «играло важную роль в колдовстве и знахарстве». Под названием *купалка* знали в Воронежской губернии один из видов — блошницу обыкновенную *Inula pulicaria*, а в Екатеринбургской губернии — полевой короставник, *Scabiosa arvensis* L., который нередко неправильно называют полевой астрой. Полевой короставник в народной медицине использовался как лекарственное средство при отеке легких и от чесотки, а цветы употреблялись для изготовления краски. Крестьяне Курской губернии именовали *белой купалкой* нивяник обыкновенный *Leucanthemum vulgare* Lam. И еще одно растение было известно в народе под именем *купавки*: в Новгородской губернии так называли синий полевой колокольчик.

Следует отметить, что растения с многолепестковыми закрытыми цветками нередко называлось *пупавками*, *павками* и т. п. Например, в наше время под названием *пупávка* известен клоповник обыкновенный *Lepidium ruderale* L. Пупавками называлось также растение *Chrysanthemum Leucanthemum*, полесник (Калуж., 1916). В Олонецкой губернии *пávками* называли одуванчики. Это, пожалуй, особенно интересно, поскольку на Украине одуванчик известен под именем *купавы*. Вместе с тем, некоторые болотные или любящие тенистые места растения в народе называют *красавкой*: таковы, например, растение *Parnassia palustris* L., белоцветка болотная (Твер.) и всем известная незабудка (КАССР, Медвежьегорский район).

Итак, было ли перенесено название *купава* с красивого, горделивого человека на изящные водяные лилии с их нежными горделивыми головками, на прекрасные каспийские лотосы и желтые болотные кувшинки? Или, наоборот, красавицу-женщину, похожую на горделивый цветок, белолицую, как полевая ромашка, стали называть по имени цветка — *купавой*? Ответить на эти вопросы пока трудно. Но при исследовании происхождения этого древнего слова, несомненно, следует учитывать связи, которые возникают между народными названиями некоторых растений: *купава*, *купавка*, *пупава*, *пупавка*, *красавка* и *павка*.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

Ленинград

Рисунок В. Комарова

ТАРКИЧ

В «Опыте областного великорусского словаря», изданном под редакцией академика А. Х. Востокова в Санкт-Петербурге в 1852 году, есть слово *таркич* «головной платок на Дону». Впоследствии В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» (т. IV, М., 1866) усомнился в слове: «*Таркич?* дон. головной платок». Однако позже В. А. Миртов в «Донском словаре», изданном в Ростове-на-Дону в 1929 году, снял вопрос, ибо в 30-е годы XIX века нашел название *таркич* в рукописях беллетристического характера писателя В. М. Пудавова (изданы в 1895 году, в Новочеркасске, под названием «Рассказы и письма из донского казачьего быта»). В самом тексте *таркич* упомянут весьма бегло, зато примечание к слову в конце страницы подробное и точное: «Так называли (по-старинному) на Дону платок, употребляемый женщинами и девицами для повязки головы». Это замечание и цитирует в своем словаре А. В. Миртов. В старину наименование *таркич*, очевидно, было настолько широко известно, что от него образовалась казачья фамилия *Таркичев*, известная по донским документам с 1752 года (Л. М. Щетинин. Русские имена. Ростов-на-Дону, 1972).

Откуда же пришло в язык донских казаков слово *таркич*? Кажется наиболее вероятным, что оно заимствовано, но из какого языка — сказать теперь трудно. С одной стороны, заимствование

устное, о происшедших в нем звуковых и прочих изменениях можно лишь догадываться — они нигде не зафиксированы, с другой — заимствование это узко местное и его предполагаемый первоначальный облик нельзя восстановить при помощи сопоставления форм слова в различных диалектах. Иначе говоря, *таркыч* — название с оборванными историческими и современными связями.

И тем не менее, не успело это слово появиться в словаре 1852 года, как ему уже было дано объяснение: крупнейшие русские ученые составили этимологический комментарий к «Опыту областного великорусского словаря» («Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики» под редакцией академика И. И. Срезневского, СПб., 1854, т. I), и, в частности, известный русский востоковед И. Н. Березин произвел слово *таркыч* от «татарского» (то есть тюркского) глагольного корня *тарт-* «тянуть, обвязывать». Данную этимологию повторяет и замечательный ученый-славист Ф. Миклошич (*Die türkische Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprache*, Вена, 1884, т. II), который использовал материал И. Н. Березина. Оба автора указывают на тюркскую основу термина *таркыч*. Но русское слово могло произойти от иноязычного корня лишь в конечном счете: заимствуются слова, а не их части, и именно заимствованное непосредственно в русский язык тюркское слово, с корнем *тарт-* есть пропущенное в приведенной этимологии логическое звено. Тюркский «прообраз» русского термина *таркыч* должен соответствовать следующим условиям: быть сходным по звуковому облику с русским словом и иметь то же или хотя бы близкое значение. Поэтому не напрасно М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» считает, что существующая этимология слова *таркыч* «не может удовлетворить».

Соглашаясь с ним, известный современный востоковед К. Менгес (в журнале *Zeitschrift für slavischen Philologie*, 1973, № 1) приводит найденные им в турецких диалектах названия «платочных» или чалмообразных головных уборов с корнем *тарт-*: *тарты* (из **тартыг*), *тартымак*, *тартатак*, *тартынджак*, *тартынды*, *тартма*, *тартумджак*. К сожалению, все эти слова имеют иную суффиксацию, чем предполагаемый источник русского слова, и поэтому полезны нам лишь в той мере, в какой они подтверждают способность глагола *тарт-* образовывать названия платков и полотнищ.

Словообразовательная модель типа *тарт-кыч* (где *-кыч*, *-кыс*, *-кыш* и другие — старый непродуктивный или малопродуктивный суффикс отглагольного образования существительных), очень распространена в тюркских языках. К. Менгес приводит средневековое чагатайское *таркыч* «смычок», из современных языков — киргизское *таркыч* «стелька у обуви» (южное), *жаа таркыч* «стре-

лок из лука» (тот, кто натягивает лук — *жаа*); *жан тарткыч* «сторонник» (*жан* — сторона); башкирское *тарткыс* — (диалектное) «помочи», также «вешалка для платья». К этому можно добавить каракалпакское *тарткыш* «палка, которой приводят в движение («тянут») жернова мельницы»; татарское *кофе тарткыч* «кофейная мельница» (сравните с каракалпакским; название части в принципе легко могло стать названием целого). Однако, все эти названия при совпадении формы слишком далеки от русского слова по смыслу.

В еще большей мере — и по звучанию, и по значению — разнятся с русским термином *таркич* восходящие к той же тюркской словообразовательной модели тувинское *тырткыш* «крючок» (двери) и чувашское *турткӑс* «совок для сыпучих тел, инструмент для проведения желобков на доске» и (диалектное) «пенал», также упомянутые Менгесом.

Только в одном случае соблюдены оба требования к «пробранию» русского слова *таркич*: в современном ногайском (ногайский — один из тюркских языков Северного Кавказа) *тарткыш* «платок» (в общем значении), *бас тарткыш* «головной платок» (в книге Н. А. Баскакова «Ногайский язык и его диалекты». М.—Л., 1940).

Семантическая сторона дела вполне ясна: видимо, ногайцы чаще говорили просто *тарткыш* вместо *бас тарткыш*; точно так же мы, русские, говорим *платок*, имея в виду головной платок. И предполагаемое заимствование ногайского слова в русский язык произошло с суженным значением.

Некоторая сложность заключается в звуковой стороне вопроса, несмотря на поразительное внешнее сходство ногайского и русского слов. Отсутствие второго *-т-* в русском слове по сравнению с ногайским можно объяснить выпадением его, так как русскому языку было чуждо скопление трех согласных, из которых к тому же два последних — взрывные (тарткич!). Аналогичный процесс упрощения: выпадение *-т-* в немецком *Jahmarkt* при заимствовании его в русское *ярмарка*.

Несовпадение конечных звуков (русское *-ч-* и ногайское *-ш-*) легко объясняется тем, что старое *-ч-* в ногайском повсеместно перешло в *-ш-*. Причем подобный переход затронул также сравнительно новое заимствование в ногайском языке: русское слово *казначей* (по происхождению, кстати, тюркское) приобрело в ногайском языке форму *казнашай*.

Следовательно, русское слово *таркич* мы должны будем соотнести с тем предком ногайского *тарткыш*, в котором еще не успел отразиться закон перехода *-ч-* в *-ш-*. Впрочем, существование формы с *-ч-* бесспорно, ибо одновременно с переходом исконного

-ч- в -ш- произошло превращение исконного -ш- в -с-, в результате чего в современном ногайском языке, кроме новейших заимствований, любое -ш- восходит к -ч-, не смешиваясь с другими звуками.

Вероятность ногайского посредства при заимствовании русского тюркизма *таркич* подтверждается историей ногайских кочевий. Как известно, ногайцы в конце XIV века выделились из Золотой Орды и распались на Большую и Малую ногайские орды. Кочуя по обширной территории между Нижним Поволжьем и Азовским морем, ногайцы неоднократно сталкивались с донскими казаками. Естественно, заимствования из ногайского языка в русский не единичны. Можно упомянуть слово *бахмат* «порода лошади» (устарелое) и *буланый* «светлая масть коня» (из языка буджакских ногайцев). Подробнее о них рассказано в статье Г. Ф. Одинцова «Два ногайских заимствования в русском языке» в книге «Этимология 1971» (М., 1973). Таким образом, слово *таркич* становится в один ряд с другими заимствованиями из ногайского языка, что еще раз подтверждает наше предположение об источнике этого русского слова.

Г. А. МУДРАЯ

Рисунок В. Толстоногова

Слова с корнем ВОЛН-

Жизнь слова в известной мере индивидуальна. Иногда удается наблюдать, как то или иное слово выходит из речевого оборота. Такова судьба некоторых слов с корнем *волн-*, употреблявшихся в переносном значении и имевших в языке социальное осмысление. Слово *волнованцы*, например, встречается в русских рукописных газетах начала XVII века, так называемых курантах, в форме множественного числа: «Из Французской землѣ вѣсти есть что король французской ныне въ Фонтинеблав приѣхалъ и в Бергоне некоторые крѣпости разорять и ровнять велѣлъ и графа Морета непрямого своего брата да дву арцухов и иных именитых господен волнованцами велѣлъ выкликать, потому что они то здѣлали что арцух

Орбонской да королевской брат укрылися а будет король брата своего и ардуха Орбонского в месяц не простит или будут они не объявятца и у тѣхъ преж именованных господей всѣ животы на короля отпишут» (1631) (Вести-Куранты. 1600—1639 годы. М., 1972); «А в Аглинской землѣ соемные люди и ратные люди того хотят чтоб всѣхъ ирлянскихъ волнованцов перевѣшать да сверхъ того в Лундене измѣна» (1646).

В курантах представлены и другие образования с тем же корнем: *волновать*, *волноваться*, *взволноваться*, *заволноваться*, *волнованье*, *взволнованье*, *волнованство*.

Волнованцы восходит к древности (корень *волн-* «кипеть, волноваться»). В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: *вълновати-вълновати*, *вълную* — боупѣ ма вълноуютъ грѣховнаи (Миней Путятина. XI век); *вълнениѣ* — *вълнѣнниѣ* — *вълнениѣ* — *волнениѣ*. В Словарях Академии российской 1806 и 1847 годов, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля и Картоотеке древнерусского словаря слово *волнованцы* не зафиксировано, несмотря на наличие в них других слов с данным корнем. В курантах отражены колебания в употреблении соответствующей лексики.

В одном из сообщений 1620 года говорится: «...цисарское величество писма печатати и прибивати велѣл что то ни во что ставити и не слушати б того что они нового короля избрали а чеховъ иметь за измѣнников». В этом отрывке слова *иметь за изменников* написаны над зачеркнутым *за волнованих имети*. А в вестях 1638 года — «свейской полковник граф Годиц которои для прежнево своево волнованства из марграфства Меренскова и с ыными которые с ним были вышли» — после слова *прежнево* зачеркнуто *смуть*.

В первом случае писец-переводчик (куранты, как известно, составлялись и из переводных материалов), по-видимому, не был удовлетворен выбором слова для обозначения лиц по глаголу *волновать* — *волнованные*: «И учинилося здѣсе волнованье противъ нашего мирново владѣнья; а учинилося въ тѣ поры, какъ онъ былъ здесь; і онъ былъ на готово противъ тѣхъ волнованныхъ» (1602) (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией) и предпочел для данного контекста слово *изменники*. Последнее, очевидно, более точно передавало смысл переводимого текста: «И цисарь васъ велить волновалниками и измѣнниками написати» (1624) (Памятники дипломатических сношений с Римскою империею).

Во втором примере, напротив, производное от древнего глагола *мѣтити*, *мучу* 'смущать, тревожить': «Подобие бо видѣниꙗ жењьскааго начьнѣтъ мѣтити срце члкоу и отътрѣзати оума отъ безмлъвѣа». (Пандект Антиоха. XI век) — *смота* было заменено словом *волнованство*.

Замены слов, с одной стороны, *изменников* на *волнованных*, с другой — *волнованство* на *смота* позволяют говорить о близости их лексических значений. Вместе с тем, сопоставление показывает промежуточное положение слов с корнем *волн-* в семантическом ряду *изменить* — *волновать* — *смутить*. Учитывая показания материалов книги «Вести-Куранты» и Картоотеки древнерусского словаря, представим все это в схеме.

Глагол	Существительное со значением отвлеченного действия	Существительное со значением лица, причастие в значении существительного
Изменить волновать	измена волнење волнованье	изменники волновальники
зволноваться заволноваться смутить	зволнованье волнованство смота смущенье	волнованные волнованцы

Семантика существительных, обозначающих лицо, позволяла установить некоторое сходство значений по линии 'изменчивый, склонный к переменам, непостоянный, колеблющийся', сравните у Срезневского: «Измѣнныи — они [ангелы] соуть измѣнни и извратни» (Поучения Кирилла Иерусалимского. XII век); *измѣна* — 'замена'; 'смѣна'. Однако в XVII веке *изменить* и производные от него образования использовались также в значении 'перейти на сторону противника, предать': «Сего дни наши пришли от города от Папы не здѣлав ничего. для того что изменили многие французена передалися турчаном и басурманилис(ь)... и после того Г-х (Г — буквенное обозначение цифры 3) французов измѣнников поимали а они в турском платье и побригы» (Вести-Куранты). Значение глагола *изменить* отчетливо раскрывается здесь параллельно используемым «передалися турчаном» — «перешли на сторону турчан, предались». В таком употреблении *изменники* не только не

противоречило данному контексту, но, напротив, уточняло его (сравните разницу значений рассматриваемых слов в сочетании — «волновальниками и измѣнниками написать»).

Волнованство вместо старинного слова *смута* (у Срезневского: *съмутъ* — ‘смущение’: «Аще обрАщещи мужа дхва і разумн а то безъ смута исповѣжьсА ему» (Паисиевский сборник) свидетельствует о некоторой активности слов с корнем *волн-* в первой половине XVII века. В Толковом словаре В. Даля *волнить* — *волновать* определяется через синоним *мутить*. Кроме того, даются объяснения: «возмущать, смущать, приводить в беспокойство, тревожить... Волнованье... волнение народа... Волнователь, -ница, волнующий что, особ. в знач. переносн. Волновщик м., -щица, ж. то же, особ. возмутитель народа».

Сфера распространения всех этих слов ограничивается главным образом текстами, в которых рассказывается о событиях, связанных с охватом большого числа людей, например: «Горніе люди волнуются» (1552) (Львовская летопись); «Многъ волнованія въ Свеіской земле» (1570) (Памятники дипломатических сношений России со Швецией); «И у тѣхъ де воинскихъ людей нынѣ великое роптаніе и волнованіе» (1617) (Памятники дипломатических сношений с Римской империей) и другие.

Характерно, что в «Грамотках XVII — начала XVIII века» (М., 1969), отражающих народно-разговорную речь, эти слова не встретились. Здесь соответствующие понятия (с оттенком начальности) выражаются словами *завод* — *заводчик*, например: «Будет государь впрямь от черемиси какой завод и челобитье будет па нас и ты государь пожалуй подаи нам во всем руку помощі... которых завотчиков черемису прикажи к себѣ призвать и о том имѣ поговорить чтоб они на нас напрасно не посягнули». *Заводеу*, *заводчик* в значении «зачинщик» находим и в «Вестях-Курантах».

Слова *волнения* и *смута* являются синонимами в современном русском языке. *Измена* получило свое особое значение.

Отмеченные синонимические замены связаны с урегулированием семантических соотношений в пределах разбираемой группы слов.

Субстантивированное причастие XVII века, обозначающее лиц, — *волнованные* является фактом использования слова в речи, в языке оно остается причастием со всеми присущими ему формальными признаками. В значении существительного оно не закрепилось. Напротив, язык фиксирует образование существительных со значением лица от основ глагола и страдательного причастия: *волнованцы, волновальники*. Суффиксы *-ец, -(ль)ник*, посредством которых образовались эти существительные, уже в XVII веке были непродуктивными. К этому времени в русской словообразовательной системе утвердилась модель с суффиксом *-тель*, кроме того, издавна существовала модель с суффиксом *-щик*: *волнователь* (Словарь Академии Российской. 1789), *волновательница* (Словарь Академии Российской. 1847), по показаниям Словаря В. Даля — *волнователь, -ница; волновицки, -щица*. Что касается существительных со значением отвлеченного действия, имеющих в своем составе элемент *-ова-* — *волнованье, взволнованье, волнованство*, то и эти образования также относятся к разряду «непродуктивных в эпоху старорусского языка» (Суффиксальное образование существительных в восточнославянских языках XV—XVII веков. М., 1974). Таким образом, словообразовательные варианты исследуемой группы слов в языке оказались не поддержанными. Из-за неустойчивости положения их в языке создавалась благоприятная перспектива для синонимических замен. Действительно, в XIX веке зарегистрированы новые слова *бастовать, забастовать, забастовка, забастовщик* (*баста* 'довольно, будет', как и немецкое *basta* из итальянского, испанского *basta* от глагола *bastare* 'быть достаточным' — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка М., 1964). В современном русском языке сохранились только *волнение*, употребляемое обычно во множественном числе — *волнения*, а также *волновать, волноваться*. В толковых словарях последних лет глаголы *волновать, волноваться* сопровождаются пометой «устарелое».

Н. И. ТАРАБАСОВА

БУЛГАРСКИЕ СЛЕДЫ НА КАРТЕ

Язык живших в Южнорусских степях тюркоязычных булгаров был очень близок к чувашскому языку и по праву считается предком современного чувашского языка. Ушедшая в VII веке в район Подунавья часть булгаров основала там свое государство — так называемую Дунайскую Болгарию. Но через некоторое время эти булгары утратили свой болгарский тюркский язык, усвоили славянскую речь, но сохранили название *българ* (из более древнего * *булгар*-), которое в таком виде у них осталось и сейчас (сравните: *български език* 'болгарский язык'), по-русски этих ославянившихся древних булгаров принято называть *болгарами*. Для тюркоязычных предков и родственников последних принято употреблять более древний облик этого же слова — *булгары*. Итак, *булгары* — тюрки, говорившие на языке, близком к чувашскому, а *болгары* — это славяне и ославянившиеся потомки булгаров, которые живут в основном в Болгарии.

Другая часть булгаров — так называемые *черные булгары* (*черные болгары*) — обосновалась в Приазовье и на Кубани. Впоследствии и они утратили свой прежний язык, растворились среди соседних народов. Возможно, какая-то часть кубанских булгаров дала начало балкарскому народу, о чем можно судить по сходству названий, но древнего болгарского языка не сохранили и балкарцы: их язык очень мало напоминает древний болгарский язык.

Сохранила старые основы своего языка лишь третья часть болгарского народа, ушедшая на север в район Волго-Камья и давшая начало чувашскому народу. Впрочем, и здесь некоторая часть булгаров, сменив язык, растворилась среди соседних народов Среднего Поволжья, войдя в состав казанских татар и других

соседних народов. Язык современного чувашского народа лишь в своей основе является болгарским. За многовековую жизнь в Среднем Поволжье он впитал большое количество элементов, заимствованных из языков соседних народов, особенно велико в нем число заимствований из русского языка.

О болгарских элементах в разных тюркских языках говорил уже В. Н. Татищев в 1749 году в замечаниях на труд П. И. Рычкова по истории татар («Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно») в связи с характеристикой чагатайского языка: «Астраханские и бухары ученые сказывают, яко бы чегодайский язык есть старейший и полнейший во всех татарских языках, а прочие все болгарским испорчены, и оного все прилежат научиться» (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950).

Память о булгарах в Северном Причерноморье была жива еще в начале XIV века, когда на основании более старых источников сириец Абу-л-Фида писал свою „Географию“. Описывая северные страны, Абу-л-Фида отмечает, что причерноморские города *Акчакермен* (Аккерман – Белгород-Днестровский) и *Сарыкермен* (современный Севастополь) находятся в области булгаров и тюрков.

В географических названиях Южнорусских степей (Северного Причерноморья) до сих пор сохраняются следы пребывания здесь древних булгаров. Например, название залива Сиваш в Азовском море, по мнению Н. И. Ашмарина, представляет собою всего лишь видоизменение самоназвания чувашей – *Чуваши* (как он до сих пор и называется у крымских татар) с изменением *ч* в очень мягкое *ç*^в (чувашаи обозначают его *ç*) и утратой огубления у звука *у*. Булгарско-чувашская языковая черта (переход *н* в *м* в конце корня) выделяется в речном названии *Чертомлык*, в котором содержится очень распространенный в тюркских языках суффикс *-лык*. Буквально *Чертомлык* значит «Щучья (река)». Сравните также *Кагамлык* < **Каганлык*. Возможно, что такой же переход *-н* > *-м* отражен и в названиях украинских рек *Кодыма*, *Кодима*, до какой-то степени созвучных с сибирским гидронимом *Катунь* (См. об этом О. Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины. М., 1968, а также Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974).

Интересна история наименований крымского города *Судак*, которые неоднократно привлекали к себе внимание и специалистов и любителей.

Читатель „Русской речи“ Михаил Пестуненко из города Магнитогорска Челябинской области обратил внимание на заметку

писателя Бориса Тимофеева о происхождении географического названия *Судак* в первом издании книги этого автора „Правильно ли мы говорим?“ (Л., 1960, 1961, стр. 134): „По-тюркски этот город назывался „Судаг“ от слова (?) „су“ (вода) и „даг“ (гора), то есть „горная вода“. Это название он получил от горного ключа, находящегося на территории его крепости. (Обстоятельство весьма существенное и для осаждаемых и для осаждавших).

Когда Крым стал частью Российской империи, город так и назывался „Судаг“. Прошло некоторое время, и какому-то царскому чиновнику, вероятно, показалось, что в названии города имеется орфографическая ошибка: он велел писарям исправить *г* на *к*, — и с тех пор до настоящего времени существует город Судак“.

Борис Тимофеев прав только в начале своей заметки, когда, обсуждая вопрос „об одном маленьком географическом курьезе“, решительно возражает против связи названия города с названием рыбы *судака*, но процитированное здесь объяснение ошибочно и фактическим материалом не подтверждается. С Борисом Тимофеевым спорить трудно, ибо он не указывает на источники, которыми воспользовался при работе над заметкой о географическом названии *Судак*. Приведенные далее сведения не согласуются с высказываниями Бориса Тимофеева, так как форма *Судак* с конечным *к* была известна задолго до вхождения Крыма в состав Российской империи, например, у арабского путешественника XIV века Ибн Баттуты. Следовательно, предположение о царском чиновнике XVIII века — блюстителе орфографии — ошибочно. Кроме того, тюркское словосочетание *су* „вода“ + *даг* „гора“ по законам тюркской грамматики должно обозначать не „горную воду“, как предполагал Борис Тимофеев, а какую-то импрессионистскую невразумительную „водяную гору“, которая не может быть применена к роднику, даже горному.

Вероятно, самому Борису Николаевичу Тимофееву-Еропкину приходилось слышать подобные возражения, потому что во втором издании книги, переработанном и дополненном (Л., 1963), заметка о названии города *Судака* была опущена.

Древнерусское название этого города было *Сурожь*. Оно происходит из того же самого *Судак* — *Судак*, но своим звучанием оно говорит о болгарском посредстве в передаче этого названия на Русь. Подробно болгарско-чувашское происхождение древнерусского географического названия *Сурожь* раскрывается в работе тюрколога Карла Менгеса о восточных элементах в «Слове о полку Игореве».

Сочетание *-гд-* (Судак) или позднее *-д-* между гласными (*Судак*, *Судаг*) изменялись в древнем болгарском языке в *-р-*. Напри-

мер, так же древнетюркское название ноги *адак* в древнебулгарском языке звучало **араг*, откуда современное чувашское *ура* „нога“. Последний согласный русского названия *Сурожь* возник в результате чередования *з* — *ж* на русской почве, сравним *дрогнуть* — *дрожь* [*ж* из смягченного *з*, которое потом еще на кыпчакской тюркской почве в слове *Судак* или *Сугдак* (более старая форма) оглушилось в *к*]. Следовательно, старинное русское название крымского города Судак *Сурожь* отражает булгарское произношение названия города, который был известен грекам в формах $\Sigma\upsilon\upsilon\delta\alpha\iota\alpha$ и потом $\Sigma\upsilon\upsilon\delta\iota\alpha$ (в старославянском языке в житии изобретателя славянской азбуки Константина — Кирилла это название упомянуто в византийском греческом облике *Соугьди*). В латинских и итальянских документах город именуется *Soldaia* или *Soldachia* в арабском географическом сочинении Идриси (XII век) *Шолтагийя*, а у знаменитого арабского путешественника XIV века Ибн Баттуты с опиской *Сурдѣк*, вместо *Сѹдѣк*.

Предполагают, что это название скифо-аланское, связанное с названием старинной страны *Согд* или *Согдиана* в Средней Азии, выходцы из которой-де основали этот город в 212 году до новой эры. Аланы действительно жили в Крыму и упоминаются здесь еще в XIV—XV веках. Также высказывалось предположение, что значение названия связано не со страной, а с аланским прилагательным, значившим «священный», которое сохранилось в современном осетинском языке (*сыгъдсэг* «чистый, святой»). В любом случае это имя связывается со следами иранцев в Северном Причерноморье. По имени этого города древние русы называли Азовское море *Сурожьским*. Купцы — сурожане привозили на Русь различные дорогие ткани, которые именовались *сурожьскими товарами* и продавались в специальном *сурожском ряду*. Именно так называет этот торговый ряд в начале XVII века купец Федот Котов. Впоследствии прилагательное, образованное от географического названия, изменилось в *суровский* (или чаще *суровской*), а его первоначальное значение было забыто. *Суровским товаром* стали именовать шелковые, бумажные и легкие шерстяные ткани, независимо от их происхождения, а место их продажи называлось *суровской* или *сурожский ряд*. Купцы, продававшие в розницу суровской товар, стали именоваться не только *сурожанами*, но и просто *сурогами* (*сурбага* в именительном падеже единственного числа). При этом следует заметить, что происхождение и первоначальное значение этих слов было основательно забыто уже к середине прошлого столетия, так что В. И. Даль вынужден был в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» специально напомнить об этом (т. IV, стр. 363), указав, что с прилагательным *суровый*

названия *суровской товар* и *суровской ряд* не имеют ничего общего.

Былинный герой Чурила по происхождению — сын *сурожанина*, *суроженина*. В былинах также известны купцы *суровцы* — *суздальцы*, где сочетание двух существительных, производных от географических названий, несомненно говорит о том, что первоначальный смысл одного из них прочно забыт, что существительное *суровцы* получило совсем другое значение.

Однако было бы весьма опростительно все населенные пункты, схожие по своему названию с крымским *Сурожем* — *Судаком*, связывать, как и крымский город, с согдийцами и булгарами. В Витебской области Белоруссии есть поселок *Сўраж*, а в Брянской области Российской Федерации — город *Сураж*. Историческими сведениями о пребывании здесь согдийцев и булгар мы не располагаем, поэтому предполагать их влияние мы не можем.

Происхождение этих названий когда-то объяснил великий русский языковед академик А. А. Шахматов, который считал, что брянский *Сураж* и витебский *Сўраж* возникли в результате простого переноса названий, когда славянское население Южнорусских степей в X—XI веках отступало под натиском печенегов и половцев и в новые места поселений перенесло привычные для себя названия. Правда, иногда против этого объяснения высказывались возражения (В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966).

Обычно формы географических названий *Сўрожь*, *Сўраж*, *Сураж* рассматривались без учета того факта, что у них разное место ударения, а причину разноместности ударения не объясняли (А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М. 1966).

А между тем, согласно разысканиям О. Н. Трубачева, географическое название *Сураж* в Брянской области имеет совсем другое происхождение: оно объясняется «как производное с йотовым суффиксом принадлежности от мужского личного имени **Saradъ*, которое достоверно реконструируется в чешском языке — **Surad* (J. Svoboda. *Staročeská osobníjména a naše příjmení*. Praha, 1964), но не сохранилось в русском (русские источники собственного имени **Сурадъ* не знают)» (см. журнал «Мовознавство», 1971, № 6, стр. 16). Точка зрения О. Н. Трубачева находит подтверждение в том факте, что брянский *Сураж* до конца XVIII века, когда он получил права города, был деревней, именованной *Суражичи* с так называемым патронимическим суффиксом *-ичи*, очень характерным для этой территории (об этом суффиксе смотри: В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965).

Булгарский переход гласного *a* в *y* в начальном слоге слова

отражен в русском названии города *Тъмуторокань* (см. «Русская речь», 1973, № 5). Интересно, что подобный процесс изменения в начальном слоге слова *a>y>ъ* с дальнейшим исчезновением звука *ъ* имел место также в названиях рек *Днепр*, *Днестр*, которые в греческих источниках именуются *Δάναπρις*, *Δάναστρις*, а в древнерусских *Дънѣпръ*, *Дънѣстръ*.

Как видим, тюркоязычные булгары, жившие когда-то в степях Северного Причерноморья, уже давно исчезли, но их следы сохранились в фонетическом своеобразии географических названий.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ХРОНИКА

Обсуждение Словаря трудностей

16 мая 1975 года состоялось расширенное заседание Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, посвященное обсуждению словаря-справочника «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (ниже «Словарь трудностей»). Словарь подготовлен группой сотрудников Словарного сектора Института языкознания АН СССР (Ленинград). В заседании приняли участие представители различных лингвистических институтов страны, филологических факультетов, университетов, работники издательства.

Открывая заседание, председатель Ученого совета член-корр. АН СССР А. В. Десницкая отметила большой интерес широкой общественности страны к Словарю.

Во вступительном слове редактор Словаря К. С. Горбачевич рассказал о специфике работы над созданием нормативных словарей, отметил, что основная сложность деятельности «нормализаторов», в роли которых так или иначе выступают составители словаря, состоит в преодолении противоречия между динамическим характером языковой нормы и общественным мнением, часто не совпадающим с реальной речевой практикой.

Заведующий сектором культуры речи Института русского языка АН СССР Л. И. Скворцов (Москва) подчеркнул, что опыт «Словаря трудностей» дает возможность судить о будущем словаре-тезаурусе ошибок, необходимость в котором несомненна. Достоинством Словаря является удачно выбранная словарная форма подачи материала, само построение словарной статьи, полнота грамматической характеристики, четкость ее и лаконичность. Но иногда такая лаконичность приводит к малой стилистической информативности и недостаточному объяснению некоторых сложных грамматических соотношений.

Словарь-справочник дает представление о движении нормы. Особенно хорошо динамика нормы представлена там, где использована формула «в литературе XIX в.». Желательно было бы последовательно провести этот прием. Движение нормы особенно ощутимо в колебаниях и изменении ударений, поэтому правильно, что многие ударения признаются в этом Словаре допустимыми.

По мнению Л. И. Скворцова, в Словарь не должны включаться варианты, лежащие за пределами литературного языка, кроме тех, которые служат средством эмоциональной и стилистической характеристики речи.

Кандидат филологических наук Л. К. Граудина (Москва) отметила, что обсуждаемый Словарь выгодно отличается от своих достаточно многочисленных предшественников, каждый из которых, однако, не повторяет другой. «Словарь трудностей» — это энциклопедия различного рода неправильностей. Словарь включает три типа вариантов норм: 1) акцентологические и произносительные, 2) грамматические, 3) варианты словоупотребления. Однако не все из них показаны достаточно полно. Это, вероятно, объясняется небольшим объемом Словаря. Несмотря на некоторые излишне строгие рекомендации, позицию составителей можно охарактеризовать как антипуристическую и в целом приемлемую.

Профессор ЛГУ В. В. Колесов говорил о своеобразии жанра этой работы. «Словарь трудностей» не замыкает серию нормативных словарей, а открывает возможности для создания новых на его основе. Небольшая группа составите-

лей хорошо подготовила карточки, разработала тему теоретически и привнесла в нее академический аспект. По мнению В. В. Колесова, почти всем рекомендациям можно верить. В Словаре показана динамичность нормы, вариантность языка. Однако отдельные словарные статьи можно было бы сгруппировать и дать более компактно. В Словаре мало рекомендаций, касающихся словоупотребления. В пределах одной нормативно-стилистической системы рекомендации даются на текстах разных стилей: некоторые акцентологические характеристики основаны на поэтических текстах — высокий стиль, другие характеристики (в том числе и акцентологические) — на прозаических, иногда на разговорных текстах.

Старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР В. Я. Дерягин (Москва) обратил внимание на общественную и филологическую значимость Словаря. Однако его значение будет увеличиваться лишь тогда, когда он станет периодическим изданием. В такого рода изданиях, в название которого можно вводить соответствующий год выхода его в свет, отразилось бы не только изменение языковой нормы, но и точек зрения нормализаторов. В. Я. Дерягин отметил необходимость новой пометы «устаревающее», введенной в Словарь, но выразил сожаление, что снята помета «областное». Употребление разнообразных помет лучше объясняет читателям современные нормы языка.

Научный сотрудник сектора учебной лексикографии Института русского языка имени А. С. Пушкина И. Д. Успенская говорила о том, каким

большим подспорьем в их работе является «Словарь трудностей». Этот словарь стал настольной книгой для составителей Словаря сочетаемости, который готовится сектором учебной лексикографии. И. Д. Успенская высказала пожелание, продиктованное особой заинтересованностью сектора учебной лексикографии: видеть словарь с расширенной информацией для иностранцев; обилие же стилистических помет затрудняет пользование им.

Студентка филологического факультета ЛГУ Г. Плаксина поблагодарила составителей за создание очень нужной, рассчитанной на широкий круг читателей, книги. Ее изучением в течение всего учебного года занимался семинар по культуре речи.

Профессор ЛГУ В. Ф. Иванова, присоединившись ко всем положительным отзывам выступавших товарищей, отметила, что словарей такого типа мало. Этот словарь «обслуживает передний край лексикографического фронта». К нему обращаются широкие круги читателей всех профессий. Исходя из этого, при отборе терминологии для нормативного словаря и ее нормализации необходим тесный контакт с работниками других специальностей. Особенно это касается ударений в медицинских терминах, которых так много в Словаре. По ее мнению, категорические запреты в такого рода словарях не должны иметь места.

Доктор филологических наук А. М. Бабкин (Ленинград) остановился лишь на

одном вопросе, которого так или иначе касались все выступающие, — об источниках Словаря и оправдательных цитатах. По мнению А. М. Бабкина, любой словарь, если его составители занимают твердую позицию, сам становится авторитетным, и потому ссылаться на словоупотребление или ударение, встречающееся в произведениях того или иного писателя или поэта, не следует. Тем более, что весьма трудно найти таких литераторов, язык которых был бы безупречен. Да и специфика нормативных словарей заключается в ориентировании на «усредненную» норму. А. М. Бабкин высказался за сокращение, а не увеличение словника. Нельзя делать словарь, сказал он, панацеей от всех бед. Некоторые устойчивые варианты типа *искус — искѹс, кѹрка — киркѹ* вообще не следует нормализовать. Жесткие запрещения в таких случаях нежелательны.

В заключительном слове К. С. Горбачевич остановился на вопросах динамичности нормы, отношения между пуризмом и антипуризмом, поддержал предложение В. Я. Дерягина о периодичности издания, поблагодарил выступавших за ценные советы, которые будут непременно учтены в дальнейшей работе.

В заключение А. В. Десницкая выразила уверенность, что обсуждение принесет пользу редакторам и авторам Словаря в их дальнейшей работе.

А. М. НЕВЖИНСКАЯ,
Ф. Д. ПЕРЕВОЗЧИКОВА,
Н. В. СОЛОВЬЕВ

ГЛАГОЛ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Самой сложной и самой емкой грамматической категорией русского языка назвал глагол академик В. В. Виноградов.

Глагольное слово обладает богатством и разнообразием значений и грамматических форм. Кроме того, глагол играет большую роль в построении различных типов предложений, является носителем тех значений, которые превращают словосочетание в предложение (указывает на лицо, производящее действие, на время действия, на отношение содержания высказывания к действительности).

Новая программа по русскому языку (по сравнению с прежней) несколько расширяет круг сведений о грамматических категориях глагола в курсе школьной грамматики.

Характеристика глагола, как и любой другой части речи, складывается из трех частей: что обозначает часть речи, как она изменяется, какова ее роль в предложении. Глагол обозначает действие предмета, отвечает на вопрос: что делать? что сделать?, а в предложении чаще всего выполняет функцию сказуемого, хотя часто выступает и в роли других членов предложения. Однако следует помнить, что глагол способен представлять и другие процессы в виде действия: состояние (спать, болеть), проявление и изменение признака (болеть, синеть, расти, сесть), отношение к кому-нибудь или чему-нибудь (уважать, ненавидеть). Именно категория действия отличает глагол от других частей речи.

Но всякое ли слово, обозначающее действие, является глаголом? Другие части речи (например, существительное) тоже называют действие, состояние и другие процессы, но иначе: называя действие, они не указывают на то, кем, когда и в каком отношении к действительности оно совершается. Глагол же соотносит действие с каким-либо лицом или предметом, указывая на время действия, обладает видовыми оттенками, полной силой управления. Все это позволяет добиться максимальной точности при обозначении действия. Одним из важнейших свойств русского глагола является его способность «рассказывать» слушателю или читателю, как совершается процесс действия, о котором идет речь. Это обусловлено, в частности, богатством, разнообразием и своеобразием его грамматических категорий и форм.

Начать повторение грамматических форм глагола целесообразно с неопределенной формы (инфинитива). Неопределенная форма — это начальная, неизменяемая форма глагола, которая называет только действие. Неопределенная форма оканчивается на *ть, ти, чь*. В школьном учебнике для четвертого класса не поясняется, какой частью слова являются *ть, ти, чь*. В научной литературе *ти* и *ть* квалифицируются как суффиксы неопределенной формы глагола.

Особое внимание следует уделить повторению видов глагола.

Как известно, почти все глаголы в русском языке относятся либо к совершенному, либо к несовершенному виду. В основу видовых различий могут быть положены следующие признаки: глаголы несовершенного вида обозначают длительное, нерезультативное действие; глаголы совершенного — действие результативное (результат которого налицо) и недлительное (мы не видим процесса действия): написал — писал; решил — решал. Глаголы несовершенного вида отвечают на вопрос *что делать?*, глаголы совершенного вида — *что сделать?*

Большинство глаголов русского языка образуют видовые пары, в которые входят глаголы, имеющие одинаковое лексическое значение, но различающиеся формой вида:

делать — сделать, опаздывать — опоздать, сжигать — сжечь, насыпать — насыпать, брать — взять.

Анализируя приведенные примеры, выясните, чем могут отличаться друг от друга глаголы, входящие в состав одной видовой пары (наличие приставок, разные суффиксы, чередующиеся гласные и согласные в корне слова, место ударения, разные основы).

С категорией вида очень тесно связана категория времени. Любое временное значение формируется на фоне видového значения. Сравните: «Я долго *решал* (несовершенный вид) задачу»; «Я *решил* (совершенный вид) задачу».

Оба глагола стоят в форме прошедшего времени, но в разных видových формах. Это приводит к тому, что между ними возникают смысловые различия. Глаголы прошедшего времени совершенного вида (решил, написал, купил) служат для обозначения такого действия, которое совершилось в прошлом, но результат его мыслится и в настоящем. Глаголы прошедшего времени несовершенного вида обозначают действие, целиком происходившее в прошлом, так как у них отсутствует значение результата действия.

Эта тесная, органическая связь категории вида с категорией времени проявляется и в том, что глаголы несовершенного вида имеют три формы времени (настоящее, прошедшее и будущее сложное), а глаголы совершенного вида — две формы времени (прошедшее и будущее простое). Чем объяснить это несоответствие? В. В. Виноградов объяснял это тем, что значение предела, результата, свойственное формам совершенного вида, противоречит представлению о настоящем времени. Глаголы настоящего времени, обозначающие действие, которое протекает в момент речи, не могут употребляться в форме совершенного вида, с помощью которой мы обозначаем результативное, недлительное действие.

✱

Непонимание взаимосвязи категорий вида и времени приводит к тому, что учащиеся нередко смешивают вид и время: глаголы несовершенного вида прошедшего времени относят к совершенному виду (действие совершилось в прошлом), глаголы совершенного вида будущего времени часто ошибочно относят к несовершенному виду, осо-

бенно, когда они употребляются в одном ряду с глаголами настоящего времени несовершенного вида.

При повторении сведений о временных формах глагола нужно помнить, что время выражает отношение действия к моменту речи. При характеристике временных форм глагола должны быть освещены следующие вопросы: какое действие по отношению к моменту речи обозначают глаголы в настоящем, прошедшем и будущем времени; как образуются глаголы прошедшего и будущего времени; как изменяются глаголы в различных временных формах; каковы особенности употребления в речи той или иной временной формы.

В качестве примера приведем образец рассказа о форме настоящего времени. Основное значение этой формы — обозначение действия, которое протекает в момент речи, поэтому глаголы настоящего времени употребляются только в форме несовершенного вида. Глаголы в настоящем времени изменяются по лицам и числам. Однако значение формы настоящего времени этим не ограничивается. Сравните: «Земля *вращается* вокруг Солнца»; «Я вижу из окна своей комнаты, как *вращается* карусель в парке».

Оба выделенных глагола стоят в форме настоящего времени. Но значение их различно. В первом предложении глагол *вращается* обозначает постоянное действие, которое совершается всегда, при любых условиях. Во втором предложении глагол *вращается* передает значение действия, ограниченного моментом речи. Таким образом, форма настоящего времени может служить для обозначения таких постоянных действий, с помощью которых мы можем рассказать о свойствах и качествах различных предметов и явлений. Именно поэтому она так употребительна в языке научной и учебной литературы.

Рассказывая о временных формах глагола, следует помнить о возможности употребления одних временных форм в значении других (переносное употребление времен). В частности, в школе изучаются случаи употребления глаголов настоящего и будущего времени на месте глаголов прошедшего времени для оживления повествования, чтобы рассказ о прошлых событиях воспринимал-

ся так, будто все происходит в момент рассказа о них.

Например: «*Сижу* я как-то за своим столом и думаю. Вдруг *подъезжает* ко мне на велосипеде Никита...» (Чарушин. Никита и его друзья).

Могут ли другие формы глагола употребляться в переносном значении? Попробуйте ответить на этот вопрос, проанализировав следующие примеры: «Завтра *еду* в Ленинград»; «Скоро каникулы *начинаются*»; «Надо бежать — иначе я *пропал*»; «Так я тебе и *поверил!*»; «Ну, я *пошел*».

При повторении спряжения глаголов следует уделить особое внимание правописанию безударных личных окончаний глагола.

На наш взгляд, целесообразно сочетать повторение сведений о личных формах глагола с повторением типов простого предложения с одним главным членом сказуемым, так как в определенно-личных, обобщенно-личных, неопределенно-личных и безличных предложениях проявляются многие из важнейших особенностей русского глагола: способность форм 1-го и 2-го лица относить действие к говорящему или его собеседнику; способность форм 2-го лица единственного числа передавать обобщенный характер действия: «что посеешь, то и пожнешь»; способность форм 3-го лица множественного числа обозначать действие без указания на то, кто его производит, передавая неопределенное значение, а также полностью устранять действующее лицо в безличных предложениях.

Безличные предложения конструируют безличные глаголы, которые обозначают действие, происходящее само по себе, без реально действующего лица или предмета.

Однако многие личные глаголы могут употребляться как безличные. Соотносительные предложения с такими глаголами образуют синонимичные конструкции и различаются смысловыми оттенками. Сравните: Цветы пахнут. — Пахнет цветами. В безличном предложении ярче подчеркивается характер действия. Кроме того, в безличных предложениях типа «Мне хочется»; «Мне не спится» действие представляется таким образом, как будто оно совершается помимо воли говорящего (сравните: я хочу, я не сплю).

При разборе безличных предложений нужно помнить, что в них нет и не может быть подлежащего.

В школьном курсе русского языка дается понятие об изъявительном, повелительном и условном наклонениях. Наклонение выражает отношение действия к действительности, то есть указывает, на самом ли деле совершается, совершалось или будет совершаться действие или оно только возможно и желательно. При систематизации материала о наклонении постарайтесь ответить на следующие вопросы: Что обозначают глаголы в условном, повелительном и изъявительном наклонениях? Как изменяются глаголы в том или ином наклонении? Как образуются формы условного и повелительного наклонения? Обратите внимание и на то, что формы наклонения тоже могут употребляться в переносном значении: «Не *растрать* я все деньги, я купил бы фотоаппарат».

Как видно, в данном примере форма повелительного наклонения употребляется в значении условного наклонения: «Если бы я не *растратил* все деньги, то купил бы фотоаппарат».

Значения различных наклонений можно передать и другими формами глагола. Подумайте, какие формы глагола использованы для выражения значения повелительного наклонения в следующих примерах: Не шумите! Не шуметь! Выпили бы чайку. Посиди-ка со мной.

В связи с повторением материала о переходных и непереходных глаголах полезно повторить сведения об управлении и о нормах управления при глаголах различных типов: при глаголах с отвлеченным значением (предпочитать, сопутствовать, соприкасаться, сотрудничать), при глаголах с отрицанием (получить письмо — не получать письма), при глаголах и однокоренных отглагольных существительных (верить чему? во что? — вера во что?).

При подготовке к экзаменам нужно повторить материал о словообразовании глаголов. Все существующие в русском языке способы словообразования можно разделить на морфологические и неморфологические. Глаголы образуются при помощи суффиксов (преимущественно от имен существительных и прилагательных): обед — обедать; слесарь — слесарничать; синий — синеть; при помощи приставок: бежать — сбежать — перебежать; при по-

моши суффиксов и приставок одновременно: кричать — покрикивать; вред — обезвредить.

Предлагаем ряд вопросов и заданий, которые помогут при подготовке к экзаменам проверить, насколько глубоко и прочно усвоены сведения о глаголе.

Всякое ли слово, обозначающее действие, является глаголом? В чем отличие глагола как части речи от именных частей речи? Почему глаголы совершенного вида имеют две формы времени, а глаголы несовершенного вида — три формы. Можно ли однозначно понять смысл данных предложений, если они употреблены вне контекста? Почему? Докажите.

Мой друг играет на аккордеоне. Она танцует. Ты много куришь.

Почему в пределах одного предложения в рассказе о прошлых событиях употребляются глаголы в разных временных формах? Допустимо ли это? Почему? Докажите.

Минут десять отстреливались мы, потом обернулся и вижу: товарищ член Военного совета на спине лежит подле машины, руку с пистолетом к груди прижал, а кровь из горла хлещет (Ю. Бондарев. Горячий снег).

Проанализируйте данные предложения. Чем выражено сказуемое? Может ли быть подлежащее при таком сказуемом? Почему?

Приятно взять в руки холодноватый гриб. Не слышать, не видеть ни одной птицы.

Н. А. ИПОЛИТОВА

Р. А. Будагов. «ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЯЗЫК»

В 1974 году в издательстве Московского государственного университета вышла в свет новая книга известного советского языковеда, члена-корреспондента АН СССР Р. А. Будагова «Человек и его язык».

Книга эта объединяет работы исследователя не только по общим проблемам лингвистической теории, но и по более частным вопросам литературного языка, лексикологии и лексикографии, стилистики и культуры речи.

Книга посвящена языку, его роли в человеческом обществе. Сами названия глав и разделов говорят о ее содержании: «О предмете языкознания», «Как относятся люди к литературному языку», «Социолингвистика и грамматика», «Закон многозначности слова», «Ф. Энгельс и языкознание», «В. И. Ленин о научном стиле языка» и многие другие.

Эти главы имеют внутреннее единство, объединяясь общей научной концепцией. В чем же существо этой концепции? Прежде всего в том, что язык — это важнейшее общественное явление. Мы

пользуемся им всегда и всюду: в процессе труда и отдыха, в своих размышлениях и переживаниях. Язык по своей природе всецело человечесен, и только с этих позиций могут быть по-настоящему поняты и осмыслены его общественные функции. Основное назначение любого естественного языка — быть средством общения людей, орудием их взаимопонимания. Именно поэтому категория значения является, по мнению автора, одной из центральных категорий лингвистики. Специфика этой категории — на богатом и разностороннем языковом материале — рассматривается и выявляется в книге «Человек и его язык».

Книга Р. А. Будагова современна и актуальна в самом буквальном и подлинном смысле этого слова. Автор ее решительно вступает в острые лингвистические споры наших дней, настойчиво отстаивает марксистский диалектический метод в языкознании. При этом полемичность и острота изложения нигде не вступают в противоречие с высокой научностью. Научно-технический прогресс и судьбы лингвистической теории, проблемы методологии исследования, характер точности гуманитарных наук и знаний, социальная природа языка и контуры языкознания как гуманитарной науки — во всех этих разных и трудных вопросах ав-

тор отстаивает свою точку зрения, предлагает новые пути решения.

Р. А. Будагов подчеркивает двустороннюю направленность «действенной» функции языка: язык активен и сам по себе (ибо в нем развиваются и закрепляются знания, опыт человека), но одновременно и люди не безразличны к языку, на котором они говорят.

Внимание читателей, несомненно, привлечет глава, которая называется «Три книги о культуре речи». В ней говорится о научно-популярных книгах писателей: «Правильно ли мы говорим?» Б. Н. Тимофеева, «Живой как жизнь» К. И. Чуковского и «Судьбы родного слова» А. К. Югова.

Автор говорит о достоинствах и недостатках (а порой и о прямых ошибках) этих разных по своему характеру и назначению книг и вместе с тем приветствует попытки наших писателей рассказать широкому кругу читателей о том, что такое культура речи и почему она имеет большое гражданское значение. Полемику с авторами названных книг Р. А. Будагов ведет тактично и ненавязчиво; он помогает читателю как бы самому вскрыть и увидеть некоторые теоретические ошибки и неточности, вытекающие из субъективных, сугубо индивидуальных взглядов на язык.

Связь культуры языка с общей культурой человека, борьба с безликими штампами и

языковой серостью, ненужными иноязычными заимствованиями, использование внутренних возможностей и богатств родного языка — вот лишь часть тех актуальных вопросов, которые одинаково волнуют и писателей и ученых, — всех, кому дорог русский язык. Без любви к родному языку вообще нельзя говорить о культуре речи. Но вместе с тем необходимо и другое: глубоко продуманная теория, научные знания о языке. Об этом еще раз напоминает нам книга «Человек и его язык».

Книга профессора Р. А. Будагова, хотя и обращена в целом к специалистам, написана просто и доступно. Ее с интересом и большой пользой для себя прочтет каждый, кто к ней обратится.

Материал книги убедительно показывает, что в век научно-технической революции гуманитарная наука и языкознание как часть филологии не только не устаревают, но, напротив, как бы переживают новое рождение. В 1859 году, в письме к Лассалю, Фридрих Энгельс назвал филологию «колоссально обширной наукой». Она по справедливости остается колоссально обширной наукой и в наши дни, представляя неисчерпаемый материал все новым и новым поколениям исследователей.

Л. И. СКВОРЦОВ

«РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Популярность русского языка во всем мире очень велика и продолжает неуклонно расти. В связи с этим перед советскими языковедами и методистами стоят чрезвычайно сложные и ответственные задачи. Надо так организовать процесс обучения русскому языку в нерусской аудитории, чтобы учащийся, кроме знания собственно языка и навыков пользования им, получал широкую и всестороннюю информацию об основах русской культуры, искусства и литературы, знакомился с особенностями быта, природой, географией и историей России.

Книга «Русский язык в современном мире» (М., 1974) предназначена в первую очередь для преподавателей русского языка иностранцам, она расширяет объем фактических знаний о русском языке. В ней описывается современный русский литературный язык в самых разнообразных аспектах: здесь освещается и положение его в системе других языков мира, и проблемы функционирования современного русского языка (его

структура, связь с другими языками), и наконец, — вопросы научного описания русского языка в методических целях.

Эта книга — совместная работа сотрудников двух ведущих советских научно-исследовательских коллективов: Института русского языка АН СССР и Института русского языка имени А. С. Пушкина. В написании отдельных глав принимали участие сотрудники Института языкознания АН СССР.

Книга состоит из трех частей, последняя часть «Современный русский язык как объект описания в учебных целях и предмет преподавания» адресована в основном специалистам (лингвистам и методистам), а две первые представляют более общий интерес, поэтому мы остановимся подробнее на содержании именно первых двух частей книги.

Первая часть, озаглавленная «Русский язык в его распространении и влиянии на другие языки», содержит исторический очерк о становлении русского языка как европейского и мирового с древнерусского периода до XIX века. Русский язык с древнейших времен использовался для международного общения, например, в договорах Руси с греками (начало X века). Особенно плодотворными были торгово-экономические связи

древней Руси в период XI—XIII веков. Именно в этот период западноевропейские языки заимствуют ряд русских слов.

Создание Московского государства оказало огромное влияние на развитие литературно-письменного русского языка. Развивается и совершенствуется деловой язык, на котором написаны своды законов, грамоты, деловые документы. В очерке много внимания уделяется истории взаимоотношений русского языка с церковнославянским. Различные стили демонстрируются удачно подобранными примерами из разнообразных памятников письменности.

В главе 2-ой «Мировое значение русского языка и его положение среди других мировых языков» подробно рассматривается понятие мирового языка. Функции международного языка в интернациональном общении могут закрепляться и юридически (например, провозглашение Организацией Объединенных Наций пяти официальных рабочих языков — английского, французского, русского, испанского и китайского).

Русский литературный язык за свое многовековое развитие накопил значительное разнообразие и гибкость средств выражения — такова существенная внутриязыковая предпосылка превращения русского языка в мировой.

Среди социальных факторов этого процесса надо в первую очередь отметить Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции.

Значительный интерес представляет материал, характеризующий роль русского языка в содружестве социалистических наций СССР. Здесь приводятся исторические сведения об изменении роли русского языка в национальных республиках за 50 лет существования Советской власти, а также содержатся фактические данные о современном положении русского языка в различных союзных республиках. В главе подробно рассказывается о том, какие исторические и социальные обстоятельства выдвинули русский язык на роль языка международного общения в СССР.

Вторая, центральная часть книги — «Функционирование современного русского языка» — посвящена описанию его норм и стилистической системы.

В первой главе «О структуре современного русского литературного языка» показано соотношение литературного языка с различными другими разновидностями национального языка — местными диалектами (говорами), просторечием, разговорной речью, производственной и научной терминологией, жаргонами. Изучение процессов взаимодействия

этих разновидностей национального языка четко выявляет значение литературной нормы. При этом на первый план выступают такие замечательные свойства русского литературного языка, как его многофункциональность и гибкость, основывающаяся на многообразии и вариантности стилистических средств.

Во второй главе, названной «Историческая динамика нормы», на материале истории русского языка рассматриваются процессы формирования современной нормы. В древнерусской и старорусской письменности постоянная связь некоторых языковых средств с текстами строго определенного назначения (например, богослужебными или деловыми) придает таким средствам постоянную стилистическую окраску. Эта окраска становится потом свойством самого средства (слова) и проявляется в контекстах иного типа. Дальнейшее историческое развитие нормы может привести к потере языковыми средствами традиционной стилистической прикрепленности.

В главе третьей «Нормы современного русского литературного языка» дается описание структуры русской литературной нормы, разветвленность которой (обилие синонимических средств и вариантов) ведет, с одной стороны, к специализации дублетов, а с другой — напротив — к конку-

рентности языковых средств, к замене одних средств другими. Такая динамика современной нормы поддержана тремя типами противопоставлений внутри литературного языка: правильное — неправильное, книжное — разговорное, старое — новое. Эти противопоставления стимулируют изменения нормы, но они же сохраняют стабильность структуры норм (эластичную «крепость»). И если «новое» в случае жизненной актуальности может сравнительно легко входить в нормативный арсенал языковых средств (см. § 5 о терминах космической эпохи), то соотношение «книжное-разговорное» оказывается весьма сложным и различным в разные периоды развития языка.

Глава четвертая «Функционирование современного русского языка» посвящена описанию основных функциональных стилей русского литературного языка. Уточняется понимание стиля, характеризуются современные функциональные стили: научно-технический, деловой и стиль художественной литературы. Для каждого стиля выделяются основные, наиболее существенные признаки и устанавливаются характерные точки соприкосновения между ними.

Таким образом, читатель книги «Русский язык в современном мире» найдет в ней интересные сведения о международной и межнациональной

функциях современного русского языка, познакомится со структурой его норм и стилистической организацией. Весьма ценным качеством книги является последовательный историзм в подходе к сложнейшим явлениям структуры языка. Работа изобилует множеством интересных фактов, она насыщена разнообразными примерами, выписками, образцами текстов, цитатами. Сложный материал изложен вполне доступно, и при этом вся книга написана на высоком современном научном уровне. Можно утверждать, что эта книга станет необходимой каждому преподавателю русского языка как иностранного и привлечет внимание широкого круга читателей, интересующихся русским языком.

М. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

С. И. Ожегов.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. КУЛЬТУРА РЕЧИ

(М., «Высшая школа», 1974)

Имя Сергея Ивановича Ожегова неразрывно связано с советской лексикографией, с ее развитием, с ее основными достижениями.

С. И. Ожегов стоял у исто-

ков советской лексикографии, будучи одним из основных авторов знаменитого «Толкового словаря русского языка», изданного в 30-х годах под редакцией Д. Н. Ушакова.

С. И. Ожегов участник всех более или менее значительных начинаний и трудов, предпринятых Академией наук в области создания и издания словарей и филологических справочников. Он был членом редколлегии 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», удостоенного Ленинской премии, редактировал словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение», был одним из редакторов «Орфографического словаря русского языка». Под руководством С. И. Ожегова создавался первый словарь-справочник по культуре речи («Правильность русской речи», составители Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов, под редакцией С. И. Ожегова. М., «Наука», 1962, 2-е издание, 1965).

Наконец, С. И. Ожегов является автором однотомного «Словаря русского языка», 1-е издание которого вышло в свет в 1949 году. С тех пор Словарь Ожегова выдержал десять изданий.

Условия однотомного толкового словаря предъявили его составителю повышенные требования к словарной статье, которая должна была стать наиболее емкой по структуре

и наиболее информативной по содержанию. Весьма жесткими были и рамки словника. Необходимо было отобрать действительно наиболее актуальные и наиболее активные в книжных стилях и разговорной речи лексические единицы, чтобы дать более или менее полное представление о словарном составе современного русского языка, о той сфере литературных норм, которые регламентируют современное словоупотребление.

Несомненными достоинствами Словаря Ожегова представляются разумная гибкость словника, оперативное видоизменяющегося от издания к изданию в соответствии с изменениями в словарном составе современного литературного языка, и подвижность принципа динамической нормы, который реализуется в корректировке от издания к изданию словарных статей и стилистических помет. Своевременная авторитетная фиксация таких изменений имеет громадное значение для нормализаторской деятельности, для укрепления литературных норм, утверждения прогрессивных тенденций языкового развития и поднятия речевой культуры широких масс.

Выпущенная в свет издательством «Высшая школа» книга избранных работ виднейшего советского лексикографа профессора С. И. Ожегова дает читателю представ-

ление о скрытой от «потребителя лексикографической продукции» части труда словарника.

Труд составителя словаря можно сравнить с айсбергом. На поверхности видна лишь незначительная часть гигантской горы. «За кадром» остается тонкий и скрупулезный лингвистический анализ слова. Нередко приходится учитывать и этимологию лексической единицы, эволюцию ее смысловой стороны и стилистического «облика», чтобы исторически достоверно представить сложившееся соотношение между отдельными, конкретными употреблениями многозначного слова, границы его сочетаемости, характер его отношения с синонимами, антонимами, омонимами, паронимами. Важно также установить и широкие смысловые связи конкретного слова с другими его «собратьями».

Наглядной иллюстрацией соотношения того материала, который публикуется в Словаре, и не вошедшего в словарную статью, может служить сопоставление сведений о словах *боевитость* и *испещрить* в «Словаре русского языка» и в этюдах С. И. Ожегова, посвященных данным словам.

«Боеви́тый, -ая, -ое; йт. Активный, решительно действующий, бойкий...//сущ. *боевитость*, -и, ж». Существительному *боевитость* С. И. Ожегов посвятил статью «Слово, кото-

рому не повезло в словарях».

«Испещрѣть, -рѣю, -рѣшь, -рѣнный (-ѣн, -ѣнѧ); сов., что. Усеять, покрыть чем-н. (мелкими пятнами, надписями и т. п.) //несов. Испещрѣть, ѣю, -ѣешь». В специальной статье «Есть ли глагол „испещрѣть“ в современном русском языке?» С. И. Ожегов обосновывает право на существование этого слова и, следовательно, на включение в толковый словарь современного русского языка.

Исследование С. И. Ожеговым тенденций развития русского языка, прежде всего его лексического состава в советскую эпоху (см. вошедшие в книгу: «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху», «Из истории слов социалистического общества», «О формах существования современного русского национального языка»), убеждает, что «Словарь русского языка» строился на глубоко продуманной, четкой концепции исторического развития русского литературного языка XIX—XX веков.

Несомненно, что при формировании словника однотомного словаря важнейшим ориентиром для С. И. Ожегова была его точка зрения на хронологические границы современного русского языка.

Также чрезвычайно важным для лексикографической и нормализаторской практики представляется тезис С. И. Ожегова о возникновении новой, обиходной формы русского национального языка.

Книга С. И. Ожегова имеет, разумеется, и самостоятельное научное значение. Ценность ее не только в том, что собраны вместе работы одного из ведущих советских лингвистов в области русистики, но и в том, что мы знакомимся с концепцией исторического развития русского литературного языка советской эпохи, основные положения которой актуальны и для современных исследований. Но особенно существенны идеи и положения, сформулированные и разрабатываемые С. И. Ожеговым в работах, посвященных литературной норме и культуре речи. Значительный интерес представляют труды С. И. Ожегова по вопросам лексикографии.

Кроме того, любители русского языка найдут поучительные этюды по истории слов и выражений, материалы по истории русского литературного языка XVII—XIX веков, редким знатоком которой был С. И. Ожегов.

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

● БАМ

БАМ (Байкало-Амурская магистраль) — новое слово, получившее активное распространение в нашей речи совсем недавно, с весны 1974 года, когда печать начала широко публиковать сообщения о новой крупнейшей стройке — сооружении Байкало-Амурской железной дороги. Благодаря той общественной значимости, которую обрела сама стройка, новое слово получает сразу очень высокую частотность употребления. О БАМе рассказывается в газетных сообщениях и информациях, по радио и телевидению, журналы публикуют очерки и рассказы, стихи и песни: «Даже детям знакомо сейчас это слово — БАМ, в самом звучании которого есть что-то набатное. О магистрали сейчас много говорят и пишут» («Красная звезда», 27 октября 1974); «Вряд ли сейчас необходимо расшифровывать это короткое, но такое емкое слово — БАМ» («Радио», 1974, № 12).

Убедительным свидетельством вхождения новых слов в норму является их словообразовательная активность. Слово БАМ породило новые образования: «Необычна для многих из нас *бамовская осень*» («Комсомольская правда», 6 ноября 1974); «Порт Магистрального. Здесь легко проследить географию *бамовских* поставок. Кто строит магистраль? *Бамовцы*. А помогает вся страна!» (С. Иванов. БАМ, бамовцы... — «Пионер», 1974, № 12); «Бамовцы готовятся к тому, чтобы в этом году развернуть строительство по всей трассе» («Работница», 1975, № 1).

Хотя слово БАМ очень широко представлено в современном русском языке, нормы его употребления не сложились, совершается становление его лексических и грамматических характеристик. Это объясняется определенными внутренними противоречиями, которые заключены в структуре самого слова. Читатели интуитивно чувствуют это и обращаются с недоуменными вопросами: что же означает слово БАМ? закономерно ли столь распространенное склонение его по мужскому роду? Об этом спрашивают В. П. Ковалевский (Симферополь), Г. А. Кутана (Донецк), Э. Ф. Карина (Омская обл.) и другие.

В речевом употреблении сегодняшнего дня слово БАМ выступает в двух основных значениях: 1) название прокладываемого железнодорожного полотна, то есть собственно Байкало-Амурская магистраль; именно это значение определяется внутренней формой слова и поддерживается ею; 2) аббревиатура получила в речи новое смысловое наполнение — обозначение государственного строительного объекта и района стройки; и в данном значении слово семантически не соотносимо с формально расшифровывающим его словосочетанием.

Сейчас в языковом сознании носителей языка БАМ — это прежде всего создающийся новый географический район страны, где разрабатываются лесные массивы, коренным образом преобразуется вся местность, где ведется колоссальная народная стройка, возводятся жилые массивы, строятся школы и детские сады, больницы и клубы, столовые и кафе: «Ведь БАМ — это порты, поселки, станции, линии электропередачи» («Комсомольская правда», 11 июля 1974); «Напряженный ритм великой стройки, всенародное внимание как бы передалось кинематографистам: они появились на БАМе вместе с посланцами XVII съезда комсомола» («Правда», 26 февраля 1975); «Осень на БАМе» (заголовок. «Комсомольская правда», 6 ноября 1974).

Небезынтересно заметить, как по-разному формируется сочетаемость слова БАМ с другими словами в зависимости от того, в каком из значений выступает БАМ. Так, при обозначении собственно железнодорожного полотна оно употребляется преимущественно в сочетании с именем существительным *трасса*: «Природа районов, по которым пройдет трасса БАМ, менее, чем как-либо другие пространства во всем мире, знакома с деятельностью человека... Вся трасса БАМ проходит по тайге» («Комсомольская правда», 19 июля 1974); «На трассе БАМа в районах многолетней мерзлоты проектируются, как правило, мосты больших пролетов...» («Красная звезда», 7 января 1975); «Мы совершаем увлекательное путешествие вдоль всей трехтысячекилометровой трассы БАМа...» («Правда», 26 февраля 1975). В различии сочетаемости обнаруживается тенденция языка разграничить возникающую многозначность нового слова.

Формирование грамматической структуры слова БАМ также складывается в преодолении определенного внутреннего противоречия. У большинства аббревиатур подобного типа род формируется в зависимости от рода ведущего, стержневого слова словосочетания. Родовое оформление стержневого слова (существительное *магистраль* — женского рода) и внешней формы самой аббревиатуры (БАМ — существительное на твердый согласный, то есть должно относиться к мужскому роду) не совпадают. Многие

аббревиатуры подобного типа в письменных формах речи согласуются с зависимыми словами по форме женского рода и не склоняются (таковы, например, широко известные аббревиатуры ГЭС, ООН, ТЭЦ и многие другие). Судьба аббревиатуры БАМ складывается иным образом.

Анализ современного речевого употребления позволяет утверждать, что БАМ преимущественно употребляется в форме мужского рода. Одним из существенных моментов, определивших становление у аббревиатуры БАМ собственной, независимой от стержневого слова категории рода, явилось то, что и графически, и произносительно БАМ выступает как целостная единица, функционально тождественная слову. Другим, также очень значительным для судьбы слова, признаком оказалась высокая употребительность аббревиатуры в широкой печати, в передачах по радио и телевидению, в сообщениях разных жанров.

И наконец, появление у слова БАМ второго значения, не определяемого структурой самого образования, как бы отграничило аббревиатуру от породившего ее словосочетания и нарушило соответствие сокращения и его расшифровки.

Аббревиатура БАМ получает собственную, соответствующую ее структуре и форме категорию мужского рода, не зависящую от самого сокращения. Как существительное мужского рода БАМ систематически и последовательно склоняется: «Комсомольцы столицы берут шефство над объектами БАМа...» («Правда», 26 сентября 1974); «Юные строители великого БАМа!» («Литературная газета», 12 февраля 1975); «БАМ! Кому сейчас неведома эта стройка? О ней знает каждый, знает и стар, и млад, к БАМу ныне приковано внимание миллионов советских людей» («Литературная газета», 8 января 1975); «Художники — БАМу» (заголовок. «Вечерняя Москва», 9 октября 1974); «А теперь на БАМе — Всесоюзной ударной комсомольской — трудятся уже тысячи молодых энтузиастов» («За рулем», 1975, № 1); «Напряженный ритм великой стройки, всенародное внимание как бы передалось кинематографистам: они появились на БАМе вместе с посланцами XVII съезда комсомола» («Правда», 26 февраля 1975).

Отклонения от этой характеристики, то есть несклоняемость аббревиатуры БАМ и употребление зависимых согласуемых слов в форме женского рода, единичны и не меняют основной особенности складывающейся нормы.

При этом употребление слова в склоняемом и несклоняемом варианте наблюдается только в тех контекстах, в которых БАМ выступает в первом, основном значении (когда повествуется собственно о магистрали, о Байкало-Амурском железнодорожном полотне): «Строителям БАМ» (заголовок. «Правда», 29 января 1975);

и «Строителям БАМа» (заголовок. «Правда», 21 декабря 1974); «Под замасленной тряпкой, меж инструментами, разложенные по кулькам, лоснились новехонькие гвозди...— Слушай, дед,— сгрудились все вокруг кто был в конторке,— их на всю БАМ хватит!» («Новый мир», 1975, № 1).

Но и для данного значения более употребительно склонение слова БАМ в мужском роде: «Принятые меры помогли управлениям и трестам, ведущим сооружение БАМа, выполнить план 1974 года на железнодорожной линии станция БАМ — поселок Тында...» («Правда», 11 февраля 1975); «Механизаторы, плотники, изыскатели, монтеры пути, работающие на центральном участке БАМа, пришли сегодня в клуб „Юность“» («Комсомольская правда», 14 марта 1975); «...На самом восточном отрезке БАМа, взялись молдавские строители возвести станцию и жилой поселок» («Комсомольская правда», 4 января 1975).

Итак, БАМ — новое слово, которое вошло в активное современное употребление. Время покажет, какие значения утвердятся и останутся в языке и как сформируется его грамматическая структура. Наметившаяся в настоящее время тенденция к отрыву аббревиатуры БАМ от расшифровывающего ее словосочетания позволяет предполагать, что БАМ будет жить в языке самостоятельной жизнью «полноправного» слова с многозначной семантической структурой и грамматическим оформлением.

Г. И. Миськевич

● ГОЛОЛЁД И ГОЛОЛЕДИЦА

«Чем объяснить одновременное употребление в одном контексте столь похожих и, по-видимому, синонимичных друг другу слов? Есть ли смысловое различие между этими словесными близнецами и какой из двух вариантов предпочтительнее с точки зрения литературной нормы?» — спрашивает В. В. Иванов из Ленинградской области, Е. В. Липлавская из Иванова и другие.

Причина такого, странного на первый взгляд, неоправданного разнобоя в обозначении одного и того же явления заключается в том, что слова *гололёд* и *гололедица*, синонимичные в литературном языке, различаются в профессиональном языке синоптиков и метеорологов. Они используются для обозначения различных атмосферных явлений, имеющих различный процесс образования и различные отличительные признаки.

Гололёд в профессиональном языке означает замерзание переохлажденных капель дождя или мороси при морозящем дожде и при слабых морозах. Гололёд образуется пре-

имущественно с наветренной стороны предметов. Корка намерзшего льда может достигать толщины в несколько сантиметров и вызывать обламывание сучьев деревьев, повреждение проводов и т. п.

Гололедица как научный термин означает замерзание воды на охлажденной поверхности земли при переходе температуры воздуха через ноль градусов к отрицательным значениям после оттепели или дождя (при внезапном похолодании, а также вследствие замерзания мокрого снега или капель дождя и мброси). Гололедица на дорогах затрудняет и даже останавливает движение транспорта.

Помимо *гололёда* и *гололедицы* метеорологи различают еще и другие виды обледенения: *ледяной налет*, *зернистый налет*, *зернистую изморозь*, *снежный накат*, *снег оледенелый* и т. д.

Именно эти научные термины имеются в виду в сводках погоды, передаваемых по радио, когда поздней осенью, ранней-ранней холодной весной или во время неожиданной оттепели в середине зимы диктор объявляет: «Местами днем (или ночью) слабый гололёд, на дорогах гололедица».

В большинстве случаев явление *гололедицы* наблюдается при условиях, благоприятных для образования *гололёда* (см. об этом брошюру: Е. П. Веселов, Л. М. Рудаков. Методическое письмо. Метеорологические условия образования и прогноз гололедицы. М., 1971; также: «Наставление гидрометеорологическим станциям и постам». Вып. 3, часть I. Л., 1969). Так как самые явления гололеда и гололедицы, образующиеся одновременно, неспециалистами не различаются, значения слов *гололедица* и *гололёд* для непрофессионалов представляются синонимичными. В первом издании БСЭ, например, *гололёдом* назван слой плотного льда, образующийся как на поверхности земли, так и на предметах (стволах и ветвях деревьев, телеграфных проводах и т. д.). Вот пример из газеты, где употреблен не специальный термин *гололедица*, а его литературный синоним: «Чтобы избежать гололеда, мостовые были посыпаны песком» («Вечерний Ленинград», 11 ноября 1974).

Обе формы являются литературными. Впрочем, вариант *гололёд*, по наблюдениям последних лет, имеет разговорный оттенок

(см. об этом статью В. Я. Дерягина, Л. И. Скворцова и З. Н. Люстровой в журнале «Наука и жизнь», 1973; № 4; а также 9-е издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова).

Эта лексика относится к числу старинных русских слов, известных еще древнерусской письменности. Так, в Новгородской IV летописи говорится: «Тогда крестьяномъ не бяше пути, но гололедь без снѣга» (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка). А вариант *гололедица*, судя по данным лексиконов XVIII—XIX веков, возник как производный от *гололёдь*, бывшем в литературном употреблении (кстати, форма *гололедь* созвучна польскому *gololedź*). Таким образом, слово *гололедица* продолжает произносительные нормы от существительных с мягким нулевым окончанием -ь, которые, как правило, никогда не принимают ё. Можно предположить, что современная форма *гололёд* утвердилась в современном русском языке позже.

В переписке Л. Н. Толстого, в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрин и в других материалах XIX века встречается просторечный вариант *гололёдка*. Широко распространены варианты слов в русских народных говорах: *зблочь* [зблочь] (сиб.), *голова́ница* (яросл.), *зблочь* (новг., олон.), *гололёдь* (тамб.), *голеду́ха* (арх.), *голодьба́* (сиб.). Зарегистрированы даже такие формы, как *збломед* (иркут., тамб.) и *збломедь* (якут., иркут., сиб.). Подобные отклонения от основных данных вызываются воздействием сближений по созвучию с другими элементами лексики. Примеры можно найти в «Словаре русских народных говоров» (вып. VI) и в «Толковом словаре» В. И. Даля (словарная статья *голый*).

Н. В. Попова

● РАЗМОРОЗИТЬ

Г. Я. Вокка из г. Всеволожска Ленинградской области спрашивает, является ли литературным слово *разморозить*. «Оно довольно часто употребляется в устной речи, да и в печати,— пишет автор письма.— Так, например, в журнале „Здоровье“ (1974, № 1) читаем: „Как разморозить мясо“. Правда, автор статьи пользуется и словом *оттаивать*».

Прежде всего нужно сказать, что глагол *разморозить* (несовершенный вид *размораживать*) не является приобретением последних лет. Это слово зафиксировано в русской лексикографии — впервые в «Толковом словаре» В. И. Даля (1866), а затем в словарях Академии наук СССР — четырехтомном «Словаре русского

языка» (т. III, 1959) и 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (т. 12, 1961).

Встречается это слово не только в устной речи и в периодике, но и в произведениях известных авторов: «[Наталья] грела кипятком с сухим шалфеем, *размораживала* кусок сала — завтракали» (Павленко. Русская повесть); «Врачи-изверги испытывали способность человеческого организма переносить низкие температуры — их попросту замораживали до потери сознания, а потом медленно *размораживали*» (Б. Полевой. В конце концов).

Возникает вопрос, является ли оправданным существование глагола *разморозить* (*размораживать*) при наличии синонима *оттаять* (*оттаивать*). Сопоставим эти два слова. Общим для них является значение «вывести из замороженного состояния». В пределах данного значения возможны разные случаи. Когда выводят из замороженного состояния то, что само замерзло или покрылось льдом, употребляется слово *оттаять*: «Земля была мерзлая; рабочие *оттаивали* ее огнем» (Арсеньев. Дерсу Узала); или: *оттаивать* дыханием замерзшее окно.

В случаях, когда говорится о чем-либо специально подвергнутому замораживанию (обычно о продуктах питания, плодах, ягодах), может быть употреблено и то и другое слово. Когда речь идет о морозильной установке холодильника, употребляется только *разморозить*.

Глагол *разморозить* образован с помощью продуктивной приставки от продуктивной основы. Четкость его значения поддерживается наличием однокоренного антонима — *заморозить*. Об актуальности слова *разморозить* и его перспективности свидетельствует то, что оно начинает употребляться и в переносном смысле. В «Словаре современного русского литературного языка» (т. 12, 1961) указывается его переносное значение: «Вновь пускать в оборот, в эксплуатацию (средства, запасы сырья и т. п.). *Разморозить кредиты*». Это значение возникло по аналогии со значением антонимичного глагола *заморозить* (ср., например: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, 9-е изд., 1972: «*Заморозить... перен.* Оставить на прежнем уровне или неиспользованным. *Заморозить зарплату. Заморозить средства*»).

В. Н. Цыганова

● КАКОГО РОДА «ДЖЕРСИ», «ТАКСИ», «ВИСКИ»?

Об этом спрашивает В. Н. Долгова из Пермской области.

Подавляющее большинство несклоняемых существительных иноязычного происхождения (принадлежащих к категории не-

одушевленных), подчиняясь законам русского языка, согласуются с другими словами как существительные среднего рода. Однако некоторые существительные колеблются и в роде, и в написании, и в произношении.

Джерси

В словарях отмечены: *джерси* или *джерсей* (Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1913); *джерси*, несклоняемое, средний род (Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка); *джерсе́* и *джерси́*, несклоняемое, средний и мужской род (17-томный Словарь); *джерсе* (Французско-русский словарь. М.—Л., 1929); *жерсе* (Французско-русский словарь, М., 1957); *джерси* и *джерси́*, несклоняемое, средний род и неизменяемое прилагательное (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1972).

В Англии в XV веке возникло ручное вязание спицами, которое вскоре стало процветающей отраслью промышленности. Особенно славилась вязка шерстяных носков на острове Джёрси (Jersey) — у берегов Нормандии: «Большинство рыбаков до сих пор носят традиционное „рыбачье джерси“» («Вокруг света», 1973, № 10). Начиная с XVI века словом *джерси* называют вязаные вещи: «Были выработаны многие виды верхнего трикотажа, как жилеты, шапки, береты, *жерсе*» (журнал «Трикотажная промышленность», 1934, № 1).

В специальной литературе о трикотаже встречается слово *джерсе* только в статьях, посвященных его производству за рубежом, и в переводах: «Костюм из синего ластика с отделкой из тонкого белого джерсе (jersey)» («Трикотажная промышленность», 1935, № 1); «Главнейшим видом вязаного полотна является так называемое „джерсе“...» (там же, 1935, № 4). Эти примеры говорят о том, что словом *джерсе* в основном своем значении называется трикотажное полотно импортного производства, а также изделие из него.

В художественной литературе вариант мужского рода слова *джерси* встречается очень редко, чаще средний род: «В сущности же было только то, что *джерси* было ей особенно к лицу» (Л. Н. Толстой. Крейцеров соната). В настоящее время слово *джерси* чаще употребляется как аналитическое прилагательное: «Швейная фабрика „Салют“ предлагает утепленные тонким слоем ватина пальто из ткани „джерси“» («Московская реклама», 26 октября 1974). В разговорной речи от слова *джерси* образуют качественные прилагательные *джерсовый* и *джерсёвый* (Новые слова и значения. Словарь-справочник. М., 1971): «Ремонт изделий из кримпленовых и джерсовых тканей» (объявление в ателье).

Это существительное пришло в русский язык из французского в форме мужского рода: *taxi-auto* (таксомотор), *taxi* (такси) — фамильярное выражение (Французско-русский словарь. М., 1929; М., 1946); *taxi* (Французско-русский словарь. М., 1955; М., 1960; 1971). В «Дневниках 1912—1913 годов» А. Блока встречается три варианта наименования: «Днем — у мамы. Поехали с ней в *таксомоторе* к Ивановым»; «...Мы с Любой поехали в *такси-оте* к Анчиковым»; «...Уехали в 3 часа ночи — опять, разумеется, в *такси...*». Форма *такси-от* просуществовала, видимо, недолго, да и то в устной речи, в словарях она не зафиксирована.

Таксомоторный транспорт активно начал развиваться в России уже после Октябрьской революции, в 20-х годах. В этот период и отмечено употребление существительного *такси* в мужском роде, с одной стороны, под влиянием слова *таксомотор*, которое употреблялось с большей частотностью, а с другой, под влиянием языка-источника: «Особенно велико сравнительно с населением число таксомоторов во Франции: *один таксомотор приходился там в 1913 г. на 470 жителей...* В Париже *1 такси приходился* (в 1925 г.) на 308 жителей; в Лондоне — *один на 1026 жителей* (в 1924 г.)» (Л. Я. Выгодский. Таксомоторное сообщение и механический грузовой транспорт в больших городах. М., 1925).

Под влиянием действующей на протяжении XIX—XX веков тенденции к устранению колебаний в пользу среднего рода употребление слова *такси* в мужском роде сейчас не встречается. В «Словаре иностранных слов» (М., 1937) оно отнесено к категории среднего рода, так употребляется и теперь: «...Изредка с отдаленным шелестом проезжало *одинокое ночное такси*» (Бондарев. Родственники). В разговорной речи иногда встречается вариант женского рода: *такси остановилась*. Это объясняется соотносительностью со словом *машина*, обозначающим родовое понятие.

Виски

Словари и справочники по-разному фиксируют род этого слова. Например: 17-томный Словарь — женский, средний, иногда мужской род; Толковый словарь Д. Н. Ушакова — мужской и средний; Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке (М., 1967) — средний и мужской; С. И. Ожегов. Словарь русского языка (М., 1972) — средний.

Женский род у слова *виски* появился от семантической близости со словом *водка*. *Виски* как сорт *водки* (такое значение раскрывается и в словарях): «Боцман хотел было спуститься на кубрик, чтобы приодеться на берег, где рассчитывал основательно

попробовать *виски*, о которой рассказывали шлюпочные» (Станюкович. Морские рассказы и повести. 1897—1902. Собака).

Существительное *виски* заимствовано в XIX веке из английского языка, в котором нет категории рода. Однако вторичное заимствование из французского могло повлиять на употребление слова в мужском роде при переводе: «*Странный виски! Пахнет дымом...— Дала вам шотландский, а вы, конечно, привыкли к нашему...— Он не пахнет дымом. Настоящий первосортный виски*» (Дж. Лондон. Убить человека. Перевод с английского Н. Емельяниковой).

В произведениях советских писателей и переводной литературе последнего времени почти не встречается употребление этого слова в мужском и женском роде: «Какое пить виски — „Белая лошадь“ или „Джонни Уокер“?» (Ильф и Петров. Одноэтажная Америка); «Желтоватый цвет жидкости несколько напоминал шотландское виски... А это наше русское виски» (Майский. Воспоминания советского посла); «Странная штука дрянное виски...» («Иностранная литература», 1973, № 5). По аналогии с большинством других несклоняемых существительных, обозначающих неодушевленные предметы, сложилась норма употребления слова *виски* в среднем роде.

Е. А. Вологодина

● КОНФРОНТАЦИЯ

Значением этого слова интересуются многие читатели журнала «Русская речь»: москвич А. Федоров, К. С. Леонидова из Сочи, О. Н. Соловьева из Тамбовской области и другие. «Слово *конфронтация* употребляется на страницах газет и журналов, а в толковых словарях русского языка его нет», — пишут они.

В русском языке *конфронтация* — иностранное заимствование. В связи с развитием науки и техники, расширением связей с зарубежными странами иноязычных слов в нашем языке появилось много. Широко известны такие, например, слова: *лазер, мазер, интервидение, космовидение, лайнер, нейлон, хобби, детектив* и многие другие.

Французское слово *confrontation* имеет два значения: 1) очная ставка; 2) сличение. Во французском языке в свою очередь оно возникло на основе латинских *cum* «вместе, против» и *frons*, род. падеж *frontis* «лоб, фронт» (см. БСЭ, III изд., т. 13. М., 1973). Ср. в английском языке: *confrontation* — 1) очная ставка; 2) сличение, сопоставление.

Слово *конфронтация* начало употребляться в языке газет в значении «противопоставление, столкновение». В толковых словарях этого слова действительно нет, но его зафиксировал на материале прессы и литературы 60-х годов словарь-справочник «Новые слова и значения», вышедший в 1971 году под редакцией Н. Э. Котеловой и Ю. С. Сорокина. Данное значение — «противопоставление, столкновение» — развилось, по-видимому, на основе значений латинских слов *сум* «против» и *frons* «фронт».

Вот примеры современного употребления слова *конфронтация*: «Тот факт, что СССР и США взяли на себя обязательство избегать военных *конфронтаций*, исключить возникновение ядерной войны между ними и между каждой из сторон и другими странами, — свидетельство торжества принципов мирного сосуществования» («Правда», 24 июня 1973); «Нынешний коренной поворот в международных отношениях от политики *конфронтации* к устойчивой разрядке напряженности, отражающий общее изменение соотношения сил в пользу мира и социализма, — это итог неустанных усилий СССР, других стран социалистического содружества» («За рубежом», 1973, № 25); «Эта программа [мира] противопоставляет политике агрессии и „холодной войны“ политику мирного сосуществования, политике *конфронтации* — политику сотрудничества...» («Агитатор», 1973, № 23); «Ведь „холодная война“ с точки зрения сил антикоммунизма имела смысл постольку, поскольку она выступала как преддверие „горячей войны“, подготовки прямой агрессии, либо „удушения“ социализма с помощью экономической блокады. Ни первая, ни вторая цель... не были достигнуты, несмотря на огромные усилия в этом направлении, предпринятые в период *конфронтации*» («Коммунист», 1975, № 2).

Слово *конфронтация* означает «противоборство, противопоставление (социальных систем, классовых интересов, идейно-политических принципов и др.); столкновение» (БСЭ, III изд.). В этом значении слово и употребляется в современной прессе.

Ю. Ф. Хаустова

● БИТЬ БАКЛУШИ

«Я знал, что *бить баклуши* — значит бездельничать. Но вот недавно узнал, что *баклуша* — это заготовка для вырезывания различных деревянных предметов: ложек, чашек, фигурок, игрушек и т. п. Так ли это?» — спрашивает слесарь Б. Строганов из Калининграда.

Слово *баклуша* в русском языке употребляется давно. Одним из первых его зарегистрировал в 1789 году «Словарь Академии

Российской». В русском литературном языке это слово известно главным образом в двух значениях: «обрубок древесины, обработанный вчерне для выделки из него ложек, чашек и т. п.» и «род музыкального ударного инструмента в виде двух металлических тарелок».

А в русских народных говорах известны три слова *баклуша*, так называемые омонимы (слова одинаково звучащие, но разные по значению). В «Словаре русских народных говоров» АН СССР (М. — Л., 1966, вып. 2) у первого слова отмечено четырнадцать значений, у второго — три и у третьего — одно.

Среди языковедов пока нет единого мнения о происхождении выражения *бить баклуши*. Признавая значение «праздно проводить время, заниматься пустяками, бездельничать», языковеды по-разному объясняют происхождение этого выражения. Одни берут за основу своего толкования *баклушу* в значении «чурка, болванка». Готовить такие чурки, болванки, заготовки в кустарном производстве называлось *баклуши бить*. Эта работа считалась легким, пустяковым делом и поручалась подмастерьям. Отсюда, как полагают некоторые, и возникло переносное значение у выражения *баклуши бить* — «заниматься пустяками, бездельничать».

В основу следующего объяснения положено значение слова *баклуша* — «шутка, острота». Языковеды зарегистрировали в русских народных говорах выражение *бить баклуши* в значении «шутить, острить, вести пустые разговоры».

В основу других объяснений кладутся такие значения, как «чурка для игры в городки, рюхи или бабки» (*бить баклуши* означает «играть в городки, рюхи, бабки, а не заниматься серьезным делом»); «лужа, яма с водой» (*бить баклуши* — «бить лужу», то есть заниматься пустяками).

Наиболее распространенное объяснение происхождения *бить баклуши* связывается все-таки именно с *баклушами* — «чурками, заготовками для выделки ложек, чашек и т. п.», о которых узнал читатель Б. Строганов.

В. Н. Сергеев

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1975 год

Аванесов Р. И. Беседы о русском произношении	1 — 6
Аванесов Р. И. Наши консультации	2
Аванесов Р. И. Ив́анов или Иванóв	5
Аванесов Р. И. О произношении мягкого и твердого долгого <i>ж</i>	4
Аванесов Р. И. Слово о полку Игореве	3
Авилова Н. С. Пасть — падать — упадать	6
Авилова Н. С. Читай Пушкина	1
Алексеев А. А. О названиях частей речи	3
Алексеева Т. А. Древнерусский писатель Кирилл Туровский	5
Ахунзянов Э. М. Лев Петрович Якубинский (1892—1945) . .	2
Бабайцева В. В. О синтаксических единицах	1
Бакина М. А. Новообразования в современной поэзии	2
Барандеев А. В. Неупорядоченное написание	1
Баранникова Л. И. Русские народные говоры сегодня	5
Бахилина Н. Б. Об использовании В. И. Лениным некоторых евангельских изречений	2
Бахилина Н. Б. Ослепительно рыжий, безнадежно рыжий . . .	5
Белов С. В. Неслучайные слова и детали в «Преступлении и наказании»	1
Белоусов В. Н. Трудности в образовании форм повелительно- го наклонения	6
Бельчиков Ю. А. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи	6
Бельская Л. Л. «Узловая завязь природы»	1
Бландова Н. Г. Автор в диалоге своих героев	1
Борковский В. И. Илларион Семенович Свенцицкий (1876— 1956)	3
Брагина А. А. Язык наш — язык мой	4
Будагов Р. А. Эстетика языка	4, 5
Булохов В. Я. Присоединительные конструкции в сочинениях школьников	5
Бурцева В. В. Профессионализмы в словарях	3
Варбот Ж. Ж. Жухнуть	3
Ващенко Т. Ф. Кабальные книги	4
Василевская Е. А. Рылеев — трибун декабризма	4
Василевская Е. А. Слово в поэзии Никитина	1
В. Б. Премия имени А. С. Пушкина	1
Водовозов Н. В. Радищев — писатель-революционер	1
Высоцкий С. А. Летопись на древних стенах	1

Галманова М. А. Призы «Русской речи»	2
Гальченко И. Е. Непереводимые осетинские слова в русской художественной речи	4
Гладышева Л. А. «Лица необщее выражение»	2
Гладышева Л. А. Оптимистическая трагедия	6
Глебова Т. С. Художественный образ войны в повестях и романах К. Симонова	3
Голанова Е. И. Субботник	2
Голуб И. Б. Славянизмы в поэзии декабристов	3
Гомазков В. Похвала пословице	1
Громова Н. М. Жизнь слова в поэзии Роберта Рождественского	4
Даниленко В. П., Хохлачева В. Н. Словарь языка В. И. Ленина	2
Демьянов В. Г. Из истории слова <i>капитан</i>	3
Деревнина-Ларионова Н. Г. Слово в поэзии А. И. Одоевского	6
Дерягин В. Я. Севастополь, Симферополь, Тирасполь	3
Дианова Т. В. Водяные знаки XVII века	5
Добродомов И. Г. Булгарские следы на карте	6
Довгалло Г. И. Ф. И. Буслаев — собиратель рукописных книг	1
Дрягин Е. П. «Властелин словесных тайн»	5
Дундайте А. И. Древнерусские суффиксы	4
Елеонская А. С. Сравнения в полемических сочинениях XVII века	3
Емельченко И. Р. Солянки, селянки...	5
Еремина Л. И. Предикативы в древнерусском языке	1
Жаримбетов А. Аир	3
Журавлева А. И. «Белеет парус одинокой...»	3
Захаркин А. «И начнет рассказ свой месяц...»	1
Захаров А. Н. Поэтическое слово Есенина	2
Захаров Б. Ф. Корнями обвести	1
Интервью с писателем Борисом Полевым	3
Интервью с писателем С. С. Смирновым	5
Ионина М. В. Типичные ошибки в сочинениях абитуриентов	2
Ипполитова Н. А. Глагол в системе частей речи	6
Капралова С. Г. см. Кудрявцева И. И.	3
Качасва Л. А. Глагол как изобразительное средство	5
Клепиков С. А. Юбилейная филигрань	2
Клюев В. С. «Его глагол нелицемерен...»	5
Ковалев В. П. Экспрессивное использование категории рода	5
Коготкова Т. С. Слово в терминологическом и нетерминологическом применении	1
Кодухов В. И. Русский язык в Академии наук СССР	6
Кожин А. Н. Крылатые слова — публицистическое оружие В. И. Ленина	2
Кожин А. Н. Ораторское искусство М. И. Калинина	6
Козырев В. А. «Слово о полку Игореве» и современные русские народные говоры	5
Колесов В. В. Алексей Иванович Соболевский (1856—1929)	4
Колесов В. В. Яков Карлович Грот	1

Кононенко В. И. Синтаксические неожиданности	3
Костомаров В. Г., Новиков Л. А. Институт русского языка им. А. С. Пушкина	1
Коткова Н. С. Кумач	5
Котков С. И. Лексические элементы «Слова о полку Игореве», связанные с Новгород-Северской землей	5
Котков С. И. Потягу в «Слове о полку Игореве» и созвучные факты XVII века	4
Крыжановский Л. Н. О сочинительных словах и словообразо- ваниях	5
Кудрявцева И. А., Капралова С. Г. «Фетюк»	3
Кузнецова Л. Н. Культура речи в передачах для детей	6
Кузнецова Л. Н. На бѣрег или на́ берег	3
Кузнецова О. Д. Вятский словарь Н. М. Васнецова	1
Кузнецова О. Д. Смоленский областной словарь	2
Кузнецова О. Д. Учеба — учение	5
Лашин М. А. Сын русского народа	3
Левина Г. М. Кукушка, какушка, загоска...	6
Лекант П. А. Основные аспекты предложения	1
Лопатин В. В. Об одной разновидности аффиксов в русском языке	2, 3
Мазанько И. Ф. Верху и низу	2
Мани Ю. Наблюдения над словарем декабристов	5
Масик В. И. О поэтической фразеологии М. Исаковского	5
Массальский П. В. Пятьдесят лет на сцене МХАТа	2
Мизин О. А. Обращения в произведениях В. И. Ленина	2
Михайловская Н. Г. Книги по языкознанию в личной библио- теке В. И. Ленина	2
Михайловская Н. Г. Памятник мужества и надежды	4
Морозова Е. А., Цветов Г. А. Развернутая метафора в стихах Вл. Солоухина	2
Метиславская Е. П. «Свобода, изобретение и новость...»	6
Мудрая Т. А. Таркйч	6
Мусатов В. Н. Заметки о языке «Тихого Дона»	3
Неженец Н. И. Стих Сурикова	6
Нестеров М. Н. Знатоки народного говора	2
Нестеров М. Н. Стиль исторического романа А. К. Толстого	5
Новиков Л. А. см. Костомаров В. Г.	1
Носков Н. М. День рождения Букваря	2
Одинцов В. В. «Зачинщик русской повести» (О языке прозы Бестужева-Марлинского)	2
Одинцов В. В. Политическое красноречие декабристов	6
Одинцов Г. Ф. О розовых, зеленых и голубых лошадях	4
Ореховацкий Ю. И. Слова с корнем <i>жир-</i>	4
Ошанин Л. И. Чтобы верил...	4
Панькин В. М. Омонимия лексическая и синтаксическая	1
Подгаецкая И. М. Лингвистическая миниатюра	2, 3
Поцов Р. Н. Учись читать и слушать стихи	1

Преображенская М. Н. Русский язык в современном мире . . .	6
Прокопович Е. Н. Формы прошедшего времени. Как они живут в речи?	3
Прокофьев Н. И. Бессмертная поэма Древней Руси	5
Проценко Д. Д. Синтаксический разбор простого предложения	3
Ручко Л. И. Союзы цели в русском языке XVIII века . . .	4
Седых Г. И. «Порыв к великому, любовь к добру...»	4
Сергеев В. Н. О доках и докерах	1
Скотов Н. Н. Два стихотворения Пушкина	4
Скворцов Л. И. Маргайцевый или маргайцовый	4
Скворцов Л. И. Военный, войсковой, воинский	5
Скворцов Л. И. Новорожденный или новорождённый	4
Скворцов Л. И. Пожарный и пожарник	3
Скворцов Л. И. Р. А. Будагов. Человек и его язык	6
Смирнова О. И. Лихой	4
Смолина К. П. Имение	4
Сороколетов Ф. П. Сокровищница русского народного слова	4
Степанова А. И. Пятьдесят лет на сцене МХАТа	2
Строгова В. Н. Норá и поно́бра (пóнор)	1
Тихомиров В. Н. «Небывалый приток фантазии» (О романтической лексике в романе Гончарова «Обрыв»)	3
Тоболова М. П. О термине «предложение»	3
Федоров Л. А. П. И. Чайковский — сотрудник Словаря Академии наук	3
Федосеева Л. Н. Ностальгия	3
Филиппов В. С. Оркестр. Оратория. Кантата	1
Флекенштейн К. Роль русского языка в воспитании молодежи ГДР	2
Фонякова О. И. О словаре собственных имен в автобиографической трилогии М. Горького	2
Хаустова Ю. Ф. Новая книга	2
Ходакова Е. П. Народно-разговорная лексика в произведениях декабристов	6
Ходакова Е. П. Просторечные слова	2
Хохлачева В. Н. см. Даниленко В. П.	2
Хроленко А. Т. «...И жар холодных числ...»	4
Цветов Г. А. см. Морозова Е. А.	2
Чичерин А. В. Устная речь как искусство	4
Чурмаева Н. В. Листая учебник	1, 4, 5
Шорыгина М. И. «Властелин словесных тайн»	5
Шостак М. И. «Впечатляя — убеждать» (заметки о стиле Герцена-публициста)	5
Шустов А. Н. Зеркало русской революции	2
Щеглова Г. Н. Стилиевые особенности драмы Л. М. Леонова «Нашествие»	3
Этерлей Е. Н. Загадочная купава	6
Этерлей Е. Н. Овощь садовый и фрукта огородная	2

Почта «Русской речи»

Акселерация	1
Анатомировать... голос	2
БАМ	6
Белка	3
Бить баклуши	6
В городе Камне-Каширском или Камень-Каширском?	2
Вижу <i>брата</i> , но купил <i>стол</i>	5
Встречный план	3
Выходная одежда	4
Гидроним и псевдоним	2
Гололёд и гололедица	6
До или по?	1
До, ре, ми...	3
Жар — жара	4
Знать, чтоб не употреблять	1
Кавалер ордена...	3
Какого рода <i>джерси</i> , <i>такси</i> , <i>виски</i>	6
Как произносятся и склоняются аббревиатуры?	5
Клуб четырех коней	5
Конфронтация	6
Костёр и костерь	3
Кто такой постижер?	3
Культура речи — показатель общей культуры человека	1
Львиная доля	5
Мансарда	4
Маэстро	2
Менделевый или менделеевский?	1
Мораль и нравственность	3
Об истории слов и выражений	1
Образная речь тренера	1
О греческих календах	1
Одиссей и одиссея	1
О пунктуации	1
О склонении фамилий и географических названий	1
О языке спортсменов	1
Письмо в редакцию (об употреблении слова <i>гаран</i> во время Великой Отечественной войны)	3
Пластуны	2
Разморозить	6
Ростральная колонна	4
Самовитый	4
Сила солому ломит	1
Сморозить	1
«Со всего района»	3
Универсам	4
Хлебороб	4
Что такое булытка?	3
Юбилей и годовщина	3

В рассказе Ю. Нагибина «Смерть на вокзале» воссоздается последнее утро совершенно реального лица — русского поэта, переводчика и критика Иннокентия Федоровича Анненского (1856—1909). Вся его прошлая жизнь — события, люди, окружающая среда — изображается как бы преломленной в индивидуальном сознании и освещенной предчувствием конца.

I. Какие собственно-языковые приемы выразительности в предложенных для анализа текстах используются Ю. Нагибиным для создания словесно закрепленного образа всевозможных душевных состояний героя? Какова роль пейзажных вкраплений, в какой-то степени отражающих внутренний мир героя?

«Дожди отслезились в начале ноября, раз-другой необлетевшую жестяную сирень и жухлые травы подсолило утренником...» (78); «За окнами кабинета тускнел серый, с прижелтью, кудрый декабрьский денек, что выгорает, так и не вспыхнув, часам к трем пополудни» (78); «Сумеречная улица в черных костлявых деревьях, в слабом шорохе иссохшей листвы приняла его и растворила в своей пустынности и печали, в ознобливой незащищенности» (81); «В туманом повитых, дождями исхлестанных, болотными и речными испарениями задушенных столицах умеют ценить редкие улыбки безжалостного неба» (83). «Коротенькое это путешествие выматывало душу почище иных тысячеверстий. /.../ И все же по взблеску каких-то плоских луж, по вдруг обозначившейся хорде низкого горизонта угадывалась до слез унылая площадка окрестного простора» (86). «Ему было знойко, сыро, невыносимая тоска сдавила сердце. Неужели опять начинается? Господи, а ведь это куда хуже, чем в муках воображения. Неужели конец? Нет, нет! /.../ Но ему опять плохо, совсем плохо. Это даже не боль, любую боль можно выдержать, когда же она выходит за некий предел, сознание покидает человека, и он уже неподвластен боли. Это что-то другое, из ужаса, тоски, безысходности. И распирающий ком внутри...» (86).

II. В приведенных ниже примерах попытайтесь выделить те средства экспрессивности, которые, по вашему мнению, наиболее действительны при изображении внутреннего мира героя.

«...Он примет предложение возглавить критический отдел «Аполлона», немного переводчик, во всяком случае, до выхода всего русского Еврипида, и поэт, поэт, поэт! Прежде всего поэт, наконец-то поэт! /.../ поэт, вовсе поэт, а не поэт-чиновник, стыдливо маскирующий самое важное в себе» (77—78). «Глядя прямо в беспокойные, ищущие, льдисто-зеленые глаза благочинного, он пытался воздействовать сквозь эти люки на его мозг...» (84). «Его угнетало все: застойный запах фенола, слабо мерцающие под потолком свечи и покойнички лица пассажиров, отражающих лбами этот тусклый дрожащий свет, древняя пыль в пазах оконниц,

истертый плюш сидений, заунывное тактаканье колес, грубые вздрог и лягги железного тела поезда, безвыходность пребывания здесь, утрата воли, отобранной у тебя расписанием и таинственным хромоногим существом с разбитым фонарем...» (85). «А в углу согнулась худая, как кость, старуха с нарумяненными щеками и странно блестящими глазами в черных глубоких провалах глазниц. Неприятная старуха. Она так поглядывала на Анненского из своих пещер, словно читала его или, по крайней мере, знала, кто он такой» (86).

III. Какова, на ваш взгляд, роль архаизмов (устаревших слов), какие пути усиления экспрессивности слова использует автор в таких, например, текстах: «А разве сам Пушкин не процитировал старого, всеми осмеянного пииту князя Шаликова: „Ямщик лихой, седое время...“?» (78). «Он надевал доспехи и, клонясь под их тяжестью, выходил на ристалище, на бой жестокий, беспощадный и заранее проигранный» (80). «Ну же, батюшка, ведь наверняка, сочиняя донос на нерадивого пастыря юношеских душ, вы листанули бледным пальцем с голубым ногтем мои «Тихие песни» (84). «Неузнанный, неугаданный, непрочитанный Анненский заспешил в сторону вокзала, а квадратный, ясный, как день, в своей темноте, чиновник Дворцового ведомства не спеша побрел к родным пенатам» (84). «Бедные мои слова томятся во мне, как в темнице, но муки достаются не узникам, а узилищу» (85). (Ю. Нагибин. «Смерть на вокзале». Наш современник, № 2, 1975).

Ответ в первом номере 1976 г.

Практикум по стилистике подготовила Л. И. Еремина

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Г. П. БЕРДНИКОВ, **Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ**, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**,
К. В. ГОРШКОВА, **В. П. ДАНИЛЕНКО**, **В. Я. ДЕРЯГИН**,
И. Г. ДОБРОДОНОВ, **Л. П. ЖУКОВСКАЯ**, **Л. М. ЛЕОНОВ**,
А. И. ОВЧАРЕНКО, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора),
Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), **Ю. С. СОРОКИН**,
Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, **Ф. П. ФИЛИН**,
О. А. ХАМИЦАЕВА (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12/VIII — 1975 г. Подписано к печати 27/X—1975 г. Т-18332
Тираж 65.000 Формат бумаги 84×108¹/₃₂ Усл. печ. л. 6,72. Бум. л. 2
Уч.-изд. л. 7,8 Зак. 2726

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

РУССКАЯ ФИЛИГРАНЬ

(окончание)

В начале 1820-х годов в Калужской губернии появился формоплет (так назывался мастер, который делал формы для отлива бумаги), обслуживающий несколько небольших бумажных фабрик. Этого мастера можно было узнать по особенностям написания текста (литеры с затейливыми завитушками), упрощенному изображению знака «Vryheyt» (свобода), изображениям стоящего льва с мечом и дротиками и леопарда. Этот формоплет обслуживал фабрики Е. Баскакова (Калужский уезд), Алонкиной (Перемышльский уезд), ее арендатора А. Чешихина и братьев Биликиных (Лихвинский уезд). В середине 1830-х годов мы встречаем филигранный его работы в Могилевской губернии (фабрика Л. Гурко). Публикуемый знак принадлежит фабрике братьев Ивана и Осипа Биликиных, расположенной на реке Черепет. Точная дата возникновения фабрики не установлена. Однако первую датированную филигрань мы встречаем с датой 1811, а наиболее позднюю — 1836. В 1836—1837 годах фабрика переходит в руки братьев Кузьмы и Михаила Прянишниковых.

Воспроизводимый знак помещался на правой половине листа: леопард стоит на задних лапах, голова повернута вправо. Передние лапы положены на щиток с изображением восьмилистника.

ЧЕРЕПЕТЦКОИ

На левой помещалась литера *Ф* или слово «фабрики». Дата (1828 год) установлена по дате документа, на бумаге которого обнаружена филигрань.

Аналогичный знак встречается на бумаге фабрики Евгения Баскакова и у Алонкиной. Кочующий формоплет — редкое явление в филигранистике.

